

Министерство образования и науки РФ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственной университет»

На правах рукописи

БУДАГОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОЭЗИИ ДОН-АМИНАДО

Специальность 10.01.01 – русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

**Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Е.Н. Брызгалова**

Тверь, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ ДОН-АМИНАДО	15
1.1. Понятие мотива и мотивной структуры	15
1.2. Мотивная структура сборника стихов «Песни войны»	23
ГЛАВА II. МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РАННЕГО ЭМИГРАНТСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДОН-АМИНАДО	46
2.1. Мотивы разрушения и ностальгии как два смыслообразующих центра сборника «Дым без отечества»	48
2.2. Смена мотива ностальгии мотивами примирения и прославления жизни	79
ГЛАВА III. МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО ЭМИГРАНТСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДОН-АМИНАДО	107
3.1. Мотив эмигрантской жизни	108
3.2. Мотивы воспоминания и ностальгии	118
3.3. Двойственное отношение к России как основа формирования оппозиционных мотивов	131
3.4. Эмигрантский быт как основа развития мотивов бессмысленности жизни и потерянности молодого поколения	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	158

ВВЕДЕНИЕ

Поэзия Серебряного века вызывает постоянный интерес как у читателей, так и у историков литературы. В ту эпоху разносторонних эстетических поисков жили и творили поэты, чье творчество уже в наше время как бы открывается заново. Одним из таких поэтов является Дон-Аминадо. Творческое наследие Дон-Аминадо мало изучено. Нет ни одной монографии, посвященной его творчеству. Между тем такие его современники, как М. И. Цветаева, М. Горький, И. А. Бунин, Ф. И. Шаляпин, А. Н. Вертинский, З. Н. Гиппиус и др. ценили его талант, признавали в нем высокое творческое начало. Читателю XXI в. псевдоним Дон-Аминадо почти ничего не говорит. Такое забвение, возможно, обусловлено тем, что писатель долгие годы прожил в эмиграции, и его стихи, рассказы, фельетоны на родине не издавались, за исключением случайных и немногочисленных публикаций в журналах и газетах.

Дон-Аминадо – псевдоним Аминада Петровича (Аминодава Пейсаховича) Шполянского (1888–1957), поэта, фельетониста, журналиста. У писателя было несколько псевдонимов: Аминадо, Гидальго, Кривой Джимми, Страшноватенко. Но основным и постоянным был один – Дон-Аминадо.

Аминад Петрович родился 25 апреля (7 мая) 1888 г. в Елизаветграде в мещанской семье. В 1906 г. окончил елизаветградскую классическую гимназию и поступил на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе. В 1910 г. приехал в Киев, где и закончил экстерном университет.

В 1910–1912 гг., будучи помощником присяжного поверенного в Москве, вращался в московских литературных кругах, познакомился с И. А. Буниным, В. Ф. Ходасевичем, В. Я. Брюсовым.

Творческий путь Дон-Аминадо начался с сотрудничества в газетах, в которых он помещал злободневные фельетоны и обзоры. Он дебютировал в московской газете «Раннее утро» и «Одесской газете» (1913–1914 гг.), печатался в газетах «Вечерние новости», «Новь», «Утро России» (с 1914 г.).

Первый сборник стихов «Песни войны» вышел в 1914 году. Как отмечают исследователи творчества поэта, «написанные в бодром патриотическом духе, стихотворения были проникнуты болью за судьбу мира и культуры, но не выделялись на фоне военной лирики тех лет» [Русское зарубежье ... , 1997, с. 221].

Дон-Аминадо успел напечатать эпиграмму «Собрату по перу» в последнем номере петербургского журнала «Сатирикон» и с 1913 г. сотрудничал в «Новом Сатириконе».

Февральскую революцию Дон-Аминадо встретил восторженно. В московском Новом театре П. Кохмановского шла его пьеса «Весна семнадцатого года», в которой судьба свергнутого с престола Николая II сравнивалась с участием других монархов (французского Людовика XVI, португальского короля Мануэля). Октябрьскую революцию Дон-Аминадо не принял. В 1918–1919 гг. он жил в Киеве и публиковал свои произведения в газетах «Приазовский край», «Киевская мысль», «Современное слово», «Одесская почта», «Одесский листок».

А с 1920 г. начинается эмигрантский период в творчестве писателя. Дон-Аминадо жил в Париже и сотрудничал в «Общем деле», стал ведущим фельетонистом в газете «Последние новости». С этого времени он печатался в эмигрантской прессе.

Как отмечают исследователи (В. И. Коровин, Л. А. Спиридонова, О. А. Кузнецова), эмигрантский период творчества Дон-Аминадо оказался наиболее плодотворным. В эмиграции открылись новые грани его таланта. «Характерная для его раннего творчества тема “маленького человека”, неприятие пошлости и бездуховности, критика российского мещанства окрашиваются чувством горечи и пессимизма» [Литературная

энциклопедия ... , 1997, с. 156]. Сборники стихов и прозы «Дым без отечества» (1921), «Наша маленькая жизнь» (1927), «Накинув плащ» (1928) продолжили классическую традицию русского юмора с его состраданием к «маленькому человеку». Одновременно эта тема трансформируется применительно к эмигрантскому зарубежью.

«Дым без отечества» (1921) – первый сборник стихотворений, вышедший в эмиграции. Весьма характерно, что в книге преобладают ностальгические мотивы. Как отмечает Л. А. Спиридонова, исследовательница творчества поэтов-сатириковцев, «её герой – рядовой российский эмигрант, растерянный, заблудившийся в потёмках собственных исканий, мучительно тоскующий по утраченной навсегда родине» [Спиридонова, 1999, с. 255]. Маленький человек-эмигрант постоянно ощущает себя ненужным; это герой, разочаровавшийся в революции. Отсюда возникает желчная интонация и чувство глубокой скорби. В этой книге «много боли, очень много боли, проступающей каждый раз когда автор неприметно для себя показывает человеческое лицо своё» [Дроздов, 1921, с. 12]. Дон-Аминадо высмеивает диспуты о спасении России и считает, что её может спасти только сильная власть. Но вероятнее всего, он не верит в возможность наведения в стране железного порядка. Россия для него лично, как и для всей эмиграции, навсегда потеряна.

Сборник «Дым без отечества» можно охарактеризовать как самоиронию, самосуд. М. И. Цветаева писала ему: «Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию! <...> Вся Ваша поэзия – самосуд: эмиграции над самой собой» [Шаховская, 1991, с. 284].

Первый эмигрантский сборник насыщен иронией и юмором, в стихах Дон-Аминадо «органически сочетались два начала: ярко сатирическое и мягко лирическое, что придавало им своеобразное изящество» [Усенко, 1990, с. 172]. Наибольшей остроты сатира писателя достигает в сборнике «Наша маленькая жизнь» (1927), составленном из фельетонов и рассказов, которые отражают раскол в среде русской эмиграции.

Лирический герой сборника «Накинув плащ» (1928) – романтический бродяга, странствующий по Вселенной. Прежнее неприятие пошлости и бездуховности, критика мещанства затуманены налётом ностальгии. Автор грустит о старом быте, в стихотворениях не раз упоминает Москву и московские реалии: Патриаршие пруды, Петровский парк, Арбат, Малую Бронную, Ходынское поле. Этот сборник стихов наполнен лиризмом, сатира уходит на второй план. И. А. Бунин писал: «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах) и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту, – художественному, а не только газетному, злободневному» [Бунин, 1998, с. 263].

С годами желчная интонация первых эмигрантских сборников сменяется более мягкой. Дон-Аминадо призывает к бодрости и стойкости, приятию жизни. Автор «проповедует философию мудрого отношения к жизни, примирения с нею, отказ от экзальтации и утопических надежд. Отсюда особая, пушкинская, лёгкость и изысканный юмор» [Целкова, 1995, с. 124].

В 1920–30-е гг. Дон-Аминадо активно сотрудничал в берлинских и парижских изданиях, печатался в газетах «Свободные мысли», «Последние новости», журналах «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», «Скифы» и др. В начале 1930-х гг. русская эмиграция попыталась возродить журнал «Сатирикон», и на должность главного редактора был приглашён Дон-Аминадо. Вышло четыре номера, однако из-за финансовых трудностей журнал прекратил своё существование. В 1930-х гг. Дон-Аминадо становится крупнейшим сатириком русского зарубежья.

В 1935 г. в Париже вышла книга «Нескучный сад», в которой наряду со стихотворениями были циклы афоризмов под общим заглавием «Новый Козьма Прутков». Козьма Прутков Дон-Аминадо – это не сатирический тип, а лишь маска, за которой угадывается сам автор – российский интеллигент, эмигрировавший в Европу. Он блистательно остроумен и зол. В основе создания афоризмов лежит обыгрывание метафор, антитеза, иронический

подтекст. Характерные приемы комического – «выворачивание наизнанку расхожего житейского правила, сатирический парадокс, каламбур, пародийный перепев» [Спиридонова, 1999, с. 278]. Литературным предшественником автора является не только простоватый Козьма Прутков, но и блестящий Оскар Уайльд.

В сборнике стихов «Нескучный сад» лирические зарисовки старой России и эмигрантского быта окрашены добрым юмором. По-прежнему значительное место занимает тема России, воспоминаний о ней. Отличительной чертой многих стихотворений, входящих в этот сборник, является проецирование прежней жизни на экран эмигрантского мироощущения. Менее удачными оказываются стихотворения о советской России, т.к. Дон-Аминадо представлял себе её лишь по газетам и рассказам очевидцев. Писатель изображает советскую власть, вождей, крестьян, рабочих убогими и пошлыми.

В последние годы жизни Дон-Аминадо всё чаще обращал свой взор к России, размышляя о её исторических судьбах и судьбах своего поколения. В книгу «В те баснословные года» (1951) вошли лирические стихотворения о дореволюционной России, наполненные щемящим чувством ностальгии, тоски, в них автор создаёт идиллические картины и образы. Также в сборнике автор уделяет внимание и эмигрантскому быту, который описывается с лёгкой иронией, добродушным юмором. В сборник также вошли «Афоризмы Козьмы Пруткова». «В отличие от предыдущих они более философичны: исчезли злободневные намёки на Гитлера и Сталина, появились общечеловеческие мотивы и ностальгические ноты» [Русское зарубежье ... , 1997, с. 222].

Итоговым произведением Дон-Аминадо стала книга воспоминаний «Поезд на третьем пути» (1954). В ней повествование о жизненном пути автора, характеристика литературно-художественной жизни России и русского зарубежья даны сквозь призму мироощущения эмигранта.

Оценивая значение творчества Дон-Аминадо, А. Седых писал: «Дон-Аминадо был сатириком, достойным наследником Козьмы Пруткова, а по настоящему он хотел быть только поэтом, писать об уездной сирени и соловьях, о золотых локонах Тани в лёгкой зимней пороше» [Седых, 1995, с. 90]. Этот лиризм отмечала и М. И. Цветаева, говоря о «лирической жиле», которая есть во многих его шутках, его «некоторые шутливые стихи – совсем на краю настоящих» [Шаховская, 1991, с. 283].

Степень исследованности темы.

Дон-Аминадо был очень популярен среди парижских эмигрантов, а на родине его почти не знали. Возможно, этим и обусловлена малая степень изученности его творчества. Но тем не менее, учёные, изучающие творчество русских эмигрантов и русскую сатиру начала XX в., уделили внимание и Дон-Аминадо. Так, например Л. А. Спиридонова (Евстигнеева) в своих крупных работах «Журнал «Сатирикон» и поэты сатириконцы» [Евстигнеева, 1968], «Русская сатирическая литература начала XX века» [Спиридонова, 1977], «Бессмертие смеха» [Спиридонова, 1999] исследует творческий путь Дон-Аминадо. Прозаическое творчество писателя послужило основой диссертационного исследования [Толкачев, 1999]. Небольшие статьи о творчестве писателя написаны В. И. Коровиным, Е. Н. Брызгаловой. Статьи биографического характера можно найти в литературных словарях и энциклопедиях русского зарубежья. Также в некоторых журналах есть небольшие рецензии на книги Дон-Аминадо, не отличающиеся глубоким анализом и серьёзным подходом к творчеству талантливого писателя [см. Волщуп, 1994; Воробей, 2000; Иванов, 1998; Слюсарева, 1993; Безобразов, 1995].

В связи с этим научное изучение творчества Дон-Аминадо представляется перспективным. В данной работе наше внимание будет сосредоточено на исследовании мотивной структуры сборников стихов Дон-Аминадо. Выбор темы обусловлен актуальностью проблемы исследования мотива в литературоведении, а также неизученностью творчества данного

автора и, в частности, данной проблемы, в критической и научной литературе.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью тщательного и углублённого изучения лирики Дон-Аминадо в контексте творчества его современников.

По справедливому замечанию В. В. Агеносова, «сквозным лейтмотивом всей русской литературы за рубежом проходит тема России, тоски по ней, отвергшей своих детей» [Агеносов, 1998, с. 8]. Главным мотивом литературы эмигрантов первой волны стал мотив ностальгической памяти об утраченной родине. Трагедии изгнанничества противостояло громадное наследие русской культуры, мифологизированное и поэтизированное прошедшее. Как пишет Т. Скрыбина, «темы, к которым наиболее часто обращаются писатели-эмигранты, ретроспективны: тоска по “вечной России”, события революции и гражданской войны, историческое прошедшее, воспоминания о детстве и юности» [Скрыбина, http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZHNYA.html]. Наиболее частотным мотив ностальгии был в раннем творчестве эмигрантов.

В произведениях всех писателей-эмигрантов звучит мотив ностальгии, который у каждого автора получает своё, особое выражение и развитие. Воспоминаниями о светлом прошлом пронизан роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Мотив ностальгии звучит и в его сборнике рассказов «Тёмные аллеи». В стихотворениях В. Ф. Ходасевича образ России оказывается ассоциативно связан с образом крестьянки-кормилицы («Не матерью, но тульской крестьянкой...»).

Воспоминания о России в лирике Г. В. Иванова отличаются мрачностью и некой беспросветностью: «Россия счастье. Россия свет. / А, может быть, России вовсе нет» («Россия счастье. Россия свет...», 1931) [Иванов, 1993, с. 299]. Непременным атрибутом России в творчестве Г. В. Иванова является снег – «реальный, ностальгический и символический»

[Литература русского зарубежья ... , 1993, с. 156], словно заматающий прошлое и счастье и заставляющий усомниться в существовании прежней жизни.

В творчестве М. И. Цветаевой «русскость <...> приобретает в эмиграции трагическое звучание потери родины, сиротства» [Агеносов, 1998, с. 252]. Особенность трагизма тоски по России усиливается тем, что поэт тоскует по несбывшемуся: «Той России нету» («Страна», 1931) [Цветаева, т. 2, 1994, с. 291]. Тоска поэтессы по родине становится в Париже поистине иступлённой, переходя из стихотворения в стихотворение («Тоска по родине» (1934), «Кто – мы? Потонул в медведях...» (1926) и др.).

В книге стихов Саши Чёрного «Жажда» есть цикл о России «Русская Помпея». Названия сборника и цикла явились символическими. «Жажда» свидетельствует о безумном желании вновь обрести родину. Название цикла указывает на невозможность вернуть прошлое. В мечтах лирического героя воскрешается прежний мир «и даже детали обывательского быта кажутся дорогими и милыми» [Литература русского зарубежья ... , 1993, с. 272].

Именно первой волне эмиграции было свойственно особенно острое чувство ностальгии, которое можно охарактеризовать как устойчивое психологическое состояние, вызванное ощущением утраты, потери, разлуки, невозможностью возвратиться назад свой прежний мир, свое социально-психологическое окружение. В творчестве каждого писателя мотив ностальгии получил своё особое выражение.

В аспекте современных исследований литературы русского зарубежья, и в частности развития мотива ностальгии в поэзии, изучение творческого наследия Дон-Аминадо становится особенно актуальным.

Объектом изучения в диссертационном исследовании является дореволюционная и эмигрантская поэзия Дон-Аминадо как целостное явление литературы.

Предметом исследования стала мотивная структура лирики Дон-Аминадо, смыслообразующими элементами которой становятся наиболее

частотные мотивы – ностальгии и эмиграции. Будучи основными, эти мотивы постоянно пересекаются в произведениях Дон-Аминадо и являются своеобразным стержнем для нанизывания боковых мотивов.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении основных мотивов в дореволюционных и эмигрантских стихотворениях Дон-Аминадо, анализе их художественного воплощения и изучении мотивной структуры его поэзии.

Для достижения поставленной цели будут решаться следующие **задачи**:

1. Выявить и проанализировать основные мотивы в поэтических сборниках Дон-Аминадо, показать их устойчивость на разных этапах развития его творчества.

2. Рассмотреть основные мотивы лирики Дон-Аминадо в контексте творчества его современников.

3. Выявить взаимосвязь дореволюционной поэзии писателя и стихотворных произведений, написанных в эмиграции, с точки зрения мотивной структуры.

4. Проанализировать эволюцию развития основных мотивов – ностальгии и эмигрантской жизни – на разных этапах творчества писателя, установить, какие мотивы им сопутствуют.

5. Определить специфику целостности поэтического творчества Дон-Аминадо за счёт выявления основных мотивов и их взаимосвязи.

Задачи обусловили выбор **методологии**. В работе используются типологический, сравнительно-исторический и структурно-семантический методы анализа художественного текста.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в настоящей работе впервые предпринимается попытка целостного анализа лирических произведений Дон-Аминадо, составляющих как дореволюционное, так и эмигрантское творчество писателя. Рассматривая лирику Дон-Аминадо как единое целое в контексте литературной эпохи,

автор работы определяет устройство мотивной структуры его произведений. При этом выделяется несколько основных мотивов, которые становятся определяющими для всего творчества писателя, прослеживается их взаимосвязь и взаимодействие с другими мотивами, передаётся особенность мироощущения поэта. Такой взгляд на лирику Дон-Аминадо позволяет не только выявить её характерные особенности, но и показать, что творчество писателя занимало особое место в контексте литературы русского зарубежья первой трети XX в.

Теоретической базой диссертации послужили научные труды, посвящённые исследованию мотива и сравнительному анализу, а именно работы А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. В. Томашевского, Б. М. Гаспарова, И. В. Силантьева, Л. Я. Гинзбург, С. Н. Бройтмана, в которых рассматриваются особенности лирического текста и затрагивается проблема героя в лирике.

Помимо этого, в диссертации активно используются результаты научных работ по истории литературы русского зарубежья и по творчеству Дон-Аминадо: Г. П. Струве, А. Г. Соколова, Т. П. Буслаковой, В. И. Коровина, Л. А. Спиридоновой, Е. Н. Брызгаловой и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основными мотивами в лирике Дон-Аминадо, определяющими пространственно-временную организацию стиха, являются мотивы ностальгии и эмигрантской жизни.

2. Особенностью дореволюционного творчества Дон-Аминадо является многоаспектное восприятие мира, которое прослеживается в развитии мотива войны. Такое отношение к миру в эмигрантской поэзии эволюционирует в двойственное восприятие действительности, выражаемое наличием двух основных мотивов – ностальгии и эмигрантской жизни, отличающихся особой устойчивостью и повторяемостью в творчестве поэта.

3. Для более раннего эмигрантского творчества поэта характерно преобладание мотива ностальгии в качестве основного. При этом

дореволюционная Россия представляется как идеализированная страна. Жизни эмиграции уделяется не такое существенное внимание.

4. В более поздних эмигрантских произведениях мотив ностальгии, будучи одним из частотных, уходит на второй план. Превалирует мотив эмигрантской жизни. Образ России воспринимается неоднозначно: это не только идеальная страна прошлого, но и неприемлемая для лирического героя страна СССР.

5. Взаимодействие двух основных мотивов, их смена, эволюция и взаимосвязь с другими мотивами определяют единство и целостность лирики Дон-Аминадо. Россия постепенно трансформируется из исключительно ностальгического образа в страну, о которой поэт хранит незабвенную память в сердце, но одновременно с этим осознаёт, что она теперь другая – советская. Мотив эмигрантской жизни звучит не только в сатирических, но и в лирических стихотворениях, подчёркивая, таким образом, то, что поэт не только смеётся над действительностью и бытом, но и принимает их, смиряясь с жизнью и прославляя её достоинства.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена тем, что в ней уточняются такие научные понятия, как мотив, лейтмотив. Особое внимание уделяется мотивной структуре как одному из новых направлений изучения лирики в её целостности и совокупности мотивов.

Достоверность исследования обусловлена тем, что выводы, к которым приходит автор работы, получены в результате непосредственной аналитической работы над произведениями Дон-Аминадо с помощью мотивного и сравнительного методов анализа.

Практическая ценность работы заключается в том, что наблюдения и выводы, сделанные в ходе исследования, могут быть использованы при подготовке к лекциям и практическим занятиям по русской литературе XX в., в вузовских спецкурсах, спецсеминарах, а также при дальнейшем изучении вопросов, связанных с мотивной структурой художественных произведений. Разработанные в исследовании на примере лирики Дон-Аминадо принципы

анализа мотивной структуры могут быть применены как инструмент исследования других корпусов лирических текстов, обладающих относительным внутренним единством.

Апробация материалов исследования осуществлялась в форме публикаций статей, выступлений на научных конференциях в 2008–2014 гг. Основные положения диссертации обсуждались на Международной научно-практической конференции, посвящённой 135-летию со дня рождения В. Я. Шишкова (2008); Международной научно-практической конференции «Анна Ахматова и Николай Гумилёв в контексте отечественной культуры» (Тверь, 2009); Международной научной конференции «Русская комическая литература XX века. История. Поэтика. Критика» (Москва, ИМЛИ РАН, 2010); Международной научно-практической конференции «СМИ в онтологическом и культурном пространстве славянского мира» (Тверь, 2011); Международной научной конференции «Комическое в русской литературе XX-XXI вв.» (Москва, ИМЛИ РАН, 2012); III Международной научной конференции «Реклама и современный мир» (Тверь, 2014).

Материалы и результаты работы отражены в девяти публикациях, из которых три – в журналах, рекомендованных ВАК.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы, который содержит 163 наименования.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ ДОН-АМИНАДО

1.1. Понятия мотива и мотивной структуры

Понятие мотива занимает особое место в современном литературоведении. Термин «мотив» трактуется исследователями литературы крайне неоднозначно в связи с тем, что определяется с разных позиций: с точки зрения темы, события, фабулы, сюжета. Определение термина «мотив» варьируется: от самого простого (где главным признаком считается его повторяемость) до наиболее сложного (в определении сочетается целый ряд компонентов).

Сам термин «мотив» генетически восходит к музыке, где понимается как «мельчайшая часть мелодии, гармонического последования, которая обладает смысловой цельностью и может быть узнана среди множества других аналогичных построений» [Музыкальная энциклопедия, т. 3, 1978, с. 696]. В литературный обиход этот термин ввёл И. В. Гёте [Гёте, 175, с. 351].

В развитии теории мотива в отечественной науке первой трети XX столетия можно выделить четыре подхода в трактовке этого феномена: семантический (А. Н. Веселовский [Веселовский, 2004], А. Л. Бем [Бем, 1919], О. М. Фрейденберг [Фрейденберг, 1927]), морфологический (В. Я. Пропп [Пропп, 1998], Б. И. Ярхо [Ярхо, 1984]), дихотомический (А. И. Белецкий [Белецкий, 1964]) и тематический (Б. В. Томашевский [Томашевский, 1996], В. Б. Шкловский [Шкловский, 1983], А. П. Скафтымов [Скафтымов, 1972]).

У А. Н. Веселовского в качестве критерия неразложимости выступает семантическая целостность мотива: «Под мотивом я разумею формулу, образно отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности.

Признак мотива – его образный одночленный схематизм» [Веселовский, 2004, с. 494].

Для В. Я. Проппа критерием неразложимости мотива является логическое отношение: «Вопреки Веселовскому, мы должны утверждать, что мотив не одночленен, не неразложим. Последняя разложимая единица как таковая не представляет собой логического целого» [Пропп, 1998, с. 15].

Заслуга А. И. Белецкого состоит в том, что он «связал в единую систему два полярных начала в структуре мотива – и семантическому инварианту мотива поставил в соответствие его фабульные варианты. Это был принципиальный шаг вперёд, послуживший основой для развития дихотомической теории мотива» [Силантьев, 2004, с. 30].

Б. В. Томашевский определяет мотив через категорию темы: «Понятие темы есть понятие суммирующее, объединяющее словесный материал произведения. Тема может быть у всего произведения, и в то же время каждая часть произведения обладает своей темой. <...> Путём такого разложения произведения на тематические части мы, наконец, доходим до частей неразлагаемых, до самых мелких дроблений тематического материала. <...> Тема неразложимой части произведения называется мотивом. В сущности – каждое предложение обладает своим мотивом» [Томашевский, 1996, с. 182].

В новейших исследованиях мотива учитываются концепции мотива разных учёных: и В. Я. Проппа, и А. Н. Веселовского. Так, Ян Ван дер Энг определяет мотив как «изменяющуюся повествовательную единицу, которая различным образом выражает свою семантическую функциональность по отношению к явлениям изображаемого мира» [Ян Ван дер Энг, 1993, с. 205].

Как отмечает исследователь И. В. Силантьев, «следующим принципиальным шагом в развитии представлений о повествовательном мотиве явилось качественное развитие дихотомической концепции в направлении изучения семантической структуры мотива» [Силантьев, 2004, с. 68]. В этой концепции природа мотива представляется дуалистичной и при

этом раскрывается в двух соотнесённых началах. «Первое представляет собой *обобщённый инвариант* мотива, взятый в отвлечении от его конкретных фабульных выражений. Другое начало, напротив, дано как совокупность *вариантов* мотива, выраженных в фабулах нарратива» [Силантьев, 1999, с. 37–38]. Наиболее глубоким опытом такого рода явилась структурно-семантическая модель мотива Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1994].

В литературоведении последних десятилетий развиваются интертекстуальный и прагматический подходы в понимании мотива, на которые повлиял тематический подход, разработанный представителями «формальной» школы. В теории интертекста мотив – это смысловой элемент текста, лишённого структуры. И сам мотив оказывается лишённым своего структурного начала. В итоге понятие мотива сливается с понятием лейтмотива. При интертекстуальном анализе мотив неотделим от темы.

Исследуя развитие данной теории, И. В. Силантьев отмечал, что «прагматический подход актуализирует коммуникативный аспект темы и тем самым показывает уже её динамику, привлекая коммуникативно соположенную теме категорию ремы» [Силантьев, 2004, с. 71].

Проблема соотношения мотива и темы приводит к вопросу о мотиве в лирике. Специфика мотива в лирике обусловлена во многом существом лирического события, которое в своей природе отличается от события в среде эпического повествования. «Лирическое событие – это не внешнее и объективированное фабулой событие происшествия или действия, а внутреннее и субъективированное событие переживания и, что важно подчеркнуть, событие непосредственно обращённое к читателю как прямому участнику эстетической коммуникации – а тем самым и соучастнику этого события» [Там же, с. 86–87].

В жанрах лирической миниатюры, например, состояние окружающего мира актуализируется в восприятии лирического субъекта и субъективизируется им. Как отмечает И. В. Силантьев, «в общем виде

существо лирического события можно свести именно к последней формуле: это качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для обращённого к читателю лирического сюжета» [Силантьев, 2004, с. 87].

В лирике также отличается и качество связности текста: оно основывается не на принципе единства действия, а на принципе единства лирического субъекта.

В составе лирического текста мотив также обладает спецификой. Представляется, что природа мотива в лирике и эпике одинаковая: и там, и здесь в основе мотива лежит предикативный аспект событийности – но при этом различается природа самой событийности в лирике и эпике.

Прослеживая соотношения мотива и темы в лирике, И. В. Силантьев пишет, что «существенно иным в системе лирического текста является и функциональное отношение мотива и темы, и именно это отношение осознается как специфически лирическое. Всякий мотив в лирике исключительно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определённую тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительно мотивна по своей природе, и мотивы как предикаты темы разворачивают её через действие» [Там же, с. 87]. При этом лирическая тема перспективна (в отличие от ретроспективной повествовательной темы). В лирике не столько мотивы определяют тему, сколько сама тема выступает основанием для развёртывания серии мотивов, сопряжённых с ней. Таким образом, в лирике преобладает значение тематического начала, и мотив подчинён теме.

Лирическая тема предельно рематична, и в этом отношении она функционально сливается с лирическим мотивом.

Я. Мукаржовский подчёркивает, что субъективность лирики является следствием особого обращения с темой: «Поскольку мотивы лирического стихотворения не связаны во времени, лирические темы внутренне

значительно менее спаяны, чем эпические» [Мукаржовский, 1996, с. 251]. Отдельные мотивы вступают в непосредственный контакт с творческим субъектом, отсюда и возникает ощущение субъективности лирики. Лирическая тема производит впечатление постоянного возврата к началу. Таким образом, создаётся впечатление взаимной смысловой синонимичности следующих друг за другом мотивов.

Наиболее подробно лирический мотив рассмотрен Б. В. Томашевским, поэтому в данной работе будем придерживаться его точки зрения: мотив определяется через категорию темы. Опираясь на теоретическую концепцию Б. В. Томашевского и принимая во внимание на исследование И. В. Силантьева, мы будем понимать мотив как минимальную неразложимую смысловую часть произведения, которая отличается устойчивостью, имеет своим ядром ключевое слово и выделяется по смысловой доминанте, повторяется в художественной структуре ряда произведений и обладает способностью сочетаться с другими смысловыми единицами и выступать в тексте в виде ряда вариантов, которые зависят от контекста. В диссертационном исследовании будем придерживаться классификации мотивов, предложенной Б. В. Томашевским. Литературовед выделяет два вида мотивов: основные и побочные (вторичные, боковые). Основной мотив является своеобразным ядром, стержнем лирического произведения, на который нанизываются вторичные мотивы.

Обращаясь к лирическому творчеству, «мы встречаем совершенно особый тематизм и особую конструкцию» [Томашевский, 1996, с. 230]. В лирической поэзии фабульные мотивы (связанные с развитием действия) очень редки. Преобладают статические мотивы (не меняющие ситуации).

В лирике важны не объективные события, действия, а сам субъект, его переживания и чувства. Б. В. Томашевский отмечает: «Если в стихотворении говорится о каком-нибудь действии, поступке героя, событии, то мотив этого действия не вплетается в причинно-временную цепь и лишён фабульной напряжённости, требующей фабульного разрешения» [Там же, с. 230–231].

Вся сила стихотворения заключается в развёртывании словесной темы. Развитие темы, как правило, идёт путём нанизывания побочных мотивов на основной, а не путём смены нескольких основных мотивов. Ввод новых мотивов определяется эмоциональным развёртыванием темы. В связи с этим особый интерес в лирическом тексте представляет проблема связывания мотивов. Б. В. Томашевский рассматривает пять видов параллелизма в лирическом связывании мотивов:

1). Параллелизм тематический: частный случай такого параллелизма – сравнение. Сравнение часто появляется в качестве «проходного» мотива: оно возникает в связи с одним из мотивов и не распространяется на соседние мотивы. «В сравнении вводится сопоставление двух разнородных мотивов. Параллелизм распространяется и на однородные мотивы, например, в форме противопоставления (антитезы)» [Томашевский, 1996, с. 235].

2). Параллелизм синтаксический: нанизывание мотивов в форме аналогично построенных предложений.

3). Параллелизм лексический. Типичными примерами такого параллелизма являются анафора, рефрен, кольцевая композиция.

4). Параллелизм строфический. «Важную роль играет нанизывание мотивов в форме аналогичных строф. Большинство стихотворений написано в строфической форме повторяющихся четверостиший, шестистиший или иных стиховых комбинаций. Инерция ритма и строфики увлекает за собой внимание» [Там же, с. 238].

5). Параллелизм интонационный. «Часто мотивы развиваются в ряде предложений с однообразной интонацией, например, однообразно восклицательной или однообразно вопросительной. Обычно в замыкании стихотворения имеется изменение интонации» [Там же, с. 239].

Как отмечает литературовед, ни один из перечисленных видов параллелизма не может быть совершенным. На фоне параллелизма всегда есть движение темы: два параллельных мотива могут быть тождественными

лишь отчасти, в другой своей части они представляют различия, которые необходимы для перехода к следующему мотиву.

Основной формой связывания мотивов является грамматическое объединение их в одном грамматическом предложении.

Типичным Б. В. Томашевский считает трёхчастное построение лирических стихотворений, «где в первой части даётся тема, во второй она или развивается путём боковых мотивов, или оттеняется путём противопоставления, третья же часть даёт как бы эмоциональное заключение в форме сентенции или сравнения» [Томашевский, 1996, с. 231–232]. Рассматривая технику лирического развития темы, он выделяет несколько способов нанизывания мотивов: в порядке перечисления, в порядке варьирования путём разных метафор одной главной темы или в порядке противопоставления мотивов.

Существенное внимание в работе литературоведа уделяется системе мотивировок, т.е. приёмов, которые оправдывают введение мотивов. В предлагаемой Б. В. Томашевским классификации выделяются три вида мотивировок: композиционная, реалистическая и художественная. Принцип композиционной мотивировки заключается «в экономии и целесообразности мотивов» [Там же, с. 191]: отдельные мотивы могут характеризовать предметы, детали, поступки. При реалистической мотивировке «каждый мотив должен вводиться как вероятный в данной ситуации» [Там же, с. 193]. И, наконец, последняя разновидность мотивировки предполагает художественное оправдание выбора темы, в качестве примера такой мотивировки исследователь приводит остранение.

На основе теоретических положений, предложенных Б. В. Томашевским, рассмотрим сборники стихов Дон-Аминадо. Опираясь на теорию, попробуем проследить, какие мотивы являются в сборниках основными и боковыми, как происходит смена и связывание мотивов.

Принимая во внимание концепцию лейтмотивного построения произведения Б. М. Гаспарова, согласно которой определённый «мотив, раз

возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во всё новых сочетаниях с другими мотивами» [Гаспаров, 1993, с. 30], под лейтмотивами будем понимать наиболее устойчивые мотивы, которые получают своё выражение и развитие на протяжении всего творческого пути автора.

Одним из основных литературоведческих терминов, используемых в диссертации, является мотивная структура. Будучи актуальным в современной науке, этот термин не имеет закреплённого значения.

В статьях по семиотике культуры и искусства Ю. М. Лотман обращается к проблеме структуры литературного произведения, отмечая, что каждый «текст обладает началом, концом и определённой внутренней организацией. Внутренняя структура присуща всякому тексту по определению» [Лотман, 2002, с. 17]. Таким образом, структура выделяется как один из главных признаков текста. В другой своей работе – «Структура художественного текста» – учёный более подробно рассматривает проблему структурности: «Текст не представляет собой простую последовательность знаков в промежутке между двумя внешними границами. Тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое. Поэтому для того, чтобы некоторую совокупность фраз естественного языка признать художественным текстом, следует убедиться, что они образуют некую структуру вторичного типа на уровне художественной организации» [Лотман, 1998, с. 43]. Также одной из особенностей текста Ю. М. Лотман считает его «определённую закодированность» [Лотман, 2002, с. 59]. В нашем случае в качестве дешифрующего кода будет использоваться мотив в лирике.

Обратившись к толковым словарям, найдём следующие трактовки понятия «структура»:

- взаиморасположение и связь составных частей чего-либо, строение [Словарь русского языка, т. 4, 1988, с. 292];

- строение; внутреннее устройство [Ожегов, Шведова, 1998, с. 775]. Под строением в данном случае понимается «взаимное расположение частей, составляющих одно целое» [Там же, с. 774].

При сопоставлении данных определений, можно выделить главную сему слова «структура» – «отношения между элементами целого».

Таким образом, основываясь на тезисах Ю. М. Лотмана и принимая во внимание словарные определения, в диссертационном исследовании под мотивной структурой мы будем понимать системную взаимосвязь и упорядоченность мотивов, которые создают внешнюю целостность произведений и их сверткостное единство. При этом необходимо отметить, что мотивная структура отражает индивидуальные особенности картины мира лирического героя.

В литературном энциклопедическом словаре отмечено, что «конкретный лирический текст – в известном смысле всегда фрагмент» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, URL http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=74]. Проанализировав лирическое наследие Дон-Аминадо с точки зрения мотивной структуры, попробуем прийти от фрагментарности лирики к её целостности и полноте в рамках творчества указанного поэта.

1.2. Мотивная структура сборника стихов «Песни войны»

В литературной деятельности Дон-Аминадо (Аминада Петровича Шполянского), поэта, сатирика, фельетониста наиболее плодотворным принято считать эмигрантский период творчества. Общественное признание творчество писателя получило после выхода в свет сборников стихов и прозы «Дым без отечества» (1921), «Наша маленькая жизнь» (1927), «Накинув плащ» (1928).

Однако нельзя оставлять без внимания тот факт, что творческий путь писателя начался в 1910 году, когда Аминад Петрович, не имея ещё постоянного творческого псевдонима, был корреспондентом елизаветградской газеты «Голос Юга». Позже он сотрудничал в газетах, где помещал злободневные фельетоны и обзоры. Он дебютировал в московской газете «Раннее утро» и «Одесской газете», печатался в газетах «Вечерние новости», «Новь», «Утро России». И уже в 1914 году вышла первая книга стихов Дон-Аминадо «Песни войны», которая выдержала два издания.

Первый сборник стихов Дон-Аминадо не принес автору успеха и признания. Написанные в приподнятом патриотическом духе стихотворения не выделялись на фоне военной лирики тех лет. Но, анализируя данный сборник в контексте всего творчества писателя, можно проследить эволюцию основных мотивов, их взаимосвязь в раннем и зрелом творчестве.

Предметом анализа в данной главе являются мотивы ранней лирики Дон-Аминадо, позволяющие выявить одну из главных особенностей творчества поэта – многогранность восприятия мира, способность оценивать одно и то же событие с разных точек зрения, при этом четко прослеживается эволюция восприятия автором происходящих событий. Так, в сборнике «Песни войны» основным становится мотив войны, который предстает в трех ипостасях: война воображаемая (воспринятая сквозь призму книжных представлений), война реальная (смерть и страдания) и война как угроза миру (гибель европейской цивилизации).

Рассматривая «Песни войны» в контексте творчества писателя, стоит отметить, что данный сборник отличается более простой мотивной структурой: основному мотиву войны сопутствуют близкие по семантике мотивы разрушения, страдания, смерти. С точки зрения жанрового своеобразия, ранние произведения не соотносятся с термином «лирическая сатира», в то время как сборники, вышедшие в эмиграции, в полной мере отражают суть этого литературного понятия. При этом в своём первом

сборнике автор делает попытки объединения сатиры и лирики, но сатирические зарисовки оказываются не самыми удачными, «сатире Дон-Аминадо явно не хватает энергии и злости» [Коровин, 1994, с. 6]. Таким образом, сборник «Песни войны» является важным этапом в становлении авторского стиля, т.к. в нём наметились основные направления творческих поисков писателя.

Сборник стихов «Песни войны» отразил впечатления поэта о Первой мировой войне: в 1914 г. А. П. Шполянский был мобилизован и отправлен на фронт. Стихотворения сборника были написаны в бодром патриотическом духе, «они были проникнуты болью за судьбы мира и культуры, но не выделялись на фоне военной лирики тех лет» [Русское зарубежье ... , 1997, с. 221].

Первая книга стихов Дон-Аминадо заслуживает внимания не только потому, что она являлась дебютной: анализ ранней лирики поэта позволит лучше понять его более позднее творчество.

Эпиграфом к сборнику «Песни войны» послужили последние строки стихотворения К. Бальмонта «Опричники»: «О, если мир – божественная тайна, // Он каждый миг клеветает на себя!» Этот эмоциональный возглас лирического героя одновременно содержит в себе вопрос, ответ и неразрешимое противоречие: почему в мире, являющемся творением Бога, есть место ужасам войны? Усиливает это противоречие используемая Бальмонтом антитеза: в стихотворении «кровавые игры» [Бальмонт, 1980, с. 87], сжигание невинных противопоставлены неизменно спокойному небу: «На небесах, своею чередою, // Созвездья улыбаются как встарь» [Там же, с. 87]. Война воспринимается лирическим героем как абсолютно противоестественное для людей явление, которое кажется ещё более ужасным при мысли о том, что мир сотворён Богом.

Такое восприятие войны очень близко Дон-Аминадо: в его сборнике стихов «Песни войны» отчетливо прослеживается мотив противоестественности войны. Однако к пониманию губительной

разрушительности войны поэт приходит постепенно – ему предшествует восторженное восприятие войны как торжественной битвы. Условно стихотворения сборника можно разделить на три группы: война воображаемая, война реальная и война как угроза всему миру.

Война воображаемая предстаёт перед читателем в стихотворениях «Талисман» (1914), «Туда!» (1914), «Так надо!..» (1914), «Игра» (1914). Описываемая в этих произведениях война далека от реальности: устойчивые книжные эмблемы, мажорный тон и патриотический пафос не передают трагизма войны и заглушают личные переживания лирического героя. Средневековая книжная символика («остро отточенный меч» [Дон-Аминадо, 1994, с. 42], «маркиза в робронах и в пудре», [Там же, с. 46]) не соотносится с реальными событиями Первой мировой войны.

Все стихотворения сборника объединяет общий мотив войны, однако в каждом произведении он получает своё особое развитие. Так, в стихотворении «Талисман» мотив войны трансформируется в мотив битвы, героического сражения. Лирический герой идёт в бой, как на подвиг, таким образом, имплицитно в тексте присутствует мотив подвига. Это подчёркивается, прежде всего, на лексическом уровне. Автор использует лексику, возвышающую героизм сражения в бою: «торжественные клики», «сталь меча», «опускаю остриё» [Там же, с. 41]. Характерно, что в этом стихотворении снова присутствуют устойчивые книжные образы войны: меч, остриё.

Героический пафос стихотворению придают слова высокого стиля, приближающее данное произведение к жанру героической поэмы: «*молчанью мудрому*», «*подъемлю...остриё*», «в расширенных *очах*» [Там же, с. 41] и др. (выделено нами – М. Б.). Глубокая эмоциональная окраска передаётся и на синтаксическом уровне: из девяти предложений, составляющих стихотворение, пять являются восклицательными.

Принципиально важным в понимании авторской позиции и отношения к войне становится стихотворение «Игра» (1914), где мотивы войны и игры

являются основными. При этом данные мотивы тесно взаимосвязаны и синтезируются в единый мотив – война как игра. В контексте стихотворения игра понимается как событие, предполагающее развлечение, бурю эмоций (сравним значение слова игра в словаре С. И. Ожегова: «игра – занятие, служащее для развлечения» [Ожегов, Шведова, 1998, с. 235]). В стихотворении Дон-Аминадо находим слова, описывающие лирического героя в предвкушении битвы: «Блещут новой и двойственной силой / Два огня удивительных глаз» [Дон-Аминадо, 1994, с. 47]. Таким образом, предстоящее сражение вызывает у лирического героя бурю эмоций, словно ему предстоит не битва, а развлечение. В результате, несмотря на то что «война – это ставка на кровь» [Там же, с. 47], герой воспринимает её, как игру: «Я художник! и тишь ли, гроза ли, / Я люблю только блеск и игру!» [Там же, с. 47].

Тесное сближение мотивов войны и игры в данном стихотворении объясняет книжно-романтическое восприятие лирическим героем Дон-Аминадо кровопролитной войны.

В стихотворении «Туда!» (1914) при описании военных действий автор вновь использует устойчивую книжную символику («остро отточенный меч», «крепко вонзятся клинки» [Там же, с. 42]). В данном произведении мотив войны / героического сражения уходит на второй план, основным становится мотив дороги. Грохочущие в ночи поезда символизируют стремительность военных событий и неизвестность, которая ждёт лирического героя, одного из бойцов. В более зрелом творчестве Дон-Аминадо мотив дороги получит дальнейшее развитие («Голубые поезда», 1927, «Манящая даль», 1933) и будет взаимосвязан с мотивом ностальгии. В стихотворении «Туда!» мотив дороги сопряжён с мотивом ожидания: лирический герой ждёт предстоящей битвы и настраивается на сражение.

Для данного стихотворения тоже характерно романтизированное восприятие войны, но оно отличается от выше рассмотренных произведений тем, что в нём автор обращается к внутреннему миру лирического героя и

пытается показать не только его боевой настрой, но и страх перед битвой. При этом душевное состояние лирического героя автор показывает через восприятие окружающего мира.

Стихотворение начинается следующим четверостишием:

Грохочут в ночи и летят поезда –
И рельсы охвачены дрожью.
А в небе далёкая светит звезда
Над ветром взволнованной рожью.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 42]

На первый взгляд эти строки воспринимаются как обычное описание картин природы и окружающего мира. Слово «дрожь», имеющее прямое значение «частое судорожное сокращение мышц, дрожание (от холода, нервного состояния)» [Ожегов, Шведова, 1998, с. 180], употреблено в переносном значении (дрожь как вибрация, возникающая при движении поезда). Причастие «взволнованной» также использовано в переносном значении, а именно: волнообразно колышущаяся рожь (в отличие от прямого значения «полный волнения, выражающий волнение» [Там же, с. 79]). Примечательно, что прямое значение слов предполагает описание человеческих эмоций, а переносное – состояние внешнего мира.

Далее в тексте встречаем эпитеты, характеризующие внешний мир, природу, но вновь имеющие яркую эмоциональную окраску: «неведомый, жуткий» день, «тяжёлый и длинный» путь, «пугливая» мгла [Дон-Аминадо, 1994, с. 42] и др. О чувствах лирического героя автор умалчивает, не говоря о них напрямую. Однако обращение героя к родной земле даёт понять, что он испытывает волнение, тревогу и, возможно, даже страх:

В сердца нам отвагу, отвагу всели,
Наш грустный, задумчивый Север!

[Там же, с. 42]

Лирический герой настраивается на сражение, ему трудно найти в себе силы для битвы, поэтому он просит их у родной земли, чтобы чувствовать себя уверенней и сильнее в предстоящем бою.

Таким образом, описывая состояние природы, Дон-Аминадо характеризует, прежде всего, душевное волнение лирического героя. Композиционный стержень стихотворения – «интериоризация, движение от внешнего мира к внутреннему его освоению» [Гаспаров, 2001, с. 39] и эмоциям лирического героя. Стихотворение имеет кольцевую композицию и завершается тем же четверостишием, которое его открывало. Но при повторном прочтении этой строфы слова «дрожь» и «волнение» воспринимаются уже не в переносном, а в прямом значении. Думается, что это состояние лирического героя: его душа взволнована, а сердце охвачено будоражащей чувства дрожью.

Восприятие войны как торжественной битвы было свойственно не только Дон-Аминадо, но и другим поэтам-современникам. Так, например, в произведениях Ф. Сологуба, вошедших в книгу стихов «Война» (1915), можно встретить похожие мотивы и даже ту же самую средневековую символику.

В стихотворении Ф. Сологуба «Гимн» мотив войны, как и у Дон-Аминадо, трансформируется в мотив героического сражения:

Племён освободитель,
 Державный русский меч,
 Сверкай, могучий мститель,
 В пожаре грозных сеч.

[Сологуб, т. 8, 2004, с. 105]

Эмоциональный настрой лирического героя и его готовность к битве подчеркнуты на синтаксическом уровне: девять из 12 предложений стихотворения являются восклицательными. Такое же обилие восклицательных предложений нередко встречаем и у Дон-Аминадо («Талисман», «Туда», «В эти дни...» и др.).

Мотив подвига, присутствующий в некоторых стихотворениях Дон-Аминадо, становится основным в произведении Сологуба «На подвиг» (1914). Стихотворение построено на антитезе: автор противопоставляет чувства и эмоции лирического героя до сражения и в момент сражения на «ратном поле». В ожидании битвы герой чувствует себя беспомощным и бесполезным («Какой я был бессильный! / Никому я не мог помочь» [Сологуб, т. 8, 2004, с. 111]), а в момент сражения «за святую Русь» его сердце наполняется любовью к Родине и страх отступает (Вся жизнь моя в Божьей воле, / И я ничего не страшусь» [Там же, с. 112]). Остаётся лишь искренняя преданность Отчизне, желание сражаться за неё и умереть, если потребуется:

Что мне Господь ни судит,
Умру ли, домой ли вернусь,
Сердце моё биться будет
Любовью к тебе, моя Русь.

[Там же, с. 112]

Это произведение Ф. Сологуба можно сравнить со стихотворением Дон-Аминадо «Туда!», в котором мы видим похожую структуру: сопоставлены чувства лирического героя накануне боя и в бою. В обоих стихотворениях отправной точкой размышлений героя становятся мысли и эмоции накануне сражения. Но если мы видим бесстрашного лирического героя Сологуба непосредственно в бою, то у Дон-Аминадо герой так и остаётся в размышлениях накануне битвы, при этом его душу терзает волнение и страх и он надеется, что в битве в его сердце вселится отвага.

Думается, такое различие обусловлено принципиальной разницей в восприятии самого сражения, о чём говорят заглавия стихотворений. В то время как лирический герой Сологуба заведомо отправляется «на подвиг», герой Дон-Аминадо – в неизведанное «туда», которое и пугает своей неизвестностью и непредсказуемостью.

Сопоставляя стихотворения о войне Дон-Аминадо и Ф. Сологуба можно выявить не только общие мотивы, но и образы: меч, ратное поле, бой и др. Однако, несмотря на столь значительное сходство в восприятии войны, существует принципиальное различие в авторских позициях. Если у Дон-Аминадо, при всей возвышенности и пафосе его военной лирики, образ России оказывается нераскрытым в стихотворениях, то у Сологуба практически в каждом произведении сборника «Война» мотив родины является основным (стихотворения «Гимн», «Россия – любовь», «На подвиг», «Олегов щит», «В огне» и др.).

В стихотворении «Гимн», открывающем сборник Ф. Сологуба «Война», рефреном звучат слова «Да здравствует Россия, / Великая страна!» [Сологуб, т. 8, 2004, с. 105]. Мотив родины и прославления России является смыслообразующим, объединяющим в единое целое все стихотворения сборника. Совершенно чёткой оказывается и мотивация лирического героя в битве: он сражается за родину, «за святую Русь». В то время как в стихотворениях Дон-Аминадо либо вовсе отсутствует мотивация в битве, либо герой сражается за весьма «призрачные образы»: «за трепет зари», за «немую березку» [Дон-Аминадо, 1994, 42], «за сердце детское» возлюбленной [Там же, с. 41] и т.п. Таким образом, в произведениях Дон-Аминадо не прослеживается прямая связь между войной и Родиной.

Описанные в стихотворениях Дон-Аминадо военные картины, вероятнее всего, передают не впечатления автора о войне, а его представления о ней – это романтизированное восприятие, война, которую рисует воображение лирического героя, ещё не побывавшего в настоящем бою. Как подчёркивает Л. А. Спиридонова, «лишь изредка сквозь риторику и безвкусицу книжно-романтического пафоса пробивается подлинное чувство, отразившее реальную трагедию России» [Спиридонова, 1999, с. 252]:

Луч последнего румянца
Пронизал немую твердь.
В вихре бешеного танца

По полям несется смерть!.. («Невеста», 1914–1915)

[Дон-Аминадо, 1994, с. 50]

Как только лирический герой сталкивается лицом к лицу с войной, со смертью, изображение войны в стихотворениях становится более реалистичным, равно как и испытываемые героем переживания. Война реальная заставляет задуматься о том, насколько жесток мир, как безжалостна смерть, сколько боли и страданий суждено пережить людям. В стихах «доминирует чувство одиночества и незащитности человека перед лицом военной грозы» [Спиридонова, 1999, с. 253]:

Вставайте, товарищи! Скоро идти!

Все вместе – и все одиноки!.. («Часы», 1914–1915)

[Дон-Аминадо, 1994, с. 51]

Однако война обнажает не только несовершенство мира, человеческую жестокость, но и заставляет лирического героя задуматься о своей собственной жизни, разобраться в истинных и ложных ценностях. В стихотворениях появляется оппозиционная пара мотивов: ложь / правда. «Дон-Аминадо с каким-то внезапным удивлением обнаруживает, что его прежняя, довоенная, жизнь была эгоистически ущербной и во многом ненастоящей» [Коровин, 1994, с. 7], он понимает, что прежние ценности были ложными:

Всем хочется ложью минутной

Купить своим душам покой («В эти дни...», 1914)

[Дон-Аминадо, 1994, с. 43]

Как теперь начинает понимать лирический герой, ложь и ошибки сопровождали его всю жизнь, но война открывает ему глаза на всё и на всех: он по-новому видит окружающий мир. В стихотворении «Одна из многих» (1914 г.) Дон-Аминадо описывает, танцовщицу, которая пляшет «в утеху сытым господам» [Там же, с. 44]. Совершенно внезапно она становится очень близка лирическому герою:

Ещё вчера!.. Под звон запястья

Ты танцевала мне вчера!..
 Плясунья, жаждавшая счастья,
 Моя неожиданная сестра!..

[Дон-Аминадо, 1994, с. 45]

Неожиданно сам для себя Дон-Аминадо открывает в каждом человеке добрую русскую душу, и эта танцовщица – лишь «одна из многих». Их объединяет духовное родство людей, оказавшихся так или иначе вовлечённых в одну войну. В этом стихотворении мотив правды / лжи присутствует имплицитно: чувства, испытываемые лирическим героем до войны, оказываются ложными.

Обращаясь в своей лирике к внутреннему миру человека в военное время, Дон-Аминадо описывает жизнь и чувства тех, кто не участвует в военных событиях непосредственно, а ждёт возвращения своих братьев, мужей, сыновей домой (стихотворение «В эти дни...», 1914). Война становится особенным этапом в жизни людей, разделившим их мир на «до» и «после». Пытаясь описать ужасное «сейчас», в котором живут люди, Дон-Аминадо не использует ярких эмоциональных эпитетов, а коротко характеризует его: «эти дни». С одной стороны, такая характеристика является весьма абстрактной, поскольку лишена какой-либо эмоциональной коннотации, но с другой стороны, указательное местоимение максимально конкретно обозначает пространственно-временной континуум произведения.

Стихотворение «В эти дни...» построено на антитезе. Дон-Аминадо часто употребляет антонимы: весёлые / грустные; радость / горести; забавный, весёлый / тревожный; девический / печально-седой (локон). Использование этих антонимов позволяет автору описать духовное состояние лирического героя и усилить контраст между мирной жизнью и военной реальностью. Если раньше музыка шарманщика вызывала в людях простую искреннюю радость, то теперь это лишь способ на некоторое время забыться и отвлечься от тяжких и тревожных мыслей:

Играй нам, весёлый шарманщик!

В домах этих радости нет...
 Баюкай, бродячий обманщик,
 За несколько звонких монет!

[Дон-Аминадо, 1994, с. 43]

Именно этим четверостишием начинается и заканчивается стихотворение. Таким образом, автор подчёркивает, что жизнь людей в годы войны превратилась в ожидание, тревогу и горе, и лишь «убаюкав» печаль и переживания они могут «купить своим душам покой» [Там же, с. 43].

Попытку описать состояние человека в нелегкое время войны находим и у современника Дон-Аминадо М. Волошина, в стихотворении которого «В эти дни» в центре внимания оказываются духовные переживания лирического героя. Анафора «В эти дни» подчеркивает, что именно война становится причиной глубинных перемен в душе героя. В одноименном стихотворении Дон-Аминадо показана неразрывная связь тех, кто остался в тылу, и тех, кто гибнет за родину («За мужа, за сына, за брата, / Быть может, погибших в бою!..») [Там же, с. 44]). У М. Волошина мы видим такую же неразрывную связь, но она оказывается более глубокой:

В эти дни нет ни врага, ни брата:
 Все во мне, и я во всех; одной
 И одна - тоскою плоть объята
 И горит сама к себе враждой.

[Волошин, т.1, 2003, с. 223]

Синкретическая формула «все во мне, и я во всех» подчёркивает глубокое единение лирического героя не только с остальными людьми, вовлечёнными в ужас войны, но и со всем миром. Однако если у Дон-Аминадо мы видим желание «забыться» и на какое-то время отвлечься от реальности, то у Волошина трагедия лирического героя показана значительно глубже: война подрывает его дух изнутри («Схвачен дух: внутри разодран он / Яростью сгрудившихся народов, / Ужасом разъявшихся времён» [Там же, с. 223]).

М. Волошин не видит в войне своеобразного очарования битвы за Родину, не разделяет предвкушения радости подвига, ему чужда торжественная приподнятость тона и пафос, поэтому в его лирике военных лет основным становится мотив разрушения, страдания и смерти. В его стихотворениях звучит подлинная живая боль за всё израненное, обезумевшее человечество, у лирического героя возникает лишь одно желание – прекратить эти страдания любым способом:

Не знать, не слышать и не видеть...

Застыть, как соль... уйти в снега... («Газеты», 1915)

[Волошин, т.1, 2003, с. 227]

Военная реальность заставляет Дон-Аминадо остро ощутить то, что человек не властен над временем. В стихотворении «Часы» (1914–1915) основным является мотив вечности времени, которому противопоставлена сиюминутность человеческой жизни. Как бы ни дорожил человек своей жизнью, какой бы сильной ни была его вера в лучшее, время, которому подвластно всё, оказывается беспощадным. Зловещую судьбу не обмануть: от смерти не спасает ни один талисман.

Зловеще судьба наклонила весы –

И замерло сердце в надежде!

Рукой коченевшей сжимал он часы,

А маятник тикал, как прежде!..

[Дон-Аминадо, 1994, с. 51]

Жизнь сиюминутна и быстротечна, а судьба неподвластна человеку – к таким выводам приводит война. Вполне закономерным в этом случае является вопрос о смысле жизни. В стихотворении «Кто прав?» (1915) Дон-Аминадо описывает «спор о тайне мира» [Там же, с. 57] мудреца и поэта. Первый из них считал, что тайну и смысл жизни составляет труд, второй – песня. Если разоблачить ложь автору удавалось довольно просто, то прийти к истине оказывается намного сложнее. Вопрос остается открытым, спор мудреца и поэта прерывает смерть:

– Поэт! не нами мир устроен!..
 – Старик! Но тайна, тайна в чём?..
 ...Но в этот миг пришедший воин
 Отсёк им головы мечом!..

[Дон-Аминадо, 1994, с. 58]

Прерывая спор героев смертью, Дон-Аминадо наводит читателей на мысль о том, что разгадать тайну бытия невозможно и едва ли есть разумное объяснение кровопролитной войне, страданиям и жертвам. Таким образом, война реальная – это прежде всего противоестественное для людей явление, которое не приносит ничего кроме горя, страданий и смерти.

Первая мировая война, будучи событием планетарного масштаба, всколыхнула весь мир. Как отмечает И. Ф. Герасимова, «трагические события, связанные с военными действиями на территории многих стран, многочисленные жертвы, варварское разрушение храмов, культурных святынь вызвали не только всеобщее возмущение поведением германских войск, подъём национальных чувств, патриотическое воодушевление народов сражающейся Европы, но и значительный корпус литературных произведений, запечатлевших проявления мирового катаклизма» [Герасимова, 2011, с. 10–11].

От трагедии судьбы человека на войне Дон-Аминадо обращается к более масштабной теме – в нескольких его стихотворениях («Франции» (1914), «Реймский собор» (1914–1915), «Англия» (1915), «Германии» (1914–1915) и др.), которые условно можно объединить в одну группу, прослеживается мысль о том, что война – это угроза всему миру.

В стихотворении «Реймский собор» (1914–1915) Дон-Аминадо не скрывает своего возмущения варварством германского дикаря и как личную трагедию воспринимает разрушение европейской цивилизации. Реймский собор, являющийся крупнейшим храмом французской готики, архитектурным и историческим памятником, в годы первой мировой войны был захвачен немцами, в результате бомбардировок были уничтожены

витражи и пострадали статуи [Всеобщая история ... , т. 2, кн. I, с. 286]. Мотив разрушения материального (собор как строение) эволюционирует в стихотворении в разрушение духовное (собор как символ духовности, который ничего не значит для варваров-немцев). То, что происходит на войне с историческими культурными ценностями – это позор для всей европейской цивилизации:

Вином причастия свинцовый стал напиток!..

Горит собор в огне позорных пыток

Под хохот варвара, идущего на бой!..

[Дон-Аминадо, 1994, с. 55]

Стихотворение «Реймский собор» имеет важную отличительную особенность: при его написании Дон-Аминадо использует трёхстишия. Терцеты крайне редко встречаются в его творчестве, и, безусловно, использование трёхстиший в этом стихотворении неслучайно. Одной из разновидностей терцета являются терцины (со схемой рифмовки aba bcb cdc ded...), которыми написана «Божественная комедия» Данте. «С тех пор, любое произведение, написанное терцинами, ассоциируется с нею» [Гаспаров, 1993, с. 175], а также с европейской литературой эпохи Средневековья, для которой было характерно использование трёхстиший с различными вариантами рифмовки строк.

Используя трёхстишия в своем произведении, посвящённом Реймскому собору, знаменитому памятнику французской готики, Дон-Аминадо создаёт своеобразную атмосферу, вовлекающую читателя в эпоху Средневековья и его величественных соборов. Но содержание стихотворения противоречит этой форме: Дон-Аминадо не только воспекает «прекрасный Реймс», но и с горечью говорит о его разрушении («старинный Реймс – зияющая рана!» [Дон-Аминадо, 1994, с. 54]). Таким образом, в стихотворении сталкиваются две эпохи: Средневековье и современность, которая несёт с собой разрушение и уничтожение прекрасного наследия прошлого.

Варварские бомбардировки Реймского собора вызывают у писателя негодование и возмущение. Такие же чувства испытывали многие современники автора, о чём находим свидетельства в их творчестве. Так, например, М. Волошин в стихотворении «Реймская Богоматерь» (1915) с глубокой грустью и горечью пишет о соборе. Мотивы разрушения и страдания становятся основными в произведении. В основе стихотворения лежит метафора, вынесенная в эпиграф: «Видимый на три четверти, Реймский собор напоминает фигуру огромной женщины, коленапреклоненной, в молитве» (О. Роден «Кафедральные соборы Франции», 1914) [Волошин, т. 1, 2003, с. 240]. Волошин сопоставляет собор с образом женщины, молитва которой вселяет умиротворение в сердца людей, исцеляет души:

И всех, кто сном земли недужен,
Её целила благодать,
И шли волхвы, чтоб увидеть
Её – жемчужину жемчужин.

[Там же, с. 240]

Стихотворение, как и у Дон-Аминадо, построено на антитезе: в первой части мы видим довоенный образ собора, от которого веет спокойствием и величием Средневековья. Вторая же часть резко противопоставлена первой – Волошин описывает разрушенный собор, при этом и образ-символ женщины тоже эволюционирует. Теперь Реймский собор сравнивается с распятым:

...И, обнажив, её распяли...
Огонь лизал и стрелы рвали
Святую плоть...

[Там же, с. 241]

Проблема разрушения культурного наследия, угрозы европейской цивилизации не оставила равнодушным и О. Э. Мандельштама. В стихотворении «Реймс и Кёльн» (1914) поэт затрагивает важную тему родства двух европейских стран: Германия и Франция – части одной

культуры, одной истории, они должны быть близки на духовном уровне. И во французском Реймсе, и в немецком Кёльне есть прекрасные готические соборы, сооружённые в одну эпоху и имеющие одинаковую культурно-историческую ценность. Но почему же немцы позволяют себе варварски разрушить французский собор, ведь он должен быть им дорог и близок? Именно это «но», заключающее в себе вопрос, возмущение, удивление, становится главным для О. Э. Мандельштама, именно с этого союза начинается его стихотворение:

Но в старом Кёльне тоже есть собор,
Неконченный и всё-таки прекрасный...

[Мандельштам, т. 1, 2009, с. 292]

Трагедия разрушенного Реймса лишь усугубляется при его сопоставлении с Кёльном. Война между двумя духовно близкими странами представляется бессмысленной и абсурдной. Стихотворение Мандельштама завершается риторическим вопросом:

Немецкие поют колокола:
«Что сотворили вы над реймским братом?»

[Там же, с. 292]

Подобные вопросы о том, что же происходит и к чему приведёт эта война, беспокоили многих современников поэта. И ответы на эти вопросы были очевидны и весьма неутешительны. Русский философ Н.А. Бердяев писал, размышляя о первой мировой войне: «Будущее всей христианской культуры старой Европы подвергается величайшей опасности. Если мировая война будет еще долго продолжаться, то все народы Европы со старыми своими культурами погрузятся во тьму и мрак» [Бердяев, 2007, с. 18].

Дон-Аминадо, как и его современники, понимал великую угрозу войны и видел в ней гибель для всей европейской цивилизации.

Эмоциональным является стихотворение «Франции» (1914): в нём ярко звучат мотивы разрушения, безжалостности войны. Дон-Аминадо

сопереживает Франции, называя её «милой», разрушительная война ассоциируется со смертью:

Не осталось у Франции милой
Бледных лилий, не смятых ногой, –
И рыдает поэт над могилой,
Над могилой её дорогой!

[Дон-Аминадо, 1994, с. 52]

Сопереживание погибающей европейской цивилизации, боль за разрушенную Францию, возмущение и негодование жестокости немцев в этом стихотворении достигают своего предела. Это прослеживается не только на лексическом («печальная повесть», «жестокая война», «печальный аббат», «полудикие гунны» [Там же, с. 52]), но и на пунктуационном уровне. 12 из 13 предложений, которые составляют стихотворение, являются восклицательными. Каждая строка, каждая фраза – это буря эмоций.

В первых стихотворениях Дон-Аминадо о войне отразился «присущий почти всем русским поэтам на начальном этапе войны пафос патриотического воодушевления» [Герасимова, 2012, URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2353/gerasimova2013_1.pdf]. Такое одухотворённое и воодушевлённое восприятие войны, действительно, было характерно для многих поэтов.

В качестве одного из примеров рассмотрим творчество В. В. Маяковского военных лет. Как писал сам поэт, войну он «принял взволнованно» [Маяковский, т. 1, 1955, с. 22], при этом подчёркивал: «сначала только с декоративной, с шумовой стороны» [Там же, с. 22]. Патриотическая взволнованность поэта нашла своё выражение прежде всего в статьях 1914 г. («Штатская шрапнель: поэты на фугасах», «Война и язык» и др.). Первая мировая война представлялась поэту уникальным поводом для словотворчества: нельзя говорить о войне привычным языком, такие слова как «мечи» и «шлемы» неприемлемы для описания военной действительности. «Пересмотр арсенала старых слов и словотворчество –

вот военные задачи поэтов» [Маяковский, т. 12, 1955, с. 328], – утверждает В. В. Маяковский.

Однако воодушевление поэта довольно быстро сменяется ужасом, в автобиографии «Я сам» поэт отмечает: «Первое сражение. Вплотную встал военный ужас. <...> Отвращение и ненависть к войне» [Маяковский, т. 1, 1995, с. 22–23]. Происходит переосмысление отношения к войне, теперь одна из главных задач поэта – донести до людей весь ужас и трагедию войны. В стихотворениях В.В. Маяковского доминирует мотив смерти и разрушения. Трагедия войны показана и на локальном уровне отдельно взятой семьи («Мама и убитый немцами вечер», 1914), и на более масштабном – мировом уровне («Война объявлена», 1914). Безжалостные возгласы военных рот призывают к войне и кровопролитию:

«Отравим кровью игры Рейна!

Громами ядер на мрамор Рима!» <...>

«Постойте, шашки о шёлк кокоток

вытрем, вытрем в бульварах Вены!» («Война объявлена»)

[Маяковский, т. 1, 1995, с. 64–65]

Эти возгласы звучат в стихотворении как некий фон, на котором разворачивается настоящая трагедия. Война воспринимается лирическим героем даже не в мировом, а во вселенском масштабе: «С неба, изодранного о штыков жала, / слёзы звёзд просеивались, как мука в сите...» [Там же, с. 64]. Стихотворение В. В. Маяковского построено на антитезе: в нём противопоставлены будни военных лет, которые воспринимаются как данность всеми людьми, и осознание лирическим героем ужаса войны. В то время как многие слышат лишь обычные возгласы газетчиков («Купите вечернюю!») [Там же, с. 65]), лирический герой видит, как багровая кровь льётся неостановимой струёй. Мотив смерти является в стихотворении одним из основных: даже победа, которая в традиционном понимании воспринимается как одержанный в борьбе успех, в стихотворении приобретает совершенно иное значение: «пехоте хотелось к убийце –

победе» [Маяковский, т. 1, 1995, с. 64]. Поэт приходит к мысли о том, что даже желанная победа не может быть оправданием кровопролитий, ведь она является прямым следствием многих смертей. Именно ради победы люди идут на верную гибель.

К числу антивоенных можно отнести и стихотворение В. В. Маяковского «Мама и убитый немцами вечер» (1914), в нём звучит чувство боли за ставшего жертвой войны человека. В произведении в качестве доминирующих можно выделить два мотива – войны и смерти. Трагедия семьи показана поэтом как неотъемлемая часть войны. Горе матерей, потерявших своих сыновей, ощущается наиболее остро при радостных возгласах о победе над врагом:

По чёрным улицам белые матери
судорожно простёрлись, как по гробу газет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

[Там же, с. 66]

Используемая поэтом антитеза (радостное сообщение газет о побитом неприятеле – горе матери) подчёркивает противоестественность войны и невозможность оправдать её человеческими жертвами.

Проанализировав развитие мотива войны в стихотворениях Дон-Аминадо, Ф. Сологуба, М. Волошина, О. Э. Мандельштама, В. В. Маяковского, можно сделать вывод о том, что в лирических произведениях прослеживается чёткий путь от первоначального эмоционального воодушевления, поддержки войны до резкого её отрицания. Думается, это обусловлено внешним политическим фактором. Манифест царя Николая II от 20 июля 2014 г. о вступлении России в войну призывал к самоотверженному самопожертвованию людей во имя чести и нерушимости Отечества. Царские манифесты активно печатались во всех газетах, распространялись в объявлениях, Святейший Синод обратился с призывом постоять за славу Царя и честь Родины. Всё это стало причиной небывалого всесословного

подъёма патриотических настроений. В литературе, в частности – поэзии, этот воодушевлённый подъём получил проявление в лирике первых военных лет, наполненной патриотическим пафосом.

Сборник стихов Дон-Аминадо «Песни войны» интересен в контексте всего творчества поэта тем, что помогает понять, откуда возникает противоречивое отношение автора к России. Примечательно, что в сборнике стихов, посвящённых переживаниям и впечатлениям о Первой мировой войне, образ родины практически не представлен. Лишь в некоторых стихотворениях возникает образ «горестной земли» («Талисман», 1914), который ассоциируется не с Россией как таковой, а скорее – с родной землей, за которую воюет любой солдат любой страны. В стихотворении «Туда!» (1914) Дон-Аминадо призывает товарищей сражаться за родину:

За эти деревни! За трепет зари!

За эту немую березку!

[Дон-Аминадо, 1994, с. 42]

Образ России, Отечества, которому угрожает война, остаётся весьма тусклым и не получает должного развития в лирике военных лет. В произведениях современников Дон-Аминадо отчётливо прослеживается совершенно противоположная позиция: России сострадают, сопереживают, воспринимая её беды в годы войны как личную трагедию. Так, в лирике А. А. Блока Россия – это родная мать. Судьба страны и её страдания близки лирическому герою, словно горе родной матери:

Идут века, шумит война,

Встаёт мятеж, горят деревни <...>

Доколе матери тужить?

Доколе коршуну кружить? («Коршун», 1916)

[Блок, т. 2, 1972, с. 192]

Как отмечал В. М. Жирмунский, «Блок отличается тем, что к судьбе России он подходит не как мыслитель – с отвлечённой идеей, а как поэт – с интимной любовью» [Жирмунский, 2001, с. 301]. В его стихотворениях

Россия предстаёт не только в образе матери-кормилицы, но и в образе возлюбленной женщины. Война разлучает героя Блока с Россией, как с любимой девушкой:

Да, ночные пути, роковые,
 Развели нас и вновь свели,
 И опять мы к тебе, Россия,
 Добрели из чужой земли. («Я не предал белое знамя...»,
 1914) [Блок, т. 2, 1972, с. 180]

Трагедия России в Первой мировой войне воспринимается как личная боль и в поэзии Н. С. Гумилева. Ю. В. Зобнин отмечает: «Россия в его стихах – не воюющая империя (определение политическое, характерное для агитационной литературы), а навеки данное Отечество, ответственность за судьбу которого придаёт патриотический пафос стихам Гумилёва» [Зобнин, 1994, с. 132]:

Словно молоты громовые
 Или воды гневных морей,
 Золотое сердце России
 Мерно бьётся в груди моей. («Наступление», 1914 г.)

[Гумилёв, 1988, с. 235]

В стихотворениях о войне Дон-Аминадо образ родины оказывается нераскрытым. Предчувствуя угрозу всей европейской цивилизации, сострадая мировой культуре, Дон-Аминадо не сопереживает России. Получается, что лирический герой не чувствует духовного единения с Отечеством и не осознаёт, за что же он воюет. Возможно, именно такое отношение к России в более зрелом, эмигрантском, творчестве и станет причиной двойного видения родины: Дон-Аминадо скучает по родине и вместе с тем смеётся над современной Россией.

Таким образом, в сборнике «Песни войны» отчётливо прослеживается эволюция восприятия автором военных событий: от романтизированных представлений о войне Дон-Аминадо приходит к осознанию трагедии

человека, а затем и всей европейской цивилизации. Этот сборник стихов, ставший дебютным в творчестве поэта, сильно отличается от эмигрантских произведений. В стихотворениях раннего периода творчества Дон-Аминадо мы не найдём столь полюбившейся читателю «лирической сатиры» [подробнее см. Брызгалова, 2006, с. 10–22]: автор абсолютно серьёзен и не пытается высмеивать действительность.

Однако можно выявить и общие черты в раннем и зрелом творчестве. Для Дон-Аминадо характерно многогранное восприятие мира. Так, например, в «Песнях войны» одно и то же явление (война) предстаёт в трёх ипостасях. А в эмигрантских сборниках точно так же, под разным углом, Дон-Аминадо смотрит на Россию: то он испытывает чувство щемящей ностальгии, то видит в ней лишь современную большевистскую страну. Также и эмигрантский быт воспринимается автором по-разному: Дон-Аминадо беспощадно высмеивает эмиграцию, но затем сам ищет умиротворения в быту.

ГЛАВА 2. МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РАННЕГО ЭМИГРАНТСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДОН-АМИНАДО

Свершившаяся в 1917 г. революция в России стала своеобразной отправной точкой формирования новой истории, новой культурной жизни. Как отметил В. А. Келдыш, октябрь 1917 года стал крупной датой, от которой отсчитываются «не только новые политические, но и новые литературные процессы» [Келдыш, 2010, с. 19]. Выдающиеся русские учёные, философы, писатели и художники были вынуждены покинуть Россию из-за непримиримого отношения к новой власти и к сформировавшимся в обществе идеологическим условиям. Анализируя причины эмиграции А. Н. Николукин писал: «Не приняв большевистского переворота, русская интеллигенция перешла сначала в духовную эмиграцию, которая через несколько лет превратилась для многих в изгнание реальное» [Николукин, 1991, с. 5]. За границей оказались такие представители русской интеллигенции, как Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, Н. А. Бердяев, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. С. Шмелёв, М. А. Алданов, А. Т. Аверченко, С. Чёрный, Тэффи, В. Ф. Ходасевич, Г. В. Адамович, Г. В. Иванов и многие другие. Как справедливо отметил Г. П. Струве, эта «эмиграция есть явление огромное, в мировой истории беспрецедентное» [Струве, 1996, с. 22].

«Единая до сих пор русская литература разделилась на эмигрантскую и советскую» [Баевский, 2003, с. 112]. Беспрецедентная по своим масштабам эмиграция породила такое явление, как литература русского зарубежья, которая и на сегодняшний день является ещё недостаточно изученным пластом литературы. Многие исследователи признают её уникальной, в частности, О. Н. Михайлов подчёркивал, что «феномен литературы русского зарубежья уникален и, кажется, не находит аналогов в мировой истории» [Михайлов, 1995, с. 8]. Поставленная в особые условия формирования и развития литература русского зарубежья приобрела свои характерные черты.

Этой литературе, и в частности – поэзии, «был дан редкий исторический шанс – увидеть себя не только в изгнании, но и в послании» [Крейд, 1991, с. 8]. Покинувшим Россию писателям эмиграция казалась «миссией по сохранению духовных ценностей русской культуры» [Буслакова, 2009, с. 8], национального опыта в надежде на будущее возрождение России. В связи с этим одним из доминирующих мотивов в их творчестве становится мотив ностальгии и памяти о России.

Непримиримое отношение к советской власти формировало в произведениях писателей русского зарубежья мотив отречения от новой России, неприятия советской действительности. Также одним из ведущих становится мотив эмиграции, «безнадёжность мироощущения эмигрантов» [Рощин, 2009, с. 109], поскольку быт и повседневная жизнь составляли основную часть существования за рубежом.

Дон-Аминадо был одним из тех, кто не принял Октябрьскую революцию. В 1918 году писатель ненадолго переехал в Киев. Но было очевидно, что белая армия не сможет противостоять натиску красных. За несколько месяцев до окончательного поражения белых Дон-Аминадо навсегда покинул Россию, взойдя на борт французского парохода. Революция и гражданская война произвели глубокое впечатление на поэта и не могли не отразиться в его произведениях.

Эмигрантский период творчества Дон-Аминадо оказался особенно плодотворным. В Париже вышли сборники стихов и прозы «Дым без отечества» (1921), «Наша маленькая жизнь» (1927), «Накинув плащ» (1928), «Нескучный сад» (1935), «В те баснословные года» (1951). Как справедливо отмечает Е. Н. Брызгалова, «в них отразились не только поэтический талант и мастерство этого очень тонкого художника, умевшего показать красоту и полифонизм русского слова, но и мироощущение эмигранта, оказавшегося на чужбине и вынужденного заново строить свою жизнь, искать в ней нечто позитивное и уверенно смотреть вперёд, в завтрашний день» [Брызгалова,

2011, с. 20]. В 1954 году в Нью-Йорке вышла книга воспоминаний «Поезд на третьем пути», ставшая итоговым произведением писателя.

В поэтическом эмигрантском творчестве Дон-Аминадо можно выделить в качестве основных мотивы ностальгии и эмигрантской жизни. Они являются главными смыслообразующими центрами в его поэзии. Стихотворения, посвящённые дореволюционной России, отличаются глубоким лиризмом и чувством искренней грусти и тоски. Для злободневных по своей тематике произведений об эмиграции характерен ироничный тон, иногда даже сатирический.

В первых вышедших в эмиграции поэтических сборниках («Дым без отечества» и «Накинув плащ») мотив ностальгии имеет определяющее значение. В стихотворениях, написанных в начале 1920-х гг., он становится основным, на него нанизываются все остальные мотивы (разрушения, страдания, памяти и другие). В произведениях же, написанных в конце 1920-х гг., мотив ностальгии по-прежнему остаётся одним из наиболее частотных, но постепенно уходит на второй план, уступая место основному мотиву эмиграции и прославления жизни.

2.1. Мотивы разрушения и ностальгии как два смыслообразующих центра сборника «Дым без отечества»

«Дым без отечества» – первый сборник стихов, вышедший в эмиграции (Париж, 1921). Его название восходит к выражению А. С. Грибоедова «И дым Отечества нам сладок и приятен» [Грибоедов, 2007, с. 50], которое, в свою очередь, заимствовано из стихотворения Г. Р. Державина «Арфа»: «Мила нам добра весть о нашей стороне: / Отечества и дым нам сладок и приятен» [Державин, 1987, с. 226]. Таким образом, уже в названии сборника тема родины заявлена как магистральная. Как отмечает В. В. Агеносов, «сквозным лейтмотивом всей русской литературы за рубежом проходит тема России» [Агеносов, 1998, с. 8].

Классическое выражение «дым отечества» Дон-Аминадо по-своему переосмысливает: предлог «без» кардинально меняет не только значение, но и настроение, само мироощущение героя. Название сборника сразу настраивает читателя на конкретное восприятие художественного образа: «дым» – это жизнь или состояние внешнего мира, окружающего героя, некая неясность, неопределённость, которая и вызвана именно тем, что лирический герой лишён Отечества. В сознании образованного читателя сразу возникнет антитеза: «дым без отечества» – «дым отечества». И если исходить из выражений Державина и Грибоедова, то «дым отечества» «сладок и приятен». Отсюда можно сделать вывод, что основная задача Дон-Аминадо – показать, каков же «дым без отечества»: сладок он или горек?

В названии сборника проявилась одна из особенностей творчества Дон-Аминадо – интертекстуальность, одним из проявлений которой становится использование цитат, аллюзий и реминисценций (особенно из русской литературы). Такую тенденцию можно объяснить любовью к русскому искусству, русским литературным традициям и к России вообще. Как отмечала Л. Я. Гинзбург, «цитаты явные и скрытые, литературные и культурные <...> в поэтическом тексте – это нервные узлы, прикосновение к которым мгновенно вызывает ряды определённых значений» [Гинзбург, 1979, с. 43]. Использование цитат из русской литературы подтверждает то, что тема России является одной из главных в эмигрантской поэзии Дон-Аминадо.

Герой первого эмигрантского сборника Дон-Аминадо, как отмечает Л. А. Спиридонова, «рядовой российский эмигрант, растерянный, заблудившийся в потёмках собственных исканий, мучительно тоскующий по утраченной навсегда родине» [Спиридонова, 1999, с. 255].

В сборник «Дым без отечества» вошли стихотворения 1920–1921 гг. Но даже на протяжении такого небольшого отрывка времени явно прослеживается творческая эволюция писателя и изменения в развитии темы России и основных мотивов.

В стихотворениях 1920 года Россия предстаёт как растерзанная, измученная собственным народом страна. Лирический герой строго и с осуждением отзывается о реальной действительности. Преобладают мотивы греха, разрушения и расплаты за грехи, возмездия.

В стихотворении «У врат царства» (1920) основным является мотив разрушения:

Всё опростали. И всё опростили.
Взяли из жизни и нежность, и звон.
Бросили наземь. Топтали и били.
Пилят. Растлили. И выгнали вон...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 59]

Используя парцелляцию, автор создаёт всеохватную картину непрерывного разрушения как физического, так и нравственного: вся нежность и звон жизни растоптаны и изгнаны. Таким образом, лирический герой объясняет ужасы эпохи, прежде всего, отказом от нравственных ценностей. Для этого стихотворения характерно переосмысление традиционных образов и употребление слов в переносном смысле. Так, гармонь, которая традиционно воспринимается как музыкальный инструмент, на котором исполняются весёлые, задумчивые мелодии, наделяется эпитетами: «хриплая, злая, шальная» [Там же, с. 59]. Даже музыка, в которой проявляется душа народа, становится злой и разрушительной. По-новому воспринимается и «веселье», а, точнее, в прямо противоположном значении:

Город был тоже по-новому весел.
Стёкла дырявил и мрамор дробил. [Там же]

Описываемые картины олицетворяют разрушение и являются противоестественными. В этих строках звучит мотив сумасшествия мира.

К основному мотиву разрушения присоединяется вторичный мотив смерти и братоубийственной войны:

Ночью в предместьях своих куролесил,

Братьев готовил для братских могил.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 59]

Используемые негативные сравнения («Жили, как свиньи. Дрожали, как мыши. / Грызлись, как злые, голодные псы» [Там же, с. 59]) также подчеркивают противоестественное состояние людей. Лирический герой не хочет принять революционную действительность, она вызывает у него только отрицательные эмоции. Стихотворение насыщено лексикой с грубой, негативной окраской (топтали, били, растлили; злая, шальная гармонь; куролесил, свиньи, грызлись, псы, рабы). Общий тон, настроение стихотворения – это озлобление, негодование, возмущение. Завершается оно риторическим вопросом-обращением к Богу:

Господи Боже, свершишь ли над нами

Страшный, последний, обещанный суд?! [Там же, с. 60]

За мотивом разрушения вполне логично следует мотив возмездия, суда. Этот мотив звучит в последней строке стихотворения, которая находится в сильной позиции. Значит, в данном стихотворении два основных мотива: разрушение и возмездие, причём они тесно взаимосвязаны. В целом в произведении создана весьма мрачная и удручающая картина жизни России: революция породила озлобленное бесчувственное поколение людей, которое может совершать страшные преступления и загубить собственную страну. Важно отметить при этом, что лирический герой не отделяет себя от всех остальных людей («Господи Боже, свершишь ли над *нами*...»), выделено нами – М.Б.), подтверждая таким образом и свою непосредственную причастность к происходящим событиям, осознание своей вины.

Очень близким в эмоциональном плане данному произведению оказывается стихотворение поэта-сатириконца В. Горянского «Смерть жалости». Поэт проводит прямую взаимосвязь между страшными событиями, проходившими в стране в начале века, и нравственным падением общества. В основе стихотворения лежит развернутая метафора – смерть и похороны жалости. Понимание человеческой жестокости усиливается за счёт

оксюморонных сочетаний: герои стихотворения на похоронах испытывают не грусть и горечь утраты, а веселье и злорадство:

С весёлым злорадством глядя,
 Тешилась людская горилла,
 Огромнейшие животы глядя,
 Взгроможденные на перила.

[Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 255]

Использование негативной лексики подчеркивает авторское неприятие описываемой картины. Революционная действительность оказывается настолько суровой и безжалостной, что, только потеряв человеческий облик и отказавшись от нравственных ценностей, можно жить в этом мире:

Больше нечем жалеть и любить.
 Беспокоиться уже не надо,
 Будет жизнь хороша.

[Там же, с. 255]

Мотив нравственного падения становится основным в стихотворении. Но если у Дон-Аминадо лирический герой не отделяет себя от своих современников, то у В. Горянского противопоставлены две группы людей: большинство, которое «вздохнуло вольно» и ощутило свободу после смерти жалости, и остальные люди, у которых сжалось сердце. Лирический герой является сторонним наблюдателем, и ему, безусловно, близка позиция тех, кто со страхом смотрит на происходящее. В сильной позиции произведения (в конце стихотворения) находятся строки, передающие состояние лирического героя: «Холодно сердцу, в сердце нет / Ничего, что бы нежно грело» [Там же, с. 256]. Современная автору действительность такова, что в ней не осталось ничего человеческого.

Во многих стихотворениях Дон-Аминадо 1920 года воспоминания лирического героя о России связаны с отрицательными эмоциями, очень часто герой иронизирует и насмехается над действительностью, в тоне его слов можно различить даже озлобленность на родину и на мир за своё

положение эмигранта. Жизнь и действия заступников России, жаждущих её возрождения, автор представляет как бессмысленные и смешные: «Все... хотят возрожденья российского!» [Дон-Аминадо, 1994, с. 65]. В итоге же подобные желания приводят лишь к разрушению. В стихотворении «Очень просто», как и в других стихотворениях 1920 года, звучит мотив разрушения, страданий загубленной России:

И поэтому нужно доказывать,
 Распоясаться, плакать, рассказывать
 Об единственной в мире возлюбленной,
 Распростертой, распятой, загубленной,
 Прокаженной и смрадной уродине,
 О своей незадачливой родине...

[Там же, с. 65]

Россия предстает перед нами растерзанной людьми. Автор, находясь в эмиграции, пытается дать объективный и при этом всесторонний анализ происходящих исторических событий. Во-первых, он описывает состояние самой России, её положение в годы кровопролитной, изнуряющей гражданской войны. Во-вторых, внимание автора привлекает жизнь эмигрантов, которые пытаются найти пути спасения России, предлагают свои теории («Да про душу мужика / Столько слов наворотили...», [Там же, с. 62]; «И скоро совершенно обалдеем / От способов спасения Руси», [Там же, с. 75]). Многие стихотворения сатирически окрашены, в них звучит ирония. Действия людей представляются герою бессмысленными и смешными.

С точки зрения Дон-Аминадо, эмигрантов можно разделить на два лагеря: на тех, кто искренне сопереживает Родине и страдает вместе с ней, и тех, кто ведет активную общественную и политическую деятельность, пытаясь найти пути спасения России. Автор не поддерживает своих соотечественников, которые слишком рьяно выступают за возрождение России, и искренне не понимает, зачем нужно «доказывать, распоясаться,

плакать, рассказывать» («Очень просто», 1920 г.) [Дон-Аминадо, 1994, с. 65] о своей Родине «на каждом углу».

Позиция Дон-Аминадо оказывается близка его современнику и коллеге по журналу «Сатирикон» – Саше Чёрному, талантливому писателю-сатирику, который после революции эмигрировал в Германию и затем поселился в Париже. В 1923 году, уже будучи в эмиграции, С. Чёрный написал стихотворение «Тех, кто страдает гордо и угрюмо...», в котором, как и Дон-Аминадо, поделил своих современников-эмигрантов на два противоположных лагеря. Лишь небольшая часть эмигрантов, по мнению автора, искренне сопереживает России, «страдает гордо и угрюмо» [Чёрный, т. 2, 1996, с. 92]. Это те люди, которые не выставляют напоказ свои чувства и боль страданий. Несмотря на то, что таких эмигрантов меньшинство, именно они являются хранителями русского наследия и ассоциируются у С. Чёрного с родиной, «они – Россия»: «Их мало? Что ж... Но только ими рдеют / Последние огни родной мечты» [Там же, с. 92].

Но есть другая часть русских эмигрантов, представляющая большинство людей. Они настолько неприятны автору, что он даже отказывается давать им прямую развернутую характеристику, используя лишь яркую метафору: «остальное – плесень» [Там же, с. 92]. Чтобы читатель смог понять, почему автор занимает именно такую позицию по отношению к этим эмигрантам, С. Чёрный использует интересный приём – косвенную характеристику через отрицание. Ему гораздо приятнее перечислить то, чего не делают эмигранты, которые ему импонируют, чтобы составить предельно ёмкое описание другой части эмигрантов:

Не спекулируют, не пишут манифестов,
Не прокурорствуют с партийной высоты,
Из и своей больной любви к России
Не делают профессии лихой... [Там же, с. 92]

Саша Чёрный в своем стихотворении разводит понятия истинного и ложного патриотизма, искренней и наигранной любви к Родине. Стоит

отметить и жанровое своеобразие данного произведения. С. Чёрный неслучайно выбирает форму белого стиха и размер пятистопного ямба. Как отмечает М. Л. Гаспаров, «из трагедии этот нерифмованный 5-ст. ямб перешел в лирические стихотворения, по строю напоминавшие монологи-раздумья» [Гаспаров, 2001, с. 35]. Таким образом, используя форму белого стиха и стихотворный размер, характерный для высоких жанров, поэт подчеркивает, насколько низка и ничтожна спекуляция на чувствах к родине.

В стихотворении Дон-Аминадо «Свершители» (1920) основным является мотив воспоминания. Лирический герой вспоминает родину и жизнь своих сограждан в предреволюционную эпоху. И воспоминания его окрашены едкой иронией, в них звучит тон осуждения:

Расточали каждый час.
Жили скверно и убого.
И никто, никто из нас
Никогда не верил в Бога.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 62]

Особое внимание привлекает троекратное отрицание (никто, никогда, не верил), которое усиливается повтором слова «никто». Лирический герой, таким образом, подчеркивает, что его жизнь и жизнь соотечественников была без Бога. И все беды произошли именно из-за того, что люди отошли от Бога, жили «скверно», блуждали в темноте:

Ах, как было всё равно
Сердцу – в царствии потёмок!
Пили красное вино
И искали Незнакомок.

[Там же, с. 62]

Утратив вечные, истинные ценности, люди блуждали в поисках чего-то нового и не заметили, как потеряли Россию. К мотиву воспоминания присоединяется боковой мотив осуждения и возмездия. Лирический герой говорит о том, что каждый получит наказание за свои грехи и за главный

грех – потерю России. Автор называет Россию гранитом, «распылившимся в изгнанье» [Дон-Аминадо, 1994, с. 62]. Из мощной, прочной державы она превратилась в пыль. Так, автор вводит в стихотворение мотив расплаты за грехи: «при неверном блеске свеч отойдём к Иосафату» [Там же, с. 62], – имея в виду иосафатову долину, в которой, согласно преданию, состоится последний Страшный суд [Библейская энциклопедия, 1991, с. 363].

В этом стихотворении автор подводит некий безжалостный и печальный итог жизни своего поколения:

И потомкам в глубь веков
 предадим свой жребий русский:
 Прах ненужных дневников
 И Гарнье – словарь французский.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 62–63]

Эта строфа построена на контекстуальной антитезе: «глубь веков» и «прах ненужных дневников». Автор противопоставляет вечное и сиюминутное, тем самым, подчеркивая ничтожность «дневников» эмигрантов в масштабах вечности. Вторая контекстуальная пара антонимов русский / французский усиливает разочарование лирического героя и делает акцент на парадоксальной оторванности русского человека от своей родины: наследие русских эмигрантов – французский словарь. Автор выносит строгий вердикт: его поколение было не только потерянным и блуждавшим в темноте, но и ненужным.

В первой части стихотворения, посвящённой воспоминаниям, «мотивы нанизываются в форме аналогично построенных предложений» [Томашевский, 1996, с. 236]. Такой способ связывания мотивов Б. В. Томашевский называет синтаксическим параллелизмом. Нанизываются мотивы: равнодушие, безверие, безразличие. Основным, стержневым мотивом является воспоминание. Вторая часть стихотворения посвящена размышлениям лирического героя о современной ему жизни, о настоящем. Стержневым является мотив возмездия, к которому присоединяются с

помощью тематического параллелизма (сравнения, антитеза) мотивы конца жизни, подведения итогов.

И вновь Дон-Аминадо не отделяет себя от своих современников. В стихотворении автор использует глаголы в форме первого лица множественного числа и личные местоимения (мы, нас), подчеркивая и свою непосредственную причастность к происходящим событиям. Дон-Аминадо считает себя частью истории и, будучи представителем интеллигенции, чувствует свою вину за разрушение Отечества.

Такая позиция была близка и другим современникам поэта, эмигрировавшим из России. Так, например, в стихотворении Г. В. Иванова «Звезды синеют. Деревья качаются...» звучит мотив осуждения, при этом автор не отделяет себя от своих современников:

Все мы герои и все мы изменники,
Всем, одинаково, верим словам.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 303]

Используемый автором повтор «все мы» акцентирует внимание на том, что каждый его современник так или иначе причастен к судьбе России. Неважно, кто стал «героем», а кто – «изменником», жить в новой России одинаково тяжело всем. И даже несмотря на то, что жизнь продолжается, как и прежде («вечер как вечер»), и многое можно забыть, но получить прощение невозможно («ничего не прощается» [Там же, с. 303]). Этот груз ответственности навсегда останется на душе. Стихотворение заканчивается вопросом: «Что ж, дорогие мои современники, / Весело вам?» [Там же, с. 303].

В этих словах звучит не только вопрос, но и осуждение: в том, что жизнь сложилась именно так, а не иначе, виноваты сами люди.

Однако не все поэты-эмигранты разделяли такую точку зрения. Валентин Горянский, как и Дон-Аминадо, восторженно принял Февральскую революцию, однако события Октября 1917 г. уже не были столь радостными. Будучи в эмиграции автор возвращается в своём творчестве к революции. Но,

в отличие от Дон-Аминадо и Г. В. Иванова, В. Горянский не пытается найти виноватых и оставить груз ответственности на плечах современников. Свершившаяся катастрофа ему представляется исторически неизбежной: война, голод, обнищание народа, нарастание недовольства в обществе стали закономерными причинами случившейся катастрофы.

В стихотворении «Февраль семнадцатого» В. Горянский вспоминает Россию того времени. Черда исторических событий подчеркивает неизбежность революции:

В этом метельном феврале,
С каждым гаданием новым
Выходили слёзы о короле,
Прекрасном, молодом, бубновом.

[Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 254]

Автор воспринимает эту революцию как данность, что подчеркивается на пунктуационном уровне произведения. Несмотря на то, что в стихотворении описываются мрачные события, которые вряд ли могут оставить равнодушным, автор не использует восклицательных предложений (для сравнения, у Дон-Аминадо довольно часто встречаются восклицательные конструкции в стихотворениях, где основным является мотив разрушения и страданий). Используемая поэтом лексика с ярко выраженной негативной окраской акцентирует внимание на трагизме и ужасной неизбежности происходящего: «злое воронье», «у немилосердных дверей», «ругань пекарей», «вопли и плач», «роковой след», «суровая стужа» и т.д. [Там же, с. 254–255].

Неминуемую близость страшных событий чувствовали все: «Старухи из храма в храм / Ходили, чуткие к катастрофе», «И на перекрёстке городской / Догадывался о неладном» [Там же, с. 255]. В. Горянский сопереживает России, однако при этом не готов, как Дон-Аминадо, принять на себя груз ответственности за то, что стало со страной.

В ряде стихотворений Дон-Аминадо звучит мотив боли и обиды за растерзанное, погибающее отечество: «Ибо третьего дня иль четвертого / Мы имели хоть призрак отечества» («После всего» [Дон-Аминадо, 1994, с. 67]), «Вокруг шумит Париж неугомный... / Следит за умирающей Москвой» («Застигнутые ночью» [Там же, с. 75]).

Едкой сатирой пронизано стихотворение «Эдем» (1920), в котором Дон-Аминадо «изображает новую Россию как царство насилия и тупости, где господствуют расстрелы, преследования инакомыслящих, страх, уравниловка» [Спиридонова, 1999, с. 259]:

Расстреливают щедро и жестоко.
Казнят за ять. И воспевают труд.
Интеллигенция разучивает Блока
И пишет на машинках Ундервуд.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 63]

В названии стихотворения заложена внутренняя антитеза. По библейской легенде, Эдем – земной рай, местопребывание человека до грехопадения. В стихотворении же описывается жизнь, прямо противоположная райской. Таким образом, уже в заглавии заявлена авторская ирония и неприятие им новой жизни и такого «рая». Эпиграф «Made in Russia» (Сделано в России) подчеркивает максимальное отчуждение лирического героя от своей родины: такая, новая, Россия уже не воспринимается им как родная. И даже название своей когда-то родной страны автор пишет по-новому: Russia, используя не родные, русские, а чужие буквы. Основным в стихотворении является мотив отчуждения, неприятия, который заявлен в сильных позициях текста: заглавии и эпиграфе. Наиболее остро мотив выражен в восклицательном предложении: «Послал бы я их к чёртовой мамаше!» [Там же, с. 63].

Возмущение и негодование лирического героя доходит до предела, и он открыто и резко заявляет о своём отказе от такой России, от такой жизни. Основному мотиву сопутствуют боковые мотивы осуждения, негодования.

Постепенно мировосприятие лирического героя меняется. На смену злобе, обиде, возмущению приходит то, что можно назвать собственно ностальгией («ностальгия – тоска по родине, а также вообще тоска по прошлому» [Ожегов, Шведова, 1998, с. 422]). Воспоминания о родине наполнены тихой грустью и тоской. В стихотворениях появляются российские и московские реалии, детали быта, жизни лирического героя в России. В стихотворениях 1921 года мотив ностальгии можно выделить в качестве доминирующего.

Герой, оказавшись во Франции, осознаёт, что окружающий его мир эмиграции – чужой, неродной. Автор всё больше размышляет о родине и приходит к пониманию того, насколько далеки друг от друга Франция и Россия:

Куда мне идти? И куда я пойду?

Анелка... Деревня... Россия...

Как много гвоздик в Тюильрийском саду!

И все они тоже чужие. («Непобедимое», 1921)

[Дон-Аминадо, 1994, с. 75]

Россия теперь воспринимается не как растерзанная, погубленная страна, а как страна, в которой лирический герой когда-то был счастлив; он не видит (или не хочет видеть) настоящей России, она для него существует в прошлом, и это прошлое прекрасно, оно манит и зовёт к себе.

Такое восприятие родины характерно для творчества многих писателей-эмигрантов, наиболее остро чувство тоски и горькой утраты ощущается в лирике поэтов в первые годы эмиграции (1920-е годы). Оппозиционная пара мотивов родной / чужой является одной из самых частых в стихотворениях многих авторов.

Стихотворение Петра Потёмкина «Двое» (1923) построено на сопоставлении прошлого и настоящего, жизни на родине и в эмиграции. Но если у Дон-Аминадо воспоминание о России навеивает не только грусть, но и чувство светлой надежды, любви к родине, то у П. Потёмкина картины

прошлого лишь усугубляют контраст с настоящим и делают действительность ещё мрачнее:

Ну да, живу. По каплям дни
Текут в бадью пустой надежды...

[Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 195]

По сравнению с жизнью в России, существование в эмиграции кажется беспросветным и мрачным, здесь даже не на что надеяться. И несмотря на то, что жизнь всё же идет своим чередом, лирический герой Потёмкина отказывается от такого существования, всё вокруг для него чуждо: «Есть солнце, но оно не наше, / Есть ветер, но неласков он» [Там же, с. 195]. Всё, что окружает лирического героя на чужбине, – «скучных дней пустая суть», которой противопоставлена жизнь на родине. Только мысли о России и помогают выжить лирическому герою, у которого осталась лишь одна радость «в небылицах иль в былицах прежней жизнью отдохнуть» [Там же, с. 195].

Стихотворение Петра Потёмкина «Двое» вошло в сборник, вышедший в Берлине в 1923 г., «Отцветшая герань. То, чего не будет». Название книги отражает пессимистичный настрой поэта и свидетельствует о том, что автор не питает ложных надежд на возрождение России и принимает действительность такой, какая она есть, «сборник пронизан чувствами одиночества, бесцельности бытия» [Анзикеев, 2007, с. 57].

Октябрьская революция разделила на «до» и «после» жизнь многих писателей. Восприятие мира эмиграции как чужого становится практически общепринятым, исследователи отмечают «тягостную, непреодолимую тоску русских за границей, их неумение, а часто и нежелание адаптироваться к местным условиям» [Костиков, 1990, с. 95]. В стихотворении 1920-х гг. Тэффи «Перед картой России» вновь появляется оппозиционная пара мотивов родина / чужбина. В стихотворении основным становится мотив безвозвратной утраты родины, которая воспринимается как смерть:

В чужой стране, в чужом старом доме

На стене повешен её портрет,
 Её, умершей, как нищенка, на соломе,
 В муках, которым имени нет.

[Мы жили ... , кн. 1, с. 93]

В поэзии С. Чёрного тоже нередко возникает противопоставление родины и чужбины. Так, в стихотворении 1922 года «На миг забыть – и вновь ты дома...» основным является мотив воспоминания. Отрешенность от реальной действительности – это способ вновь вернуться на родину, пусть и всего лишь в воспоминаниях. Прошлое словно оживает в памяти лирического героя и встаёт перед его глазами с точностью до мелких деталей:

Всё до пастушьей бороды,
 Увы, так горестно знакомо!

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 63]

Но воспоминаниями жить невозможно, и действительность заявляет о себе: «Очнись. Нет дома – ты один» [Там же, с. 63]. Всё, что окружает лирического героя, чуждо ему – смеётся «чужая девочка», а в небе светит «строгий и чужой» месяц. Для многих поэтов эмиграция становится синонимом чужбины, поэтому воспоминания о России остаются единственным, что согревает души и вселяет надежду. «Родина как невозвратимый, потерянный идеал сохраняется в сердцах многих поэтов-эмигрантов, тяжело переживающих свою разлуку с ней» [Тиботкина, 2010, с. 104].

Стихотворение Дон-Аминадо «Париж» (1920) насыщено грустью, основной мотив – ностальгия. Автор разделяет его на три части. Первая часть посвящена воспоминаниям о родине. В сознании лирического героя проносится «ураган прошедших лет» [Дон-Аминадо, 1994, с. 70]. Мысли о России по-прежнему вызывают грустные и печальные чувства:

И край, при мысли о котором
 Стыдом, печалью и позором

Переполняется душа.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 71]

Но если раньше лирический герой резко осуждал своё поколение, бездарно прожившее годы, его ирония была беспощадна, то теперь его слова наполнены тихой грустью, сожалением. В памяти возникают новые образы: «милый силуэт», «дом», «скрип ставни» [Там же, с. 71]. Лирический герой предается «нежности воспоминаний»: он принимает прошлую жизнь как данность, которую уже нельзя изменить. Мотивы воспоминания, грусти, утраты нанизываются на основной мотив ностальгии. В стихотворении используется характерный для творчества Дон-Аминадо синтаксический параллелизм, связывающий мотивы.

Вторая часть стихотворения – это обращение лирического героя к Парижу, прекрасному, но неродному городу. Герой ищет приют. В этой части стихотворения основным является мотив странничества и бесприютности:

Не ты ли сердце отогреешь
И, обольстив, не оттолкнешь?!

[Там же, с. 71]

Стихотворение наполнено реалиями и деталями жизни во Франции: «Латинский город» (Латинский квартал Парижа), кираса (пешие и конные статуи воинов в латах), канотье (статуи штатских, а не военных лиц), Елисейские поля, Булонский лес. Лирический герой прекрасно знает Париж, Францию. Эта страна могла бы стать для него родной. Но третья часть стихотворения опровергает возможность для героя обрести в Париже вторую родину. В этой заключительной части стихотворения происходит своеобразный синтез предыдущих двух частей, что прослеживается на уровне мотивов: мотивы ностальгии и бесприютности становятся основными, при этом они тесно взаимосвязаны и неразделимы.

И я с тобою, гость случайный,
Бегу, чтоб только превозмочь

Мою окутанную тайной
И неизвестностию ночь.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 72]

Лирический герой называет себя «гостем случайным» в Париже. Он понимает, что Франция никогда не заменит ему родину. Настоящая жизнь представляется ему мрачной и унылой, погруженной во тьму, он сравнивает её с «ночью», от которой пытается убежать. Но в словах героя нет отчаяния, осуждения, злости – он принимает жизнь и старается облегчить свои страдания, «расточить больную душу в прозрачном воздухе» [Там же, с. 72] Парижа. Автор использует эпитеты, общий характер и настроение которых можно определить как грусть: «гость случайный», «тоскливые думы», «дом чужой», «больная душа» [Там же, с. 72]. Эти эпитеты в подтексте заключают мотив ностальгии. О таком способе выражения мотива писал В. Е. Хализев: мотив «может оставаться лишь угадываемым, ушедшим в подтекст» [Хализев, 1999, с. 266].

Если в творчестве многих поэтов жизнь в эмиграции кажется беспросветной и скорее сопоставима с бессмысленным и мрачным существованием, то у Дон-Аминадо к мотивам грусти и утраты постепенно присоединяются мотивы надежды на будущее и прославления жизни такой, какая она есть. Тон стихотворений становится более лиричным, появляется надежда, герой верит, что впереди ещё будет жизнь, её нужно принять и наслаждаться тем, что есть. Как отмечает В. И. Коровин, «оценка судьбы эмиграции по-прежнему не меняется и остается суровой. Но сама эмигрантская жизнь уже не кажется пустой и безысходной» [Коровин, 1994, с. 33].

В стихотворении «Колыбельная» (1920) Дон-Аминадо на свой лад перепевает печальные строки Саши Чёрного. Он обращается к эмигрантскому мальчику:

Спи, Данилка. Спи, мой чиж.
Вот и мы с тобой в Париж,

Что б не думали о нас,
Прикатили в добрый час.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 73]

«В добрый час» – это не ирония, не насмешка. Дон-Аминадо находит новые слова, вселяющие бодрость и надежду. Лейтмотивом стихотворения звучат слова: «Будем ждать и будем жить» [Там же, с. 73]. Таким образом, в данном стихотворении мотив ностальгии по-прежнему присутствует, но является вторичным. Основным становится мотив приятия жизни, надежды на будущее.

«И пусть конечный удел двух “песчинок бытия” грустен и безрадостен, он не отменяет чувство жизни, а обостряет его. Природа, робкая и нежная влюбленность, цвета и запахи, шумное многолюдье, энергия молодости, дерзость ума и поступка – всё побуждает к наслаждению бытием» [Коровин, 1994, с. 33].

В стихотворении «Труженики моря» (1920) лирический герой наблюдает за труппой бродячих актёров, которые оказались на побережье без работы из-за циклона и потому находятся в дурном настроении и тоске. Изображаемая картина описывается автором иронически:

Тромбон, артист с душой и вкусом,
Бродил с большим и страшным флюсом <...>
Рыжеволосая актриса
Избила туфлею Париса...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 83]

Лирический герой является сторонним наблюдателем, но постепенно вовлекается в действие. Герой словно раздваивается: он телесно, материально здесь, на этом же берегу, и в то же время не здесь, потому что мысленно переносится в другую реальность и другое время. Во сне лирический герой видит родину:

И море снилось, но другое,
Далёкое и голубое,

И милый Коктебель.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 84]

Мотив ностальгии и воспоминаний в данном стихотворении реализуется во сне героя. Таким образом, сон – своеобразный уход от реальности. При этом лирический герой выносит определенный приговор себе и своим воспоминаниям: «Всё проходит. И всё пройдёт. Как сон» [Там же, с. 84].

В этом стихотворении особую роль приобретает деталь: она вызывает целый поток воспоминаний. Любой предмет быта вызывает в сознании лирического героя определённые ассоциации:

Курьерский поезд петербургский.
Горячий борщ, конечно, в Курске,
И северная ель.

[Там же, с. 84]

Стихотворение построено на антитезе. Автор противопоставляет прошлое и настоящее и описывает их по-разному. Как справедливо отмечает Е. Н. Брызгалова, «временные пласты контрастны друг другу прежде всего по настроению: настоящее подаётся с иронией, а русское – с чувством ностальгии» [Брызгалова, 2006, с. 65]. Сон лирического героя проходит: «И слышу, снова бьет Париса рыжеволосая актриса» [Дон-Аминадо, 1994, с. 84]. Определяющим здесь является слово «снова»: автор подчеркивает неизбежность возврата к настоящему. Незыблемость реальности подчеркивается и композиционно: стихотворение завершается описанием настоящего.

Исследуя поэзию русского зарубежья, О. Дарк писал: «Особенностью литературной жизни русского Зарубежья на протяжении всей его истории было настойчивое стремление воссоздать “русский мир”, параллельный тому, который далеко, недостижим и искажен» [Дарк, 2001, с. 9]. Возможно, именно этим стремлением обусловлено то, что в стихотворениях многих писателей образ России вполне естественно и гармонично возникает в

произведениях, которые описывают реалии эмигрантской жизни. В. Ф. Ходасевич, рассуждая об эмигрантской литературе, отмечал, что у неё «эмигрантский паспорт, – но эмигрантская ли у неё душа?» [Ходасевич, 1991, с. 468]. В произведениях писателей-эмигрантов реалии зарубежной жизни и воспоминания о России неразрывно связаны. Так, в стихотворении «Труженики моря», глядя на средиземное море, омывающее Францию, лирический герой Дон-Аминадо вспоминает другое море – Чёрное – и «милый» Коктебель, и поток ассоциаций всё дальше вовлекает его в воспоминания.

Такой же прием нанизывания ассоциаций и воссоздания в памяти лирического героя образа родины встречаем в поэзии П. Потёмкина. У героя стихотворения «Эйфелева башня» (1926) всего лишь один предмет – кисточка – вызывает целый поток ассоциаций и воспоминаний:

Красит кисточка моя
 Эйфелеву башню.
 Вспомнил что-то нынче я
 Родимую пашню.

[Мы жили ... , кн. 1, с. 198]

Примечательно, что в заглавие вынесена Эйфелева башня, но в стихотворении из 16 строк ей посвящены лишь две строчки, основная же часть произведения – воспоминания о России. Думается, П. Потёмкин осознанно делает на этом акцент, словно подчёркивая, что, сколько бы ни жил человек в изгнании, всё равно родина для него останется важнее всего, и память о ней будет всегда свежа. В данном стихотворении присутствует характерная для эмигрантской поэзии оппозиция родина / чужбина. При этом стоит отметить, что родина ассоциируется у поэта с бескрайними просторами природы (полем, пашней, лесом, речкой), в то время как локус чужбины ограничен урбанистическим видом металлической конструкции – башни. Как отмечает И. Н. Арзамасцева, «рифмуя “башню” с “пашней”, поэт, как и многие другие, пытался сочетать европейские и русские начала культуры,

настоящее и минувшее» [Арзамасцева, 2005, с. 351]. Но такая попытка соединения несочетаемого лишь подчёркивает оторванность эмигрантов от родины и заставляет с грустью констатировать то, что жизнь в изгнании безрадостна. Таким образом, в своём стихотворении П. Потёмкин, как и Дон-Аминадо, после размышлений о родине вновь возвращается в реальность, понимая, что все эти мечты пустые и лишь напрасно берегут память, ведь ими даже не с кем поделиться:

Эх, кому я расскажу

И кому признаюсь.

[Мы жили ... , кн. 1, с. 199]

Со временем в творчестве Дон-Аминадо меняется жёсткое, непримиримое, желчное отношение к прошлому и настоящему эмигрантской интеллигенции. Постепенно интонации в стихотворениях смягчаются. Грусть по-прежнему не покидает героя, но меняется её тональность: это уже не мрачная, беспросветная грусть, а тихое смирение, осознание радости жизни, возможности её продолжения. В стихотворении «Смирение» (1921) основным является мотив приятия жизни:

Если только пожелать,

Можно многое понять.

И понять и претерпеть,

Если только захотеть.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 85]

Но пока это ещё не радостное прославление жизни, а попытка смириться с положением, приспособиться к сложившейся ситуации. В стихотворении звучит мотив обновления, нового взгляда на мир:

Есть такой блаженный час,

Когда видишь в первый раз,

Изумленно и любя,

И другого и себя.

[Там же, с. 86]

В мировоззрении автора происходят перемены. Лирический герой пытается найти себя, определиться. Попытка по-новому увидеть и понять мир, жизнь рождает у героя надежды на будущее.

А над всем и над тобой
 Легкий, пьяный, голубой,
 Золотой, весенний пар,
 Дым, и нежность, и угар.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 86]

Дым, о котором говорит автор – это «легкий, пьяный», окрыляющий пар, за пределами которого лирический герой и пытается увидеть будущее. Примечательно, что автор использует эпитет «весенний» (пар) [Там же, с. 86]. Весна символизирует собой начало новой жизни, возрождение, надежду, радость, будущее. Это не туман забвения, не едкий дым, от которого плачут, а пар, который развеется в преддверии новой жизни.

В стихотворении «Семнадцатое сентября» (1921) лирический герой вспоминает именины (по старому стилю) Веры, Надежды, Любви и Софии. С основным мотивом ностальгии сопрягается вторичный мотив памяти, воспоминаний. В синтаксической структуре этот мотив реализуется в часто повторяющихся вопросительных и вопросительно-восклицательных конструкциях:

Правда, странно? Что за дата? <...>
 Неужели вы забыли?
 Неужели не любили
 Вы на родине своей?!

[Там же, 1994, с. 84–85]

Если раньше родина у лирического героя ассоциировалась, прежде всего, с разрушением, болью и страданием, то теперь на смену этим ассоциациям приходят светлые воспоминания: именно на родине он любил, верил, надеялся. Стихотворение наполнено реалиями московской жизни героя. Используя детали, автор с большой любовью воспроизводит

обстановку, некогда окружавшую героя: «старый домик на Плющихе», «запах роз, и рук, и платья», рояль, зеркала, банты [Дон-Аминадо, 1994, с. 85]. Мотиву ностальгии сопутствует мотив воспоминания. Лирический герой любит своё прошлое, вспоминает о нём с тоской и умилением, он не хочет с ним расставаться. Прошлое он называет «добрыми днями» [Там же, с. 85] и призывает не отказываться от него, а хранить в своём сердце:

Ибо всё, что мы храним,
Только тени восхождений,
Только отблеск сновидений,
Смутный дым и легкий дым.

[Там же, с. 85]

Отдельно необходимо рассмотреть ещё одно произведение, вошедшее в сборник «Дым без отечества». В исследовательской литературе, посвящённой творчеству автора, этот сборник определяется как книга стихов [Русское зарубежье ... , 1997, с. 221; Русская литература ... , т. 1, 2005, с. 645] или сборник стихов [Никоненко, 2004, с. 15; Спиридонова, 1999, с. 255], при этом в стороне остаётся прозаическое произведение «О птицах», открывающее книгу. Весьма затруднительным оказывается его жанровое определение. Рассматривая в контексте всего сборника стихов, его можно отнести к жанру стихотворения в прозе. Но такое определение весьма условно: имея определённое лирическое начало и эмоциональную окраску («Ах, как прошумели, промчались годы! Как быстро промелькнули десятилетия!» [Дон-Аминадо, 2004, с. 139], данное произведение не лишено иронии, что не характерно для стихотворения в прозе. Вместе с тем явно выходит за рамки жанрового определения стихотворения в прозе смешение различных пластов лексики и использование просторечных выражений: «как помешанные, ходили» [Там же, с. 136], «все так и ахнули» [Там же, с. 138], «однако поди ж ты...» [Там же, с. 139] и др.

Одним из популярных жанров среди писателей-сатириконцев был фельетон. Для этого жанра характерна злободневность тематики,

сатирическая заостренность, публицистический характер. Однако если сатира явно представлена в этом произведении, то о его злободневности можно говорить весьма условно: автор рассуждает о причинах всех бед России и, в частности, о том, почему многие представители интеллигенции оказались в эмиграции. Вопрос, безусловно, актуальный, для начала 20-х годов XX века. Но поскольку он так или иначе в разные годы вставал перед разными писателями, злободневным его сложно назвать, скорее его можно отнести к ряду вечных вопросов: «Что делать?» и «Кто виноват?»

Рассматривая особенности жанрово-стилевых поисков писателей-сатириков в прозе, Е. Н. Брызгалова отмечает, что для многих произведений характерно усиление лирического начала, при этом одним из наиболее популярных жанров был рассказ. Сопоставляя многообразие жанровых определений произведений писателей-сатириков (рассказ, новелла, фельетон, миниатюра, зарисовка, очерка), Е. Н. Брызгалова приходит к выводу о том, что наиболее универсальным является определение «рассказ». В данной работе будем придерживаться этой же точки зрения: прозаические произведения малой формы будут определяться как рассказ. Поскольку в прозе сатириков «некомическое начало соединялось с комическим, образуя самые разные единства» [Брызгалова, 2006, с. 90], рассказы, по мнению Е. Н. Брызгаловой, можно разделить на несколько видов в зависимости от преобладания того или иного начала: рассказы-анекдоты, рассказы-зарисовки, рассказы-сравнения, рассказы-рассуждения, рассказы-портреты, рассказы-пародии и т.д.

Рассказ Дон-Аминадо «О птицах» попадает под категорию рассказа-рассуждения. Жанровые особенности рассуждения прослеживаются на композиционном уровне. Произведение имеет чёткую трёхчастную композицию:

- тезис: «Одно в этом мире для меня несомненно: погубили нас — птицы» [Дон-Аминадо, 2004, с. 137];

- доказательства: автор вспоминает литературные произведения, наполненные гражданско-политическим пафосом, в которых ключевыми являлись образы птиц: «Буревестники. Чайки. Соколы и вороны. Петухи, поющие перед зарёй. Несуществующие, самым бесстыдным образом выдуманные альбатросы» [Дон-Аминадо, 2004, с. 137];

- вывод: «Дорогой ценой заплатили мы за диких уток, за синих птиц и за орлов, и за кречетов, и за соколов, и за воронов, и за белых чаек, а наипаче, за буревестников» [Там же, с. 139].

В чём же заключается губительная роль птиц и почему они заслужили столь пристальное внимание автора? Перечисляя множество знаковых литературных образов, Дон-Аминадо особенно подробно останавливается на образах орла, буревестника и чайки.

Первым доказательством к тезису Дон-Аминадо («погубили нас – птицы») становится подробное описание образа орла, который так часто использовался в русской литературе различных эпох. В стихотворениях многих поэтов используется образ орла, в частности у Г. Р. Державина («Заздравный орёл», 1802 [Державин, 1982, с. 142]), А. С. Пушкина («Узник», 1822; «Поэт», 1827 [Пушкин, т. 1, с. 288, 402]), А. С. Хомякова («Орёл», 1832; «Жаворонок, орёл и поэт», 1833 [Хомяков, т. 4, 1900, с. 206, 211]), Н. С. Гумилёва («Орёл», 1909 [Гумилёв, 1988, с. 131]), В. Я. Брюсова («Орёл двуглавый», 1914 [Брюсов, т. 1, 1987, с. 352]) и т.д.

В указанных стихотворениях орел символизирует власть, свободу, силу, стремление к победам и высоким достижениям, а также олицетворяет собой творческий «полёт». Такое восприятие данного образа характерно не только для литературы, но и для всей мировой культуры в целом. Обратившись к Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, найдем следующее толкование образа: «Орёл (симв.) – издавна признавался признаком силы и власти. Уже Дарий употреблял изображение золотого орла на вершинах персидских знамён» [Брокгауз, Ефрон, т. XXII, 1897, с.127]. В

Словаре сюжетов и символов в искусстве Джеймса Холла отмечается, что «орёл был древним символом силы и победы» [Холл, 1996, с. 406].

В рассказе-рассуждении Дон-Аминадо «О птицах» создан собирательный образ орла, олицетворяющего гордого и непримиримого борца за свободу и правду. На собирательность данного образа указывает не только объединение цитат из разных произведений («Узник» Пушкина, похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», «Песня о Соколе» М. Горького), но и использование лексемы «орёл» преимущественно во множественном числе: «от орлов, как помешанные, ходили», «обитали орлы преимущественно на скалах», «история с орлами продолжалась долго» [Дон-Аминадо, 2004, с. 137–138], – в то время как о буревице, вороне и чайке автор говорит в единственном числе.

Для творчества Дон-Аминадо характерна интертекстуальность (как поэзии, так и прозы). Рассказ «О птицах» является ярким примером использования «чужого слова». Описывая царственных и непримиримых горных орлов, Дон-Аминадо использует цитату из стихотворения «Узник» А. С. Пушкина («Сижу за решеткой, в темнице сырой...», [Там же, с. 137]) и первую строку похоронного марша, который был популярен среди рабочих в 1870-е годы: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» [Там же, с. 137]. Цитаты из данных произведений настраивают читателя на серьёзное восприятие текста, на мысли о призыве к свободе и о трагизме борьбы за неё. Однако, используя «чужое слово» в противоположном по настроению контексте, Дон-Аминадо создаёт ироничную картину.

Так, словно в ответ на страстный пушкинский призыв («Давай улетим! // Мы вольные птицы; пора, брат, пора!» [Пушкин, т. 1, 1985, с. 288]), спокойно и размеренно звучат строки Дон-Аминадо: «Обнажили головы, тряхнули шевелюрами и потянулись к решётке: стройными колоннами, сомкнутыми рядами и всем обществом попечения о народной трезвости» [Дон-Аминадо, 2004, с. 137]. Вместо ожидаемой эмоциональной реакции на призывные восклицания Пушкина у Дон-Аминадо встречаем практически

равнодушные толпы, которое подчеркнуто, прежде всего, на лексическом уровне. Вполне уместными после призыва к свободе являются такие глаголы, как ринуться, стремиться, рвануть и т.п., имеющие общую архисему «стремительного движения». Но Дон-Аминадо использует противоположный по смыслу глагол – «потянулись», т.е. медленно двигались. Единственным словом, указывающим на движение в порыве, является глагол «тряхнули», но и его Дон-Аминадо использует с иронией: «тряхнули шевелюрами» – это единственное действие, совершённое в порыве борьбы за свободу.

Строки известного похоронного марша рабочих Дон-Аминадо тоже использует в весьма непривычном контексте, намекая на то, что слова из этого марша пелись и к месту, и не к месту: «Впрочем, и время было такое, что ежели, скажем, гимназист четвертого класса от скарлатины умирал, то вся гимназия пела:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...» [Дон-Аминадо, 2004, с. 137]

Таким образом, использование привычных цитат в непривычном контексте обманывает ожидание читателя, создаёт комический эффект и «становится источником нового типа художественного воздействия на читателя» [Лотман, 1996, с. 110].

Примечательно, что, используя в рассказе-рассуждении «чужое слово», Дон-Аминадо иногда прибегает к неточному цитированию. Так, например, автор искажает одну из строк «Узника»: «Вскормленный на воле орёл молодой...» [Дон-Аминадо, 2004, с. 137] (у Пушкина – «вскормленный в неволе» [Пушкин, т. 1, 1985, с. 288]). Продолжая рассуждение о птицах, Дон-Аминадо обращается ещё к одному известному пернатому персонажу русской литературы – буревестнику – и снова использует неточное цитирование: «...явился самый главный – с косым воротом и безумством храбрых. / Откашлялся нижегородским баском и гаркнул: / Над седой равниной моря... / Гордо реет буревестник...» [Дон-Аминадо, 2004, с. 138]. Дон-Аминадо в одном описании соединяет цитаты из разных произведений

Горького: «Песни о Соколе» («безумство храбрых») и «Песни о буреви́стнике» («гордо реет буреви́стник»).

Искажённое цитирование, неоднократно встречающееся в рамках одного текста, не представляется случайным. Дон-Аминадо намеренно изменяет известные цитаты, чтобы показать таким образом, какая путаница происходила в головах людей и насколько искажённо воспринимались возвышенные поэтические призывы к борьбе и свободе. Именно в этих страстных призывах и бездумном следовании им Дон-Аминадо и видит губительную роль.

Последним доказательством в рассуждении автора становится тоже весьма известный «персонаж», а именно чайка, которая «сделала совершенно головокружительную карьеру» [Дон-Аминадо, 2004, с. 139]. И вновь в одном контексте Дон-Аминадо соединяет цитаты из разных произведений: пьесы А. П. Чехова «Чайка» и стихотворения Е. А. Буланиной «Под впечатлением “Чайки” Чехова». В данном случае объединение цитат создаёт не только комический эффект, но и подчеркивает одну из главных мыслей автора – всеобщую подверженность влияниям литературных призывов: «Потом взяли и выдумали, что Комиссаржевская – чайка, и Гиппиус – чайка, и чуть ли не Максим Ковалевский – тоже чайка» [Там же, с. 139].

Подводя итог в своём рассуждении, Дон-Аминадо делает весьма неутешительный вывод: «Дорогой ценой заплатили мы за диких уток, за синих птиц и за орлов, и за кречетов, и за соколов, и за воронов, и за белых чаек, а наипаче, за буреви́стников» [Там же, с. 139]. В 1920–30-е годы эмигрировавшая русская интеллигенция «целенаправленно пыталась определить квинтэссенцию русской культуры для того, чтобы понять причины происшедшего» [Хачатурян, 1994, с. 88], найти истоки революции. В частности, Дон-Аминадо приходит к мысли о том, что истоки, ответственность за революцию 1917 года и её последствия лежит на совести русской интеллигенции. К этой мысли приходили многие современники автора, в частности весной 1918 года великий русский учёный, лауреат

Нобелевской премии академик И. П. Павлов выступил в Петрограде с двумя публичными лекциями «Об уме вообще и русском в частности», в которых заявил: «Мне кажется, что то, что произошло сейчас в России есть безусловно дело интеллигентного ума, массы же сыграли совершенно пассивную роль, они восприняли то движение, по которому их направляла интеллигенция» [Павлов, 1991, с. 7].

Дон-Аминадо заканчивает своё рассуждение искажённой цитатой из собственного стихотворения «Причина всех причин»:

Был мужик, а мы – о грации.
 Был навоз, а мы – в тимпан!
 Так от мелодекламации
 Погибают даже нации,
 Как бурьян.

[Дон-Аминадо, 2004, с. 139]

Таким образом, Дон-Аминадо не отделяет себя от либеральных интеллигентов, и в его рассуждении звучит горькая усмешка и над ними, и над самим собой. Думается, что собирательный образ птиц в рассказе-рассуждении символизирует призыв к борьбе и свободе, который и оказался губительным для России, именно поэтому Дон-Аминадо и пишет о том, что «погубили нас – птицы» [Там же, с. 137].

Рассказ-рассуждение «О птицах» важен не только в понимании авторской оценки причин революции и ответственности за её последствия, но и в целостном восприятии сборника Дон-Аминадо «Дым без отечества», который разделён автором на две части: «К звёздам! И обратно» и «Бескрылые дни» [см. Дон-Аминадо, 1921]. Рассказ-рассуждение входит в первую часть сборника: самое первое произведение, вошедшее в книгу, задаёт тон восприятия последующих стихотворений и вводит важные мотивы, которые получают дальнейшее развитие в поэзии сборника: мотив окрыленности и воодушевления и противоположные им мотивы разочарования и разрушения. В этом смысле рассказ «О птицах» можно

воспринимать как своеобразное предисловие, которое помогает лучше понять все вошедшие в сборник стихотворения и композиционную логику книги в целом.

Первая часть сборника «К звёздам! И обратно» объединяет стихотворения, в которых основными стали мотивы разрушения, страданий растерзанного отечества, безверия («У врат царства», «Свершители», «После всего», «Очень просто» и др.). Автор подводит читателя к мысли о том, что воодушевленные призывы к борьбе и свободе привели в итоге к страданиям и разрушениям, которые отрезвляюще возвращают «с небес на землю». Во второй части «Бескрылые дни» Дон-Аминадо объединил стихотворения, посвящённые жизни в эмиграции, в них основными являются мотивы ностальгии, воспоминаний и смирения («Париж», «Непобедимое», «Труженики моря», «Смирение» и др.). Таким образом, жизнь без родного Отечества, наполненная лишь ностальгическими воспоминаниями о нём, воспринимается автором как грустные «бескрылые дни».

Рассказ-рассуждение «О птицах» помогает и глубже осмыслить название сборника «Дым без отечества». С одной стороны, «дым без отечества» – это дым гражданской войны, который объял всю страну, живущую, словно в угаре от этого дыма. И дым этот мучает и заставляет страдать лирического героя, находящегося далеко от своей родины. С другой стороны, «дым без отечества» – это «смутный» и «лёгкий» («Семнадцатое сентября») дым воспоминаний. Но в любом случае, этот дым оказывается горьким и едким, особенно потому, что автор, как представитель интеллигенции, чувствует на себе всю меру ответственности за произошедшее с Россией.

Чувства Дон-Аминадо разделяли многие его современники, о чем находим свидетельства в их творчестве. Так, например, в сборнике стихов Саши Чёрного «Жажда» (1923) тоже очень часто звучат мотивы ностальгии и памяти. Эта книга, «целиком построенная на мотивах и образах ушедшего прошлого, свидетельствовала о неприятии им эмигрантской жизни»

[Соколов, 1991, с. 148]. Сборник состоит из нескольких разделов, два из которых – «Чужое солнце» и «Русская Помпея» – непосредственно акцентируют внимание на воспоминаниях о России. Примечательно, что, как и у Дон-Аминадо, у С. Чёрного в заглавии заключительного раздела книги («Русская Помпея») звучит мотив уничтожения и гибели. Если у Дон-Аминадо подразумевается дым пепелища гражданской войны, то у Саши Чёрного – полный крах и гибель родины (Россия стала жертвой враждебных сил, как когда Помпея исчезла с лица земли из-за вулкана). Вспоминая Россию и рисуя картины прошлой жизни в своих стихах, поэт пытается «воссоздать потерянный и, увы, невозвратимый рай, каким теперь ему виделась прежняя жизнь» [Иванов, 1996, с. 12].

Первой книгой Петра Потёмкина, вышедшей в эмиграции, стал сборник «Отцветшая герань. То, чего не будет» (1923). Такое название сборника ярко отражает авторскую позицию: поэт не строит призрачных надежд вернуться на родину и понимает, что Россия уже никогда не будет прежней. «Полное беспросветное одиночество на чужбине – вот лейтмотив стихов поэта, написанных в эмиграции» [Поэты «Сатирикона», 1966, с. 53]. В стихотворениях сборника часто звучат мотивы памяти, ностальгии, безысходности.

Несмотря на близость мотивов в творчестве авторов и похожее восприятие эмигрантской и российской действительности 20-х гг. XX века, творчество Дон-Аминадо отличает от других поэтов стремление не просто констатировать факт печальной жизни в изгнании, но отыскать причины сложившейся ситуации и попробовать найти в себе силы жить дальше. Эта тенденция к стремлению прославить жизнь, какой бы она ни была, будет развиваться в более зрелом эмигрантском творчестве поэта.

Эволюция миропонимания и мировосприятия автора проявляется в смене мотивов. Если в стихотворениях 1920 г. преобладает мотив разрушения, боли, страданий, то в 1921 г. – мотив ностальгии и воспоминания. Общий характер произведений 1920 г. можно обозначить как

иронический, сатирический, (многие стихотворения злободневны по тематике, насыщены реалиями современной автору жизни) а в стихотворениях 1921 г. он преимущественно лирический (стихотворения, как правило, изобилуют воспоминаниями, от настоящего автор уходит в прошлое). Меняется также и настроение лирического героя, его отношение к миру. В стихотворениях 1920 г. это озлобленность, обида, ужас, критика страшной действительности. Позднее приходит настроение ностальгии, грусти, влюблённости в прошлое.

2.2. Смена мотива ностальгии мотивами примирения и прославления жизни

В творчестве Дон-Аминадо одним из центральных является сборник стихотворений «Накинув плащ» (1928). Это вторая книга стихов, вышедшая в эмиграции. В ней автор продолжает развивать мотивы, характерные для его прежнего творчества («Дым без отечества», 1921), но в целом стихотворения приобретают большую лиричность, едкий сарказм сменяется лиричной иронией. В сборник «Накинув плащ» вошли стихотворения, написанные в 1926, 1927, 1928 гг. Основным мотивом в нём является мотив ностальгии, эмиграции. На примере нескольких стихотворений рассмотрим, какие мотивы оказываются вторичными, как происходит связывание и нанизывание мотивов.

В стихотворении «Татьянин день» (1926) доминируют мотивы ностальгии и воспоминания, которые вводятся в произведение путём отчетливого выделения деталей:

В кругу содвинутых бутылок
Наш глупый спор, российский спор,
Его поток и милый вздор,
Фуражки, сбитой на затылок,

Академический задор...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 104]

Новые мотивы нанизываются на основной как поток ассоциаций, воспоминаний в порядке перечисления: воспоминание, молодость, утраченный и оставшийся навсегда в прошлом дом, старость. Символом утраченного дома выступает Москва. Автор часто упоминает московские реалии: «арбатские голуби», «парк Петровский», «Патриарший пруд», «московский ипподром» [Там же, с. 104], даже снег приобретает эпитет «московский», что подчёркивает особую важность Москвы как дома для лирического героя.

Мотивы в стихотворении связываются способом лексического параллелизма: анафора «ты помнишь» повторяется четыре раза. При этом в развитии основного мотива используется характерная трёхчастная композиция стихотворения: заданная в начале тема воспоминания получает свое развитие путем нанизывания боковых мотивов, третья композиционная часть представляет собой эмоциональное заключение: «коли не жить, так вспоминать» [Там же, с. 104]. Последняя строка стихотворения повторяет ту же тему, которая дана в начале (воспоминание), но она приобретает уже новые смыслы и ассоциации боковых мотивов. Автор использует кольцевое построение стихотворения, о котором Б. В. Томашевский пишет: «Возвращение к исходному мотиву происходит после того, как мотив этот получил развитие внутри стихотворения. Поэтому его значение в конце обогащается ассоциациями, данными в самом стихотворении, и возвращающаяся словесная формула звучит по-новому» [Томашевский, 1996, с. 238].

Таким образом, «настоящее» в финале стихотворения включает в себя и утраченное прошлое, молодость, и грядущую старость. Автор подчёркивает взаимосвязь этих этапов жизни сравнениями и противопоставлением:

...А парк Петровский
Сегодня тот же, что вчера.

Хрустит, как прежде, снег московский
 У Патриаршего пруда.
 И только старость из тумана
 За нами крадется, как тать.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 104]

В стихотворениях многих поэтов-эмигрантов мотивы воспоминания и ностальгии являются ведущими. Воссоздавая в своих произведениях образ России, поэты стараются его идеализировать; таким образом, на фоне эмигрантской жизни прошлая жизнь становится ещё более дорогой и милой, ещё острее ощущается боль от её утраты. В поэзии Дон-Аминадо символом родины становится Москва. Как уже было отмечено, московские реалии, детали жизни, воспроизводимые в памяти лирического героя, помогают нарисовать идеальную картину прошлой жизни. В эмигрантских стихотворениях Дон-Аминадо часто мелькают названия и других русских городов, таких как Елец [Там же, с. 111], Торжок [Там же, с. 135], Курск, Тула [Там же, с. 84] и др. Как отмечает Е. Н. Брызгалова, «названия русских городов – это следы прошедшей жизни, которая уже не вернётся» [Брызгалова, 2010, с. 38].

Аналогичную тенденцию находим в творчестве Саши Чёрного. Особое место в его эмигрантской поэзии занимает образ Петербурга. Этот город становится символом России, символом счастливой жизни, безвозвратно утраченного прошлого. В Стихотворении «Невский» (1922) поэт создает поразительный образ Петербурга, примечательно, что при этом он не описывает пышных красот города, его уникальной архитектуры и памятников. Саша Черный использует эпитеты, которые помогают создать именно образ родного, милого сердцу города, который привлекает не столько своим величием, сколько своим родством. На всё, что окружает лирического героя в Петербурге, он смотрит с любовью и особым трепетом: весенний день в городе – «отрада взору» героя, он любит цветником, который

«цветёт и дышит перед входом», и даже «рѣв полдневной пушки» [Чёрный, т. 2, 1996, с. 96] кажется ему весёлым.

Воспоминания о родине наполняют сердце лирического героя особым трепетом, и ему не хочется расставаться с Петербургом: в своей памяти он не спеша идет по главному проспекту города, наслаждаясь каждым шагом и любуясь каждой деталью. Неспешность любования городом подчеркнута на лексическом и пунктуационном уровнях стихотворения. Поэт использует слова, имеющие общую сему «неторопливость»: «ленивый чад», «рыщешь-свищешь», «плывешь», «идешь-плывешь», «протяжно цокают копыта» [Там же, с. 96–97] и т.д. Неторопливо и само повествование в произведении: автор часто использует знаки тире и многоточия (пять и семь раз соответственно), словно замедляя с помощью этих пауз темп прогулки по любимому городу и продлевая наслаждение любованием его пейзажами.

Поэт Н. Я. Агнивцев, печатавшийся в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе», эмигрировал из России в 1921 г. В эмиграции он пробыл недолго и в 1923 г. вернулся на родину. Однако за столь небольшой период жизни в эмиграции поэт создал сборник стихов, вышедший в 1923 г. в Берлине под названием «Блистательный Санкт-Петербург». Как несложно понять из названия книги, она посвящена Петербургу, поэт воспекает его красоту и изящество, тоскуя по нему, ведь именно этот город для него ассоциируется с родиной.

Сборник «Блистательный Санкт-Петербург» открывает одноименное стихотворение, его можно трактовать как своеобразный эпиграф к книге, который гласит:

И вот «на ты» я с целым миром!
И, оглядевши все вокруг,
Пишу расплавленным Ампиром
На диске солнца: «Петербург».

[Агнивцев, 1989, с. 7]

Поэт таким образом провозглашает неоспоримое величие Петербурга перед всеми красотами мира, воспекает его красоту и заявляет о своей безграничной любви к родному городу. Стихотворения сборника насыщены реалиями петербургской жизни, характерными деталями, пожалуй, нет таких достопримечательностей, о которых бы не вспомнил поэт в эмиграции. В стихах Агнивцева находим Летний сад, Невский проспект, Петропавловскую крепость, дворцы, памятники Петру I, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову и т.д. Если любовь Саши Чёрного и Дон-Аминадо наполнена трепетом и грустью, то у Агнивцева это пылкая и страстная любовь, в его стихотворениях изобилуют восклицательные конструкции, выражающие восторг и безграничную любовь к Петербургу:

Ты всех прекрасней – несравнимый
Блистательный Санкт-Петербург! («Странный город»)

[Агнивцев, 1989, с. 13]

Ах, Петербург, красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парашета над Невой!.. («Санкт-Петербург»)

[Там же, с. 16]

Как отметил В. Д. Фёдоров, «Агнивцев относился к Петербургу как к любимой женщине. Он не просто любил, – он поклонялся, боготворил, жил и дышал этим городом, всем, что было как-то связано с ним» [Фёдоров, 1989, с. 63].

Мотив памяти тесно сопряжен в творчестве поэтов-эмигрантов с идеализацией прошлых лет. Эту особенность верно подметила А. А. Ахматова: «вы заметили, что с ними со всеми происходит в эмиграции? Пока Саша Чёрный жил в Петербурге, хуже города и на свете не было. Пошлость, мещанство, смрад. Он уехал. И оказалось, что Петербург – это рай. Нет ни Парижа, ни Средиземного моря – один Петербург прекрасен» [Тименчик, Хазан, 2006, с. 30]. Эти слова характеризуют не только

особенность творчества С. Чёрного, их можно спроецировать и на произведения других поэтов. Так, например, в дореволюционной поэзии Дон-Аминадо образ родины не только не воспевается, он практически не представлен, даже в патриотической лирике военных лет (сборник «Песни войны»).

В стихотворении Дон-Аминадо «Монолог» (1926) звучит мотив утраченной и пропавшей молодости, которую нельзя вернуть и которая прошла напрасно, «погибла»:

Зажглась наша молодость
Свечой яркого воска,
А пропала наша молодость,
Погибла, как папироска...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 106]

Лирический герой смотрит из настоящего в прошлое и оценивает свою молодость. К основному мотиву ушедшей юности присоединяется мотив не сожаления и печали, но осуждения:

Развеялся во все стороны
Наш прах неизбежно.
Не клюют его даже вороны,
Потому что им противно.

[Там же, с. 106]

Юношеские идеалы и стремления теперь воспринимаются лирическим героем по-другому: наступает разочарование, герой с иронией вспоминает своё прошлое.

Упомянутые московские реалии, символизирующие дом, характерны в основном для стихотворений 1926 г. В стихотворениях этого периода в творчестве Дон-Аминадо основным становится мотив дома. Причем дом подразумевается не абстрактный, а конкретизированный, детализированный. Дом – это Москва.

В некоторых стихотворениях мотив дома расширяется от пределов Москвы до всей России, такое широкое понимание родины будет развиваться впоследствии в стихотворениях 1927 г.

В стихотворении «Бабье лето» (1926) основным является мотив ностальгии. Бабье лето в сознании лирического героя ассоциируется с родиной, Россией. Понятие родины предельно расширено: от узких рамок Москвы до всей необъятной России. Такого лета, как в России, нет нигде. В эмиграции герой особо остро ощущает любовь к родине:

Нет даже слова такого
 В толстых чужих словарях.
 Август. Ущерб. Увяданье.
 Милый, единственный прах.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 111]

К основному мотиву ностальгии присоединяется вторичный мотив эмиграции. Лирический герой осознает безысходность ситуации, невозможность попасть на родину:

Эх, если б узкоколейка
 Шла из Парижа в Елец.

[Там же, с. 111]

Как отмечает В. И. Коровин, «вызывая в душе читателей образ России, Дон-Аминадо, с одной стороны, как бы сберегал для них прошлое, которое всех воспитало и взрастило, а с другой – скорбел вместе с ними о том, что оно кануло безвозвратно» [Коровин, 1994, с. 34].

Грустью и скорбью пронизано стихотворение «Без заглавия» (1926). Мотив ностальгии в нём является основным, ему сопутствуют вторичные мотивы воспоминания, приближающейся старости, приятя жизни. Стихотворение начинается строкой: «Я люблю осенний дождь...» [Дон-Аминадо, 1994, с. 98]. Лирический герой под звуки дождя с тихой грустью вспоминает «юность туманную». Но постепенно тихая грусть сменяется

просветленной радостью, вызванной осознанием того, что жизнь несмотря ни на что прекрасна:

Я люблю, когда земля
 Пахнет влагой дождевою. <...>
 Нет! Люблю осенний дождь,
 Уж за то, что он осенний.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 99]

От грусти лирический герой приходит к совершенно противоположному чувству – радости. Эта антитеза заявлена в названии стихотворения. Автор назвал его «Без заглавия», что уже содержит в себе противоречие, ведь заглавие у него всё-таки есть. Такое противоречивое название акцентирует внимание читателя на том, что жизнь сама по себе сложна и может вызывать разные чувства и эмоции. И однозначное восприятие жизненных явлений (даже если это всего лишь осенний дождь) невозможно. Таким образом, в качестве бокового можно выделить мотив перемен, изменений в жизни.

В стихотворениях 1927 г. мотив дома эволюционирует в мотив бездомности и странничества, при этом дом предстает уже не конкретным, а неким абстрактным понятием, символизирующим собой прочность бытия и самоутверждение личности. «Дом является важным пространственным мотивом <...>, в доме «человек чувствует себя хорошо, уютно, счастливо» [Доманский, 2001, с. 37–38], соответственно отсутствие дома и мотив бездомности символизируют бесприютность и несчастье лирического героя.

В стихотворении «Сентиментальная записка» (1927) по-прежнему звучит мотив воспоминания и ностальгии («Садись и давай вспоминать, перелистывать / Знакомую повесть главу за главой», [Дон-Аминадо, 1994, с. 95]), но он уже уходит на второй план и становится не основным, а вторичным. Основной мотив – мотив старости (ранее по преимуществу боковой). Символом старости выступает образ осени:

Шуми, моя осень, заветными шумами,

Холодные слёзы на землю пролей,
И грустно отсчитывай капельки малые
Над бедной, над временной кровлей моей.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 94–95]

Нанизывается мотив грусти, уныния. Осенний дождь символизирует поздние слёзы, которые проливает лирический герой, вспоминая «знакомую повесть» своей жизни.

В стихотворении нет никаких образов и реалий, обозначающих собой дом, но есть одна строка, указывающая на то, что у лирического героя нет постоянного дома, он странник в этой жизни: «над бедной, над временной кровлей» [Там же, с. 95]. Так, мотив утраченного дома эволюционирует в мотив странничества и бесприютности.

В этом стихотворении мотивы связываются с помощью лексического параллелизма. Звучит повтор «шуми, моя осень».

Среди побочных мотивов оказывается мотив примирения с жизнью, смирения перед судьбой. Лирический герой готов принять всё, что ему уготовано, и не пытается жить прошлым, поэтому мотив воспоминания и ностальгии утрачивает свое основное, стержневое значение:

Ты видишь, покорно, смирясь и не жалуясь,
О прежнем, прошедшем, почти не скорбя,
Стою на пороге и жду, и с улыбкою,
Как добрый хозяин встречаю тебя.

[Там же, с. 95]

Примечательно то, что лирический герой не называет себя «добрым хозяином», а лишь сравнивает себя с ним («как добрый хозяин»). Это ещё раз свидетельствует о том, что он не ощущает себя хозяином своей жизни и является странником, который не может быть хозяином уже потому, что у него нет и собственного дома, постоянного тихого пристанища.

Мотив бесприютности, бездомности является весьма типичным для творчества поэтов-эмигрантов. Понятие дома напрямую сопряжено с

родиной, которая безвозвратно утрачена. Жизнь в эмиграции – это временное пристанище, которое по воле судьбы становится постоянным. Таким образом, дом оказывается навсегда потерян, вернуться в него можно лишь в воспоминаниях: «На миг забыть – и вновь ты дома» [Чёрный, т. 2, 1996, с. 63]. Дом у С. Чёрного ассоциируется с прошлым, практически можно поставить знак равенства между понятиями «дом» и «родина». Для поэта дом – это «тучные скирды», бор, болотце, сады, «дремлющая опушка», – всё то, что неразрывно связано с родиной, любимыми сердцу пейзажами.

Но весьма сурово и отрезвляюще звучат последние строки стихотворения «На миг забыть – и вновь ты дома»:

Очнись. Нет дома – ты один <...>
И месяц, строгий и чужой,
Встаёт над дальнею межой...

[Там же, с. 63–64]

Для лирического героя Георгия Иванова жизнь в эмиграции представляется угрюмой и беспросветной. Его дом навсегда остался в России. Как отметил В. С. Баевский, Г. В. Иванов, в сравнении с другими поэтами-эмигрантами, «с наибольшей силой выразил настроение обречённости» [Баевский, 1996, с. 215]. Возвращение на родину и возможность хоть на миг очутиться в родном доме кажутся ему настолько нереальными, что нет смысла даже мечтать об этом:

Но что мне просить у Бога –
И бессмыслица и грех. («Я хотел бы улыбнуться»)

[Иванов, т. 1, 1993, с. 388]

Несмотря на то, что желания лирического героя не представляют собой ничего необычного или чрезмерно недостижимого («то, что есть почти у всех» [Там же, с. 388]), они кажутся ему недостижимыми. Думается, это связано с тем, что дом и родина навсегда утрачены для поэта, а Россия уже никогда не будет прежней. Осознавая это, Г. В. Иванов не строит иллюзий и даже мечты о доме оказываются робкими и несмелыми.

К мотиву бездомности в стихотворениях Г. В. Иванова присоединяется мотив усталости от скитаний, от бесприютности. Дом ассоциируется у лирического героя не только с родиной, но и с отдыхом, прежде всего, духовным. Жизнь в эмиграции оказывается настолько тяжелой, именно с духовной точки зрения, что герой начинает забывать о том, что такое искренняя радость и улыбка: «Я хотел бы улыбнуться, / Отдохнуть, домой вернуться...» [Иванов, т. 1, 1993, с. 388].

У Дон-Аминадо мысли о родине, о прежнем доме исполнены теплоты и любви, тон стихотворений преимущественно грустный, но это светлая грусть. В то время как в поэзии Г. В. Иванова мысли о доме, воспоминания о родине, как правило, представлены в мрачном свете. Лирический герой постоянно осознанно обрывает свои воспоминания, напоминая сам себе о том, что родина потеряна безвозвратно: «Никогда не вернемся домой» [Там же, с. 336] («Потеряв даже в прошлое веру...»).

Г. Иванов ощущает себя в этом мире не просто бездомным, но можно сказать даже – потерянным. Настоящее для него безрадостно, беспросветно и угрюмо, будущее – бессмысленно, и даже прошлое не согревает душе, потому что он потерял в него веру:

Потеряв даже в прошлое веру,
 Став ни это, мой друг, ни то, –
 Уплываем теперь на Цитеру
 В синеватом сияньи Ватто...

[Там же, с. 336]

Так, к мотиву бездомности присоединяется мотив неопределенности. Эмигранты настолько неуверенно ощущали себя в современном им мире, чувствовали свою оторванность от родины и ненужность в Европе, что постоянно возникали вопросы: кто такой эмигрант и как ему жить в этом мире.

Дон-Аминадо «покорно, смирясь и не жалуясь» [Дон-Аминадо, 1994, с. 95] принимает жизнь, понимая свое бесприютное положение эмигранта. Он

сделал для себя главный вывод: жизнь, несмотря ни на что, продолжается, поэтому нужно отыскать в себе силы не только жить дальше, но и найти какие-то радости в повседневном быту.

Но всё же вопрос «кто такие эмигранты?» вставал в творчестве многих писателей. Как было отмечено выше, Г. В. Иванов воспринимает себя и всю эмиграцию как «ни это <...> и ни то» [Иванов, т. 1, 1993, с. 336]. В стихотворении «Голос обывателя» (1923) Саша Чёрный тоже задавался вопросом о том, что же такое эмиграция:

Особая ли нация?

Отбор ли лучших людей?

Или каждый эмигрант – злодей?

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 132]

Ответов на этот вопрос может быть очень много: «Спорящих было двенадцать, / Точек зрения – двадцать» [Там же, с. 132]. Безусловно, эти споры могут быть бесконечными, но С. Чёрный приходит к одному существенному выводу. По сути, не так уж и важно, кто такие эмигранты, какими их видят остальные люди и как к ним относятся. Важно то, что жизнь в эмиграции всем дается с трудом и больше похожа на существование:

Но судить нам друг друга нелепо,

И так живется, как в склепе...

[Там же, с. 133]

Весьма интересное и необычное развитие мотивы бездомности и неопределенности получают в лирике В. Ф. Ходасевича. Поэт находит единый метафоричный образ, который соединяет в себе и тему бездомности, бесприютности и ответ на вопрос, кто же такой эмигрант. Этим образом становится слепец. Стихотворение «Слепой» (1922–1923) состоит всего из девяти строк, но в них создан собирательный образ эмигранта и звучат основные мотивы, характерные для творчества многих поэтов-современников В. Ф. Ходасевича.

В первых строках стихотворения мотивы странничества и неприютности заявлены как основные: «Палкой щупая дорогу, / Бродит наугад слепой» [Ходасевич, т. 1, 1996, с. 251]. Жизнь эмигранта представляется Ходасевичу блужданием наугад. При этом эмигрант, как слепой, не видит вокруг ничего, современная жизнь и окружающие его реалии остаются незамеченными. Его сознание полностью погружено в воспоминания о прошлом. Так, поэт вводит в стихотворение мотив воспоминания и тему родины:

А на бельмах у слепого
 Целый мир отображен:
 Дом, лужок, забор, корова,
 Ключья неба голубого –
 Всё, чего не видит он.

[Там же, с. 251]

Образ дома неразрывно связан с картинами родной природы, впрочем, это весьма типичный ассоциативный ряд (у Дон-Аминадо: «запахи пыльной травы», «небо густой синевы», «сад с прудом» [Дон-Аминадо, 1994, с. 111]; у С. Чёрного: «дальние пруды», «плеск речонки» [Чёрный, т. 2, 1996, с. 63] и т.д.).

Жизнь всех эмигрантов разделилась на «до» и «после», на «здесь» и «там». «Здесь», в эмиграции, они ощущают себя неприютными странниками, «там», на родине, навсегда остались в прошлом дом, счастье, вера в лучшее. А между этими «здесь» и «там» целая пропасть. К. Д. Бальмонт в своём стихотворении «Здесь и там», которое входит в состав поэмы о России «В раздвинутой дали», как нельзя лучше выразил этот разрыв, который разделил жизнь многих русских людей на две части. Стихотворение построено на антитезе, поэт постоянно противопоставляет Париж и Россию. Париж ассоциируется у лирического героя с гулом, вихрем и рокотом, которые наполняют жизнь беспокойством и суетой. Родина же

предстаёт как безмятежное «безбрежное поле, бездонная тишь» [Бальмонт, т. 4, 2010, с. 42].

Лирический герой понимает, что безмятежное счастье на родине утрачено безвозвратно, но в своих мечтах он всё равно возвращается к ней и, ощущая свою бесприютность в этом мире, просит Бога лишь об одном:

Молю Тебя, Вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мёртвым в желаемом там.

[Там же, с. 43]

Таким образом, для творчества многих поэтов-эмигрантов наряду с мотивами дома, воспоминаний и ностальгии становятся основными мотивы бездомности, странничества, бесприютности и неопределенности. Несмотря на то, что в творчестве разных поэтов эти мотивы имеют свои особенности развития, объединяет их то, что они всегда неразрывно связаны с темой родины. Стихотворения же Дон-Аминадо от лирики его современников отличает то, что именно в его творчестве появляется мотив приятия жизни, смирения, который позднее получит своё развитие и эволюционирует в мотив прославления жизни.

Образ родины в стихотворениях Дон-Аминадо всегда ассоциативен: «достаточно сознанию зацепиться за что-то знакомое, как тут же выстраивается целая цепочка видений, иногда удалённых от первоначального» [Брызгалова, 2006, с. 66]. В стихотворении «Голубые поезда» (1927) такой деталью, за которую «цепляется» сознание лирического героя, являются поезда. В этом стихотворении мотив ностальгии взаимосвязан с мотивом дороги:

Ах, шестое это чувство,
Чувство рельс, колёс, пространства,
То, что принято у русских
Называть манящей далью...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 120]

Примечательно то, что чувство дороги, «манящей дали» ассоциируется у героя именно с русским восприятием жизни. Нейтральная деталь парижской жизни вызывает целый поток ассоциаций. Мотив ностальгии обретает особое звучание, наполненное трагизмом: тоска по родине настолько сильна, что даже абсолютно чужие, неродные предметы вызывают воспоминания о России. Глядя на французские поезда, герой мысленно представляет себе российские дороги и города.

В стихотворении «Города и годы» (1927) ассоциацию с родиной вызывает запах снега, основным является мотив воспоминания. Но в данном произведении это воспоминание приобретает некую особенность: лирический герой вспоминает то, что никак не может вспомнить.

Но один есть в мире запах
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 90]

Вторичный мотив ностальгии интересен тем, что лирический герой пытается воссоздать в своём сознании образ родины на основе русских, родных запахов. Каждый город: Лондон, Неаполь, Гамбург, Севилья, Париж – имеет свой запах, который легко представляется героем. Эти запахи легко описать, их можно почувствовать, лишь подумав о них. Но «русский запах снега» не удастся вспомнить:

Лишь его не может вспомнить
Сердце, помнящее много. [Там же, с. 90]

Таким образом, подчеркивается трагическая оторванность лирического героя от своей родины: в его памяти воспоминания о чужих, неродных городах оказываются свежее, ярче и подлиннее, чем представления о родине. Возможно, утрата «запаха» родного русского снега означает и утрату родины как таковой. Нанизывается мотив бездомности и бесприютности. Также в стихотворении вторичными являются мотивы времени: прошлого и

будущего. Запах русской зимы навсегда остался в прошлом, его уже не вспомнить и не почувствовать лирическому герою. А впереди ждёт старость:

И уже толпятся тени
У последнего порога.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 90]

Но нельзя сказать, что в этих строках звучит безысходность и уныние, скорее это некая сентенция, жизненный итог: так должно быть. Эти строки стоят в сильной позиции, завершают стихотворение. В них нет протеста и отчаяния, в них слышно примирение с законами жизни.

Мотивы в стихотворении связаны синтаксическим и лексическим параллелизмом. Можно выделить также тематический параллелизм: вторая часть стихотворения, в которой говорится о русских запахах, противопоставляется первой части, где речь идёт о чужих городах.

Стихотворение «Города и годы» привлекает внимание тем, что в нём, пожалуй, впервые в творчестве Дон-Аминадо, получает развитие мотив забывания, который становится оппозиционным мотиву памяти. Со временем воспоминания лирического героя становятся всё менее уловимыми.

Стоит отметить, что этот мотив, как и мотив памяти, является сквозным для поэзии русского зарубежья. Так, например, важное место этот мотив занимает в творчестве С. К. Маковского. В стихотворении «Гавань» лирический герой С. К. Маковского вспоминает родной город. Несмотря на то, что он помнит многие детали («скалистый берег», «черепицей крытые дома», «мачты плосконосых каравелл» [Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 116]), образ знакомого города его память воспроизводит с трудом:

Сквозь туманы город дальний снится.

Где, когда? – припомнить не могу... [Там же, с. 116]

И даже родной язык кажется странным и забытым: «Слышу песню на каком-то странном, / на давно забытом языке» [Там же, с. 116].

В стихотворении С. К. Маковского «Сочельник» мотив забывания неразрывно связан с памятью. В сочельник лирический герой вспоминает

своё ушедшее прошлое, «привиденья сердца» [Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 125]: юность, любовь, Россию. В забывании самого дорого, самого родного есть скрытое противоречие. С одной стороны, память о родине – это то единственное, что вдохновляет в жизни, что придает сил. Но с другой стороны, именно эта память постоянно заставляет думать о том, как безрадостна жизнь в эмиграции. Возможно, забывая, или намеренно пытаюсь забыть родину, лирический герой просто пытается не тревожить раны прошлого, утихомирить, убаюкать тоску по родине:

Тишиной себя баюкаю заветной,
 помня всё, всё забываю я
 в этом сне без сна, в печали беспредметной,
 в этом бытии небытия.

[Там же, с. 125]

Лирический герой Г. В. Иванова постепенно забывает Россию. В стихотворении «Закроешь глаза на мгновенье...» в его памяти ещё возникает образ родины, но он становится весьма смутным и почти неуловимым, он вспоминает «какое-то дальнее пенье, какую-то смутную дрожь» [Иванов, т. 1, 1993, с. 275]. В этом произведении мотив воспоминания является основным, в то время как ему сопутствует вторичный мотив забывания.

Однако в творчестве автора прослеживается эволюция от частичного забывания, до полного забвения родины, намеренного отказа от воспоминаний о ней:

Нет в России даже дорогих могил,
 Может быть, и были – только я забыл.
 Нету Петербурга, Киева, Москвы –
 Может быть, и были, да забыл, увы.

[Там же, с. 382]

В сознании лирического героя возникают образы родных городов, но он заставляет себя не думать о них. В этом стихотворении мотив забывания становится основным. Страна, которая когда-то была родной, никогда не

станет прежней, поэтому лирический герой Г. В. Иванова предпочитает не беспокоить свою память понапрасну, родина навсегда осталась в прошлом.

В лирике С. Чёрного мотивы памяти и забывания оказываются неразрывно связанными, как и у Дон-Аминадо. В стихотворении «Пустырь» (1930) лирический герой Саши Чёрного оказывается на заброшенном пустыре, куда случайно забрёл на прогулке. Пустырь является метафорой России. Раньше здесь был завод, оживлённое место, теперь же – заброшенное пепелище, пустыня. Также и Россия, после революции и гражданской войны, предстаёт в сознании поэта разорённым пепелищем.

Однако лирический герой не сразу понимает, почему этот пустырь его привлекает, что он ему напоминает. Кажется, что он забыл что-то очень важное, о чём никак не может вспомнить. Но единственная деталь вызывает в памяти героя целый поток ассоциаций. Увидев несколько цветков чертополоха, он вспоминает «забытые края»:

О многом я забыл – как все мы позабыли, –
Они помогут вспомнить.

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 295]

Лирический герой Саши Чёрного не пытается намеренно забыть о родине. Наоборот, он с радостью обнаруживает в своей памяти милые сердцу образы.

В результате мы видим, что пара мотивов память / забывание представляют собой некий синтез в творчестве писателей эмигрантов. И, в частности, в поэзии Дон-Аминадо, эта пара мотивов имеет важное значение. Можно сказать, что мотив забывания обозначает собой некий переходный этап в творчестве, когда мотивы ностальгии и воспоминаний уходят на второй план, уступая место мотиву прославления и приятия жизни.

В стихотворениях 1926 г. мотивы ностальгии и грусти являются основными, но всё же в некоторых из них намечается отход от этой тенденции, который получит своё наиболее полное развитие в произведениях

последующих лет. Так, в стихотворении 1926 г. «Призыв к бодрости» основным становится мотив утверждения жизни:

Человек, не вешай нос
Ни на квинту, не иначе.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 107]

Мотив эмиграции становится боковым, причём лирический герой принимает жизнь такой, какая она есть, он готов смириться с тем, что ему приходится жить в чужой стране. Определяющей становится не чужая страна, а жизнь: главное – жить: «И не так уж тесен мир, / Чтобы в нём не поместиться» [Там же, с. 107].

Лирический герой иронизирует над своими соотечественниками-эмигрантами, которые упиваются своим горем: «А затем... ведь ты ж не сыр, / Чтоб слезой своей гордиться!» [Там же, с. 107].

Жизнь продолжается, ещё рано ставить точку, нужно набираться сил и жить дальше. Так, в качестве вторичного появляется мотив будущего, пусть и не самого прекрасного:

Это значит, что игра
Не дошла ещё до точки. [Там же]

Намеченная тенденция примирения с жизнью постепенно перерастает в творчестве Дон-Аминадо в провозглашение жизни. Жизнеутверждающие мотивы наиболее характерны будут для стихотворений 1928 г., но также они звучат и в некоторых произведениях 1927 г.

В стихотворении «Мадригал» (1927) доминирует мотив жизни в настоящем:

Не надо ангелов, ни неба, ни алмазов.
Я жить хочу сегодня, и сейчас!

[Там же, с. 95]

Мотив воспоминания становится вторичным, он не доминирует в стихотворении. Лирический герой отказывается жить прошлым, воспоминаниями. Прошлое следует воспринимать как данность, без которой

невозможны ни настоящее, ни будущее. Это всего лишь прошлое, о котором не стоит сожалеть и грустить:

Нам всё равно. Пусть будет то, что будет.

Нам всё равно. Нам прошлого не жаль.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 96]

Мотивы связываются с помощью лексического параллелизма: автор использует кольцевую композицию, которая весьма характерна для многих его стихотворений. Жизнеутверждающий мотив, заявленный в начале стихотворения, осложняется боковыми мотивами и, становясь замыкающим, приобретает новые, обогащающие его смыслы.

В стихотворениях 1927 года лишь намечаются жизнеутверждающие, оптимистичные мотивы. Некоторые стихотворения по-прежнему сохраняют тон грусти, уныния, утраты. В стихотворении «Жили-были» (1927) к мотивам уныния и потерь добавляется авторская ирония:

Только жили, только были,

Что хотели, не смогли,

Говорили, что любили,

А сберечь, не берегли...

[Там же, с. 101]

Прошлая жизнь практически приравнивается к существованию («только были»), всё осталось в прошлом. Всё самое лучшее прошло, от него ни капли не сохранилось в настоящем.

В стихотворениях 1928 г. по-прежнему в большинстве случаев основным является мотив воспоминания. Но если раньше этот мотив сопровождался боковыми мотивами утраты, грусти, тоски, то теперь автор призывает к исцелению от беспросветного пессимизма. Таким образом, лирический герой эволюционирует от грусти и тоски к смиренному приятию жизни, а затем к прославлению жизни, оптимизму.

В стихотворении «Накинув плащ» (1928) лирический герой, не отказываясь от прошлого, прославляет будущее. Если раньше мотив

будущего был окрашен грустью и унынием, то теперь будущее – это возможность жить новой жизнью, взяв всё лучшее из прошлого:

Вообразим, что мы, как прежде, юны,
 Что нам, как прежде, многое дано!
 ...быть может, лучшие турниры
 Ещё нам только завтра предстоят?!
 Пора давно уныние отбросить,
 Сомнение, как падаль, отшвырнуть...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 86]

Этому стихотворению автор придавал программный характер (им открыт и назван сборник). Это своеобразный итог, к которому приходит лирический герой в результате своих поисков. В стихотворении заявлены основные мотивы всего сборника: ностальгия, странничество, воспоминание, будущая жизнь.

«Плащ» приобретает символическое значение. Теперь это не только символ странничества. Если раньше лирический герой ощущал себя «гостем случайным», скитальцем, нашедшим пристанище «под временной кровлей», то теперь образ странника становится притягательным для героя. Плащ – это не только плащ бродяги, но и «Чудесный плащ любовника, героя, / Веселого хозяина пиров, / Капризный плащ беспечного бродяги...» [Там же, с. 86].

Странничество становится прекрасным в понимании героя. Для него это возможность наслаждаться жизнью, увидеть её в разных проявлениях. Так, плащ становится символом новой жизни, а его значение приближается к маске: накинув плащ «особого покроя» можно стать особым, другим человеком, словно надев маску, попробовать прожить жизнь по-новому и проявить себя с другой стороны, найти в себе самом нечто ранее неизвестное, непознанное.

Мотив воспеваемого прекрасного будущего является доминирующим в стихотворении. К нему примыкают мотивы воспоминания, странничества, молодости. Мотив ностальгии становится вторичным, звучит менее

отчетливо, чем прежде. В этом стихотворении проявляется тенденция сознательного отказа от ностальгического настроения. Лирический герой призывает «уныние отбросить», перестать грустить, освободиться «от кручины злой» [Дон-Аминадо, 1994, с. 86].

Мотивы связываются лексическим параллелизмом, и в стихотворении опять присутствует характерное для произведений Дон-Аминадо кольцевое построение (повторяется строка «накинув плащ...»). Как уже было отмечено, в целом тон повествования меняется на более оптимистичный, что отражается на интонации стихотворения. Мотивы развиваются в предложениях с однообразно восклицательной интонацией. Такой способ связи мотивов Б. В. Томашевский называет интонационным параллелизмом.

Стихотворение «Сентябрьские розы» (1928) созвучно стихотворению «Сентиментальная запись» (1927). Автор вновь сравнивает наступающую старость с осенью, молодость же – с уходящим летом. В стихотворении 1928 г. видна эволюция лирического героя: мотив грусти и уныния уходит на второй план, намечается линия прославления жизни. Лирическому герою открывается тайна бытия: жизнь прекрасна. Он со сладостью покоряется вечному ходу времени:

И сердце впервые постигнет
 Покорности жуткую сладость,
 Но только иную, чем знала,
 Чем ведала юность твоя.

[Там же, с. 91]

Старость – это не только увядание и приятие жизни, но это осознание своего жизненного опыта, это мудрость и новый взгляд на мир.

Эмоциональным по своей окраске, воспевающим жизнь предстает стихотворение «Весенний пролог» (1928). Забытая весна, которая должна вот-вот наступить, словно готова ворваться в жизнь и заполнить своей свежестью и солнцем всё вокруг. Осень, олицетворявшая в прежних стихотворениях старость и приближающуюся смерть, исчезает. Лирический

герой полон надежд на будущее. Весна ассоциируется с новой жизнью, новыми возможностями для человека. Мотив радостной жизни в будущем становится основным:

Погоди. Не плачь. Терпение!
 Мир воспрянет ото сна.
 Скоро будет наводнение,
 Равноденствие, весна.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 117]

Эти строки, начинающие стихотворение, задают радостный, обнадеживающий тон всему произведению. Связь мотива весны и обновления в природе с мотивом обновления человеческой жизни осуществляется с помощью тематического параллелизма:

Так ужели исключение
 Станешь ты собой являть?

[Там же, с. 118]

Если в природе каждый год происходит обновление с наступлением весны, то почему этого не может быть в жизни человека? Лирический герой настроен оптимистично и готов ждать эту спасительную весну: «Только чуточку терпения, / Только малость подождать!...» [Там же, с. 118].

Доминирующим становится мотив ожидаемой радости, обязательного прекрасного будущего. Лирический герой верит, что счастье ещё возможно. При этом он не считает трагедией жизнь в эмиграции, не терзает себя тяжёлыми мыслями о дальнейшей судьбе России и своей собственной. Поэт пытается поделиться этим чувством легкости и воодушевленности со своими читателями, и даже описание весны в его стихотворении становится весёлым и предельно простым: «и, как дура, кошка врежется, / То есть втюрится в кота», «через лужу, важно хлюпая, / Гусь с гусыней проплывёт» [Там же, с. 117–118]. Эту особенность Дон-Аминадо использовать в поэзии простые образы из жизни, «или даже не жизни, а быта» [Адамович, 2002, с. 102] верно подметил Г. Адамович: «он не боится слов самых прозаических и

обыденных» [Адамович, 2002, с. 102]. Они лишь помогают Дон-Аминадо создавать более яркие и живые образы.

Мотив процветающей жизни, природы звучит в стихотворении «Гроза» (1928). «Бурный, летний ливень» обновляет не только природу, он вселяет бодрость и надежду в сердца людей, словно призывая к жизни. Гроза является своеобразным символом очищения, отказа от прошлого, точкой отсчета новой жизни – яркой, свежей, бодрой:

И невольно в каждом сердце
Что-то вздрагивает сразу,
Сладкой мукой наполняет
До предела, до отказу,
И оно безмерно бьётся...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 98]

Ливень очищает «дивную даль» голубого неба, а вместе с ней и души людей. Мотив надежды на светлое, новое будущее является замыкающим в данном стихотворении.

Если в первых стихотворениях сборника «Накинув плащ» жизненное кредо лирического героя можно было обозначить словами из стихотворения «Гатьянин день» (1926): «Коли не жить, так вспоминать» [Там же, с. 104], то теперь в лирике Дон-Аминадо воспоминания уходят на второй план, уступая место настоящей жизни.

Стоит отметить, что такой «призыв к бодрости» и приятие жизни является, пожалуй, исключительной особенностью творчества Дон-Аминадо. У многих его современников находим более пессимистичный взгляд на жизнь в эмиграции.

Так, в стихотворении В. Ф. Ходасевича «Из дневника» (1925) видим совершенно противоположный настрой и другую жизненную установку:

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать.

[Ходасевич, т. 1, 1996, с. 276]

Лирический герой Ходасевича не исключает того, что в жизни есть что-то стоящее («должно быть, жизнь и хороша» [Ходасевич, т. 1, 1996, с. 276]), но постоянная суета и мытарства души делают эту жизнь всё менее привлекательной для него. Поскольку эмигрантский быт ничуть его не прельщает, он предпочитает жить в забытии. Таким образом, в стихотворении основным является мотив отказа от жизни, от её радостей и возможностей.

Если лирический герой В. Ф. Ходасевича предпочитает жить в полусне, полузабытии, то у Г. В. Иванова мотив отказа от жизни получает ещё более суровое развитие. Сначала авторская позиция Иванова очень близка точке зрения Ходасевича: лирический герой Иванова, устав от жизни в Париже, мечтает о жизни в забытии:

Так и надо – навсегда уснуть,
Больше ничего не надо.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 256]

Герою хочется прожить так всю жизнь, «дремля в опьянении полусонном» [Там же, с. 256]. В данном стихотворении сон не предполагает смерть, это лишь возможность забыться и отдохнуть от мира. Однако постепенно лирический герой Г. В. Иванова начинает понимать безысходность и бессмысленность жизни. Возможность жить в забытии уже не представляется выходом из этой ситуации. Жизнь в эмиграции нельзя назвать настоящей, возвращение на родину, в Петербург, невозможно. Поэт находит единственно возможный выход: «Закрывать глаза и больше не проснуться» [Там же, с. 280] («По улицам рассеянно мы бродим...»). Появление мотивов безысходности, умирания обусловлено «катастрофичностью мироощущения лирического героя» [Буслакова, 2009, с. 173].

Мотив отказа от жизни в творчестве Г. В. Иванова достигает своего апофеоза в стихотворении «Страсть? А если нет и страсти?..» (1930). Лирический герой приходит к пониманию того, что жизнь настолько

беспросветна, что в ней даже не за что зацепиться, даже призрачное счастье не может заставить героя радоваться жизни, потому что этого счастья нет:

Счастья нет, и мы не дети.
Вот и надо выбирать –
Или жить, как все на свете,
Или умирать.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 282]

Слова «счастья нет» звучат рефреном в стихотворении, акцентируя внимание читателя на том, что жизнь не представляет никакой ценности для лирического героя. В результате к мотиву отказа от жизни присоединяется мотив смерти. Пожалуй, это наиболее мрачное восприятие жизни, являющееся прямо противоположным точке зрения лирического героя Дона-Аминадо, который не просто готов принять жизнь такой, какая она есть, но и прославляет её.

В стихотворении «Пока не поздно!» (1928) оптимизм лирического героя Дона-Аминадо выльется в откровенный онтологический призыв: «спешите жить!» [Дон-Аминадо, 1994, с. 113]. Писатель словно советует оглянуться вокруг, посмотреть на мир и на свою жизнь по-новому. Мотив воспоминания, эмиграции остаётся, но уже утрачивает свою первостепенную важность. Лирический герой призывает перестать предаваться воспоминаниям о потерянной родине:

Спешите жить и в дни изгнания,
И этим дням ведётся счёт.
А по руслу воспоминанья
Обратно время не течёт.

[Там же, с. 113]

Осознание того, что жизнь невозможно вернуть назад, приходит и к другим поэтам. Так, в стихотворении Петра Потёмкина «переход» находим следующие строки:

Приговор судьбою вымолвлен,

Вспять река не потечёт.

[Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 193]

Но если у Потёмкина осознание безвозвратности прошлого лишь усугубляет безысходность настоящего, то у Дон-Аминадо это возможность начать новую жизнь, это призыв ценить каждый день, каждый миг, подаренный судьбой, даже если этот миг придётся прожить в эмиграции. И в этом смысле поэзия Дон-Аминадо уникальна.

Таким образом, в сборнике «Накинув плащ» видна эволюция развития мотива. Если в стихотворениях 1926 г. и отчасти 1927 г. мотив воспоминания, ностальгии был основным, а общий тон произведений пессимистичный, то в стихотворениях 1928 г. эти мотивы уходят на второй план, основным становится жизнеутверждающий, и по своей эмоциональной окраске оптимистичный, мотив будущего. Переход от уныния и пессимизма к оптимизму происходит постепенно: для стихотворений 1927 г. характерно примирение с действительностью, тихая грусть, далекая от отчаяния, приближающаяся к просветлению и воспеванию жизни.

Не случайно поэтому сборник стихотворений «Накинув плащ» именуется автором по названию стихотворения, в котором звучит не уныние и грусть, а прославление жизни, прекрасной даже в эмиграции.

В ходе анализа сборников стихотворений «Дым без отечества» и «Накинув плащ» нами были выявлены основные, наиболее частотные мотивы в творчестве Дон-Аминадо. Расположив мотивы в порядке их хронологического появления и развития, можно выявить эволюцию творчества писателя: разрушение, смерть, грех, возмездие, ностальгия, воспоминание,приятие жизни, обновление, вера в светлое будущее. В качестве лейтмотива можно выделить мотив ностальгии, поскольку он является наиболее частотным в творчестве поэта этих лет. От озлобленности на судьбу лирический герой приходит к осознанию того, что жизнь прекрасна, он прославляет её и призывает к наслаждению жизнью такой, какая она есть. Злая сатира стихотворений 1920–1921 гг. сменяется лёгкой

иронией и лиризмом в стихотворениях 1926–1928 гг. Меняется также и общий тон, настроение стихотворений: лирический герой приходит от пессимизма к оптимизму. Переход этот осуществляется постепенно, в качестве промежуточной стадии можно выделить преобладание в стихотворениях настроения тихой грусти, уход от отчаяния, надежду на счастливое будущее, которая впоследствии сменяется уверенностью.

ГЛАВА 3. МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕГО ЭМИГРАНТСКОГО ТВОРЧЕСТВА ДОН-АМИНАДО

В первом вышедшем в эмиграции сборнике стихов Дон-Аминадо «Дым без отечества» основным являлся мотив ностальгии. Во многом это объясняется тем, что в первые годы эмиграции память о России была совсем свежа, и общество русской эмиграции жило воспоминаниями о родине. Как отмечает О. Н. Михайлов, «эмиграция, вынужденный разрыв с родиной, внесли один из главных для всей литературы мотив ностальгической *памяти об утраченной России*» [Михайлов, 1995, с. 65]. Являясь одним из основных в сборнике «Накинув плащ», мотив ностальгии постепенно уходит на второй план и уступает место мотивам эмигрантского быта и притяжения жизни. Эти мотивы были очень близки и понятны эмигрантам, Г. В. Адамович писал в 1928 г. об этом сборнике: «"Накинув плащ" – сборник стихов, которые за последние год или два мы чуть ли не ежедневно читали, к которым настолько привыкли, что даже как-то странно бывает начинать день, если не прочтёшь утром очередного "Дон-Аминадо"» [Адамович, кн. 1, 2002, с. 97].

Стихотворения Дон-Аминадо были всегда актуальны и злободневны, поэт шёл в ногу с эмигрантским временем. В начале 1930-х гг. Дон-Аминадо был одним из ведущих сатириков русского зарубежья, он возглавил возобновлённый в Париже журнал «Сатирикон». В поэтических сборниках писателя прослеживается эволюция развития основных мотивов. В 1935 г. выходит сборник стихов и афоризмов «Нескучный сад». Мотивы воспоминания и ностальгии по-прежнему являются частотными, но также одними из ведущих становятся мотивы эмигрантского быта, поиска смысла, мыслей о молодом поколении эмигрантов.

Такую тенденцию эволюции основных мотивов в творчестве Дон-Аминадо можно назвать закономерной. Как отметил В. В. Агеносов, «наиболее распространённой темой литературы зарубежья была жизнь самой эмиграции» [Агеносов, 1998, с. 10]. Таким образом, в творчестве Дон-

Аминадо всегда гармонично сочетались два основных мотива литературы русского зарубежья – ностальгии и эмиграции.

Итоговым стихотворным сборником Дон-Аминадо стала книга «В те баснословные года», вышедшая в 1951 г. В качестве одной из главных особенностей этого сборника можно выделить довольно широкий временной диапазон написания вошедших в него стихотворений: конец 1920-х гг. – 1940-е гг. Думается, именно этим и обусловлен итоговый характер сборника. По стихотворениям, вошедшим в книгу, можно воспроизвести все этапы жизни поэта: дореволюционные годы, время революции и Гражданской войны, первые годы эмиграции, примирение с эмигрантским бытом, осознание приближающейся старости. Основными становятся мотивы разрушения, воспоминания, дома, бессмысленности эмигрантской жизни, умиротворения в быту.

Таким образом, в более позднем эмигрантском творчестве Дон-Аминадо прослеживается чёткая тенденция ухода мотивов ностальгии и воспоминаний на второй план с преобладанием мотивов эмигрантской жизни.

3.1. Мотив эмигрантской жизни

Сборник «Нескучный сад» вышел в Париже в 1935 году. Как отмечает Л. А. Спиридонова, «к началу 1930-х гг. жизнь в русском Париже заметно изменилась: ушли в прошлое рассказы о бегстве от большевиков, отзвучали диспуты “Восток и Запад”, ”Европа и мы”, суды над интеллигенцией» [Спиридонова, 1999, с. 271]. Маленький русский «городок» на Сене стал, по мнению Дон-Аминадо, «нескучным садом». Таким образом, в названии сборника автор заявляет основную тему всех вошедших в него стихотворений: жизнь русских эмигрантов в Париже.

Сборник составили стихотворения 1927–1935 гг. Мотив ностальгии становится вторичным и звучит, как правило, в стихотворениях конца 1920-х

гг. Более поздние произведения посвящены современной автору жизни эмигрантов.

В стихотворении «Наша маленькая жизнь» (1927–1934) тема обозначена в названии. Жизнь эмигрантов Дон-Аминадо называет «маленькой», всё стихотворение подчинено раскрытию этой основной темы.

Точка. Станция. Шлагбаум. <...>

Круг замкнулся. Сократился.

Ни концов и ни начал.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 125]

Используя парцелляцию, автор делает каждое предложение ёмким, нагружает его особым смыслом. Создаётся ощущение полноты и замкнутости каждого слова. В стихотворении основным является мотив цикличности, повторяемости. Это подчёркивается лексически: «и *опять* кончиной света угрожает неба высь» [Там же, с. 126], «круг *замкнулся*» [Там же, с. 125], «доктор Шмелькин *возвратился*» [Там же, с. 125] (выделено нами – М. Б.). Жизнь эмигрантов является однообразной, неинтересной, наполненной ненужными мелочами.

Автор вводит в стихотворения выдержки из объявлений, чтобы наиболее чётко охарактеризовать жизнь русских людей во Франции:

Кто-то ищет компаньона

В одиночестве своём.

Кто-то громко объявляет <...>,

Что паркетты натирает <...>.

Кто-то голосом дрожащим

Предлагает пылесос.

[Там же, с. 125–126]

Ключевыми являются глаголы «ищет» (повторяется дважды), «объявляет», «предлагает». Таким образом, вводится мотив поиска. Но особенность этого мотива состоит в том, что это не поиск смысла жизни или жизненного пути (что, как правило, характерно для лирических

произведений), а поиск по объявлению – работы, компаньона и т.д. Жизнь эмигрантов наполнена суетными мелочами и лишена духовного начала. Такая жизнь вызывает у автора насмешку, он иронизирует над ней.

К жанру объявлений Дон-Аминадо возвращается в стихотворении «Труды и дни» (1933). Оно состоит из 20 небольших частей, каждая из которых (за исключением двух последних) представляет собой объявление. Из этих маленьких фрагментов, как в мозаике, складывается полная и подробная картина жизни эмигрантов. Как и прежде, автор смеётся над такой жизнью, обличает её:

16

Комната с диваном

За урок с болваном.

17

Холостяк бывлой закваски

Жаждет ласки...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 128]

Ирония автора зачастую сочетается с грустью, неприятием такой жизни. Лирический герой осознаёт, что жизнь в эмиграции лишена высокого начала, смеётся над своими соотечественниками: «Вышли в свет воспоминанья: “Четверть века прозябанья”» (126). Под «прозябаньем» подразумевается жизнь в эмиграции, лишённая интереса, духовности, оторванная от родной «почвы».

Две финальные части стихотворения не подходят под жанр объявления:

19

«Жорж, прощай. Ушла к Володе!..

Ключ и паспорт на комод».

[Там же, с. 128]

Предметом данной записки послужила обычная бытовая ситуация. Дон-Аминадо талантливо в двух строках написал целое полотно жизни

эмигрантов. И. В. Одоевцева отозвалась об этом двустишии: «Целый эмигрантский роман в двух строчках» [Одоевцева, 1989, с. 96]. Описанная ситуация трагична по своей сути, она представляет жизнь троих людей на сломе. Но такие детали, как «ключ и паспорт» сводят к трагедии быт. Над этим и смеётся автор: люди в суеде эмигрантской жизни подменяют нравственные ценности бытовыми.

Последняя часть стихотворения поражает своей мрачностью. Автор выносит своеобразный вердикт:

20

Пришли. Ушли. Похоронили.

«Среди присутствующих были...»

[Дон-Аминадо, 1994, с. 128]

Это высшая степень бессмысленности жизни. Используя один из своих излюбленных приёмов – парцелляцию – автор создаёт печальную картину. Действия людей минимальны, они практически сводятся к бездействию: «Пришли. Ушли. Похоронили». Вторая строка наполнена ещё более глубоким печальным смыслом: автор даже не перечисляет имена тех, кто был среди присутствующих, а ставит многоточие. Оказывается, вовсе не важно, кто был на похоронах, потому что вся жизнь эмигрантов представляет собой всего лишь «присутствие» в этом мире. Также поставленное автором многоточие можно трактовать как намёк на то, что все «присутствующие» когда-нибудь окажутся на месте покойного.

Общий тон и характер этого двустишия отличается от всех остальных частей стихотворения «Труды и дни». Неслучайно автор ставит его в сильную позицию конца произведения. Это некий эпилог эмигрантской жизни, наполненный беспросветной грустью. Как справедливо отмечает Л.А. Спиридонова, «русский Париж предстаёт в состоянии той весёлости, которая граничит с отчаянием» [Спиридонова, 1999, с. 272].

Эмигрантская жизнь оказывается наполнена бессмысленной суедой и поиском, не преследующим высоких целей: люди ищут смокинг, няньку,

продают домик, отдают «дом с гаражем» и т.д. И только лирический герой, тоже будучи эмигрантом, наблюдает за этими поисками со стороны и приходит к мрачному выводу, что эмигранты лишь присутствуют в этом мире. Таким образом, от мотива поиска материального автор приходит к поиску смысла жизни, а именно к тому, что смысла жизни в эмигрантской суете нет.

Похожий мотив поиска, который сведён к материальному началу, к быту, находим в эмигрантской поэзии Саши Чёрного. В стихотворении «Эмигрантские объявления» (1925) автор создаёт краткие, но при этом очень ёмкие зарисовки эмигрантской жизни. Как и Дон-Аминадо, С. Чёрный выбирает жанр объявления, который, благодаря своей лаконичности, позволяет наиболее ярко изобразить быт эмигрантов. Что же интересного можно найти в эмигрантских объявлениях? Кто-то предлагает услуги массажа, кто-то рекламирует свой ресторан, а кто-то и вовсе готов избавить клиента от всего лишнего: от прыщей до печали:

Ясновидящий Игорь фон Шталь
 Мёртвых жён и мужей вызывает,
 Исцеляет в рассрочку печаль
 И прыщи на носу удаляет.

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 216]

Но что бы ни предлагалось в этих объявлениях, их объединяет то, что все они, так или иначе, затрагивают мелочные бытовые проблемы: «прыщи на носу», «зуд в подмышках», «ушное скопление серы», «медвежатину с клюквой и с салом» [Там же, с. 216].

В объявлениях Дон-Аминадо мотив поиска является основным: постоянно повторяются словоформы «ищут», «ищет», «нужен». В то время как у С. Чёрного мотив поиска присутствует имплицитно, уходя в подтекст. Его объявления представляют собой не запрос чего-либо, а, наоборот, предложение. Но, как известно, спрос рождает предложение. А значит, то, что предлагается в «Эмигрантских объявлениях» С. Чёрного, действительно

кто-то ищет. Однако поэт не пытается подводить итоги и делать выводы о том, хорошо это или плохо, что люди живут именно так. Право сделать вывод он предоставляет читателю, оставаясь в данном произведении сторонним наблюдателем.

Практически все стихотворения, в которых Дон-Аминадо описывает детали быта эмигрантов, отличаются ироническим тоном. Так, в стихотворении «Вечеринка» (1933) описывается досуг эмигрантов:

Артистка читала отрывок из Блока <...>
 Потом выступал балалаечник Костя <...>
 Потом появились бояре в кафтанах,
 И хор их про Стеньку пропел и утешил,
 И это звучало тем более странно,
 Что именно Стенька бояр-то и вешал.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 134–135]

Дон-Аминадо в стихотворении фактически воспроизводит программу «русских вечеров» в Париже. Лирический герой понимает, что все артисты выглядят «странно» и, возможно, даже нелепо. Он иронизирует и над артистами, и над самим собой. Все события проплывают, словно в каком-то тумане, сливаются в общий гул: «И что-то в тумане дрожало, рябило, и хором бояре гудели на сцене» [Там же, с. 135]. Вся горечь авторской иронии заключается в том, что, понимая всю нелепость таких «вечеринок», он не может без них жить. Где-нибудь в России такие концерты были бы ужасно смешны, а во Франции они нужны эмигрантам: «И было приятно, что всё это было не где-то в Торжке, а в Париже, на Сене» [Там же, с. 135].

Жизнь в эмиграции диктует свои законы, которые заставляют лирического героя Дон-Аминадо по-новому смотреть и на окружающий мир, и на самого себя. Таким образом, в творчестве писателя вновь возникает мотив примирения. Но если в предыдущем сборнике стихов («Накинув плащ») поэт прославлял жизнь и был готов смириться с изгнанием, то теперь он проповедует смирение с рутинной повседневной жизни, особенностями

будней эмигрантского быта, которые весьма не прельщают его. Поэтому мотив смирения приобретает новый оттенок – поэт относится к действительности со снисхождением. Он видит все недостатки и пошлость эмигрантской жизни, но при этом осознаёт, что является неотъемлемой частью этой жизни.

В стихотворениях других поэтов-эмигрантов, современников Дон-Аминадо, описанию эмигрантского быта редко уделяется внимание. Думается, это обусловлено тем, что жизнь в эмиграции настолько не прельщала поэтов, что они не готовы были не только принять её, но и ассоциировать себя с ней. Происходит отторжение от эмигрантской действительности, как от чего-то чуждого, мрачного. Такое восприятие эмигрантской жизни сохраняется в творчестве поэтов на протяжении многих лет. Так, например, для В. Ф. Ходасевича жизнь в Берлине представляется настолько ужасающей, а сам Берлин настолько чужд, что поэт воспринимает окружающий его мир как потусторонний:

Дома – как демоны,
 Между домами – мрак; <...>
 Нечеловечий дух,
 Нечеловечья речь... («С берлинской улицы...», 1923)

[Ходасевич, т. 1, 1996, с. 259]

Лирический герой ощущает себя опустошённым в эмиграции, поскольку его жизнь лишена какого-либо духовного смысла. Поэт использует яркие эпитеты, метафоры и сравнения, подчеркивая бездуховность и бессмысленность такой жизни («опустошённые», «как ведьмы», «поверх сутулых плеч», «шеренги демонов»).

Не готов принять эмигрантскую действительность и лирический герой Г. В. Иванова (стихотворение «Ничего не вернуть...», 1949). Окружающий его мир кажется ему чужим. И даже весна, которая символизирует собой обновление, оживление, радость жизни, не вызывает у героя никакого

воодушевления, она словно проходит мимо него. Ведь для Г. В. Иванова важно не наступление весны, а то, что жизнь для него – мука:

Море ровно шумит. Наступает весна

В этом мире, в котором мы мучимся.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 338]

Ещё более категоричным восприятие эмиграции оказывается в творчестве И. В. Одоевцевой, для которой существование за пределами России – это жизнь «в аду эмиграции» [Мы жили ... , кн. 2, 1995, с. 94] («Неправда, неправда, что прошлое мило...», 1960).

Восприятие эмигрантской жизни как чего-то чужого и удручающего обусловило то, что в произведениях многих поэтов-современников Дон-Аминадо мотив эмигрантского быта практически не представлен. Исключением в этом смысле является С. Чёрный, который нередко делает эмигрантов героями своих произведений и обращается к эмигрантскому быту. Как и Дон-Аминадо, С. Чёрный готов принять эту действительностью, и даже, в некотором смысле, оправдать её.

В стихотворении «Пензенскому Катону» (1929) С. Чёрный берёт за основу точку зрения некоего пензенского спорщика, мнение которого вынесено в эпиграф стихотворения: «Ваш Париж – Содом!» [Чёрный, т. 2, 1996, с. 287]. Этот персонаж осуждает падение нравов современного общества, в том числе и эмигрантского, считая пошлым то, что «юный конторщик на панели при всех» целует «тонконогую деву» [Там же, с. 287]. Автор вступает в спор с порицателем, в результате чего выясняются новые подробности эмигрантской повседневной жизни. Молодой конторщик и его возлюбленная (швея) вынуждены целый день проводить в общегородской суете, пытаясь как-то заработать себе на жизнь. И в этой вечной гонке практически не остаётся времени ни для отдыха, ни для любви. Поэтому поцелуй на улице не только не безнравствен, но по-особому ценен:

Свежесть этих лобзаний,

Господин прокурор,

Словно ветер среди зданий,
Налетающий с гор...

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 288]

В итоге автор приводит к мысли о том, что и в эмиграции есть место любви. И пусть она не такая романтическая, как раньше, но по-прежнему ради неё стоит жить, она по-прежнему согревает сердца. Такова уж жизнь в суете эмиграции: «Здесь проза и давка: / Торопись и живи» [Там же, с. 289].

С. Чёрный, как и Дон-Аминадо, не отрицает того, что эмигрантский быт имеет свои недостатки. При этом он тоже готов принять эту жизнь такой, какая она есть, и, в каком-то смысле, даже оправдать её. Таким образом, мотив приятия действительности получает своё развитие в его поэзии.

Легко и просто, в ироническом ключе, Дон-Аминадо решает «одну из самых острых проблем эмиграции – денационализацию молодого поколения, разрыв прочных семейных связей» [Спиридонова, 1999, с. 272]. Эта проблема занимала в творчестве Дон-Аминадо важное место. Он пытался найти её решение не только в стихотворениях, но и в фельетонах. В его произведениях появился собирательный образ денационализированного ребёнка – Коля Сыроежкин. Излюбленная писателем тема эмиграции, проходящая сквозь призму детского сознания и мировосприятия, приобретает новые оттенки смысла; возникают новые проблемы, требующие решения.

В стихотворении «Вершки и корешки» (1933) представлен весьма традиционный конфликт отцов и детей:

Начинается весёлая пора...
Обнаглела, повзрослела детвора.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 130]

Молодое поколение, оторванное от России, не может понять и принять ценностей своих родителей. В стихотворении звучит мотив потерянности юного поколения, прошедшей молодости «отцов».

Дети не интересуются тем, что когда-то было дорого их родителям. У молодого поколения свои ценности и свои идеалы. Настала та «весёлая

пора», когда дети предъявляют претензии отцам, показывают своё превосходство, образованность:

Вы, папаша, не читали Мериме,
 Вы, мамаша, прозябали в Чухломе,
 Вы, мол, молодость ухлопали на ять,
 Вам Расина да Корнеля не понять.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 130]

В стихотворении представлены две точки зрения: детей и отцов. В финале звучат два вывода. Первый принадлежит молодому поколению: «И выходит, что папаши дурачки, / И что всё есть только пепел да зола» [Там же, с. 130]. Второй вывод делает лирический герой как представитель старшего поколения: «...молодость действительно прошла». В стихотворении появляется мотив приближающейся старости и смерти: «плывет уже вечерняя заря», «умирают, угасают светлячки» [Там же, с. 130]. Дон-Аминадо понимает неизбежность смены поколений.

Примечательно, что лирический герой не вступает в спор с «детьми», не пытается оправдать своё поколение. Его вывод объективен, с ним не поспоришь. Мотив утраченной молодости, характерный для многих стихотворений Дон-Аминадо, звучит спокойно. Если раньше у лирического героя возникали грустные чувства при осознании утраты молодости, то теперь это не более чем констатация факта. Новое поколение вступает в свои права. Дон-Аминадо не видит в этом никакой трагедии. В стихотворении присутствует характерный для позднего творчества писателя мотив приятия жизни.

Таким образом, в сборнике стихов Дон-Аминадо «Нескучный сад» (1935) одним из главных, смыслообразующих мотивов, становится мотив эмигрантской жизни, быта. Он является неким ядром, центральной составляющей поэзии данного периода. На него нанизываются боковые мотивы, составляя, словно в мозаике, целостную картину эмигрантской

жизни. В качестве боковых в сборнике «Нескучный сад» выделяются следующие мотивы:

- цикличности и замкнутости – жизнь эмигрантов представлена в творчестве Дон-Аминадо как скучная, лишённая разнообразия, в ней нет «ни концов и ни начал» [Дон-Аминадо, 1994, с.125];
- поиска, бессмысленности – при этом важно отметить, что поиск лишён духовного начала, сведён к быту (поиск комнаты с диваном, мансарды для прислуги, фрака и т.п.);
- примирения – лирический герой, являясь частью эмиграции, видит все недостатки такой жизни и понимает её неизбежность;
- потерянности молодого поколения – дети эмигрантов оказываются в весьма неоднозначном положении: они получают воспитание в русских семьях в соответствии с русскими традициями, но растут совершенно в других условиях; в результате создаётся трагическая оторванность детей от поколения отцов и взаимное непонимание, которое тоже оказывается неизбежным.

В творчестве Дон-Аминадо 1930-х гг. создаётся весьма нерадостная картина жизни. Если раньше поэт призывал эмигрантов к бодрости и спешил жить, даже в изгнании, то теперь становится очевидным то, что такая жизнь вряд ли чего-то стоит. При этом необходимо отметить, что в отличие от большинства своих современников поэт всё равно не делает из этого трагедии. Считая себя частью эмигрантской действительности, лирический герой Дон-Аминадо не отказывается от неё.

3.2. Мотивы воспоминания и ностальгии

К моменту выхода в свет сборника «Нескучный сад» Дон-Аминадо находился в эмиграции уже более 10 лет. Поэтому вполне естественно то, что тема эмигрантского быта заняла значительное место в его творчестве. Но всё же существенная часть его жизни, которая ассоциировалась с молодостью,

счастьем и безмятежностью, связана с Россией. В связи с этим мотивы воспоминания и ностальгии становятся вторым смыслообразующим центром поэзии данного периода.

Лирический герой Дон-Аминадо не забывает свою родину. Как пишет Е. Н. Брызгалова, «эмигрантская реальность переплетается с воспоминаниями о родине», «образ России никогда не представляется обособленным, оторванным от сегодняшней действительности» [Брызгалова, 2006, с. 65]. Часто детали вызывают у лирического героя целый поток ассоциаций, в своих воспоминаниях он возвращается в прошлое, в Россию. Но иногда воспоминания возникают не при виде каких-либо предметов, а, наоборот, при их отсутствии. В России есть то, чего нет во Франции:

Помнишь дом на зеленой горке,
В четырёх верстах от станции?
Помнишь запах рябины горький,
Которого нет во Франции... («Дым», 1928, 1935)

[Дон-Аминадо, 1994, с. 147]

В стихотворении «Дым» доминирует мотив воспоминаний, сопровождаемый мотивами ностальгии, дома, утраченного счастья. Мотивы связываются с помощью лексического параллелизма. Дон-Аминадо использует анафору: слово «помнишь» пять раз употребляется в начале строки.

Особенностью этого стихотворения является его насыщенность звуками и цветом: песня девушек, эхо в лесу, смех, «зелёная горка», девушки «в белом, в розовом», «тёмно-синий вечер», «гостиная с голубыми обоями» [Там же, с. 147]. Также автор использует детали при описании: «важные кресла», «турецкий диван с узорами» [Там же, с. 147]. Картины прошлого описаны так живо и ярко, что только слово «помнишь» отрезвляюще констатирует: всего этого нет в настоящем.

Стихотворение «Дым» необходимо рассматривать в контексте всего творчества Дон-Аминадо. Думается, название стихотворения восходит к

сборнику стихов «Дым без отечества» (1921), в котором одним из основных является мотив ностальгии, и дым представляет собой смутный и лёгкий дым воспоминаний. Слово «дым» повторяется в нескольких стихотворениях: «Смирение» (1921), «Семнадцатое сентября» (1921), «Март месяц» (1926), «Уездная весна» (1927) и др. Часто с этим словом соседствуют слова: нежность, нега, грусть. Окутывающая лирического героя дымка погружает его в воспоминания о родине. Таким образом, «дым» в творчестве Дон-Аминадо является метафорой ностальгии, воспоминаний.

Название стихотворения «Творимая легенда» (1933) заимствовано автором у Ф. Сологуба. «Творимая легенда» (1905–1913) – это роман, который оказался своеобразной программой преобразования несовершенной действительности в мир добра и гармонии, художественной иллюстрацией к творческим исканиям Сологуба. У Дон-Аминадо это название символизирует преобразование несовершенного мира в «русское». Автор использует анафору: каждая строфа начинается со слов «всё было русское...». Таким образом, мотив воспоминаний нанизывается с помощью лексического параллелизма: «русский» повторяется 12 раз. В стихотворении мотив ностальгии является основным:

Всё было русское... И русские лубки,
И пляски баб, и поле, и ракита,
И лад, и строй гитар, исполненный тоски,
И человек по имени Никита.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 129]

Россия становится для лирического героя далёкой страной, оставшейся в прошлом. Вспоминая о ней, он словно рассказывает легенду. Стихотворение насыщено деталями: «русский квас, изюминкой обильный», «русский говорок» [Там же, с. 129]. Автор сознательно использует такие детали, которые понятны только русскому человеку.

В стихотворении «Манящая даль» (1933) в качестве заглавия Дон-Аминадо использует цитату из своего стихотворения «Голубые поезда»

(1927): «манящей далью» в нём названо «шестое чувство, чувство рельс, колёс, пространства» [Дон-Аминадо, 1994, с. 120]. В «Манящей дали» автор показывает одну из граней жизни русских эмигрантов: тягу к путешествиям, стремление бежать куда бы то ни было из Франции:

Их давит грань. Им тесен мир.
Их тянет всех в Гвадалквивир.
В испанский бред. В испанский сон.

[Там же, с. 133]

Таким образом, для эмигрантов возможны два варианта жизни – воспоминания о прошлом или мечты о будущих странствиях. Их настоящее тоскливо и скучно.

Воспоминания былых дней воскресают в стихотворении «Уездная сирень» (1929–1935). Мотив ностальгии является в нём основным. Ему сопутствуют вторичные мотивы утраченной молодости, воспоминаний:

Как рассказать минувшую весну,
Забывшую, далёкую, иную,
Твоё лицо, прильнувшее к окну,
И жизнь свою, и молодость былую?

[Там же, с. 145]

Как отмечает Л. А. Спиридонова, «лирическая миниатюра Дон-Аминадо о старой России одухотворена искренним чувством, полна живых запоминающихся деталей» [Спиридонова, 1999, с. 273]: облака, паровоз, сирень. Стихотворение насыщено запахами мяты, копоти, дыма, сирени, весны. Автор подчеркивает уникальность, неповторимость русской весны, он называет её «иной», «единственной, родной, неповторимой» [Дон-Аминадо, 1994, с. 146], вспоминает «полых вод особенную муть» [Там же, с. 145]. Эти эпитеты усиливают трагическую оторванность лирического героя от родины.

Автор не использует яркие краски при описании весны. На первый взгляд, русская весна кажется мрачной, непритязательной: «коричневые, голые деревья», «апрельский холод», «серость», «пыльная сирень» [Дон-

Аминадо, 1994, с. 145–146]. Но именно тем и мила, дорога сердцу русская весна, что она приучена «к позднему цветенью». Описанные в стихотворении «серые» картины являются лишь преддверием настоящей, цветущей весны. Но и такая весна по-своему прекрасна. Находясь в эмиграции, лирический герой любуется ей.

В стихотворении «Сон в зимнюю ночь» (1933) доминирует мотив ностальгии. Но в отличие от всех других стихотворений, наполненных воспоминаниями лирического героя о России, в данном произведении автор описывает тоску русской девушки-эмигрантки. В качестве эпиграфа Дон-Аминадо взял строку из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Девичьи лица ярче роз» [Там же, с. 151]. Выбор автора неслучайно падает именно на Пушкина. «Литературный контекст является важной частью поэтического мира Дон-Аминадо» [Брызгалова, 2006, с. 72], в его стихотворениях много цитат, аллюзий из русской классической литературы. Цитаты из Пушкина, как правило, используются в таких произведениях, где тема России является основной. Данное стихотворение не является исключением.

Героиня стихотворения тоскует по России:

Увы! Ни девушки, ни розы...

В душе убийственная тьма.

Ей снятся русские морозы,

Ей снится русская зима.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 151]

В стихотворении звучат характерные для эмигрантского творчества мотивы ностальгии и воспоминаний. Но это лишь формальное сходство со всеми остальными стихотворениями о России. В данном произведении тоска девушки-эмигрантки даётся в ироническом ключе. Ностальгия героини лишена искренности, это некий каприз: «Ей всё равно повсюду грустно, ей всё равно не хорошо» [Там же, с. 151]. Если все остальные стихотворения, пронизанные ностальгическим настроением, очень лиричны, трогательны и навевают лёгкую грусть, то «Сон в зимнюю ночь» вызывает у читателя

улыбку. Неслучайно в сильной позиции конца произведения оказывается далеко не самая лиричная строфа:

А там в снегах, что сердцу снятся
От огорчения его,
Бобры проклятые плодятся,
Не зная сами для чего.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 152]

Поэт смеётся над теми, кто идеализирует прошлое и упивается своим горем в эмиграции. Он разводит понятия истинной и ложной ностальгии, преданности родине.

Образ снега и русской зимы становится знаковым в поэзии многих эмигрантов. Именно русская зима ассоциируется с родиной. У Дон-Аминадо образ снега и зимы появляется в нескольких стихотворениях, где мотив ностальгии и воспоминаний является основным: «Жили-были» (1927), «Города и годы» (1927), «Сон в зимнюю ночь» (1933), «Как рассказать» (1929–1935) и др. Зима и снег, по сути, становятся контекстуальными синонимами России. Такую же тенденцию можно отметить и в творчестве других поэтов.

Образ родины в творчестве А. Е. Величковского тоже оказывается ассоциативным, как и у Дон-Аминадо. Наблюдая за снежинками, которые выются за окном, лирический герой стихотворения «Я люблю, когда в окошке выются...» вспоминает о России. Глядя на хлопья снега, герой думает о родине, и в его памяти возникают картины прежней жизни, он слышит русскую речь:

...они на языке могучем
Русской крови говорят со мной.
Говорят на языке неслышном
С памятью особенной моей.

[Мы жили ... , кн. 2, 1995, с. 341]

Образ снега получает совершенно новое, непривычное значение. В традиционном восприятии он является символом зимы, ассоциируется с холодом и морозом. В стихотворении же А. Е. Величковского этот образ наполнен особым теплом, согревающим душу героя, а именно – теплотой воспоминаний: «Снег идёт, а грудь сильнее дышит. / Снег идёт, а на душе теплей» [Мы жили ... , кн. 2, 1995, с. 341]. Примечательно, что в этих строчках поэт дважды использует не соединительный, а противительный союз, подчеркивая, что такая взаимосвязь между снегом и теплом на душе является скорее противоречием нежели закономерностью, но только не для эмигранта, тоскующего по родине.

В лирике Г. В. Иванова образ снега является сквозным для многих стихотворений, приобретая новые значения и интерпретации. Снег неразрывно связан с образом России и мотивом памяти, но при этом он вызывает у лирического героя не положительные ассоциации, а скорее негативные, связанные со смертью, изгнанием, забыванием о родине. В стихотворении «Это звон бубенцов издалика...» (1931) снег символизирует увядание, угасание жизни, потерю родины. Жизнь лирического героя засыпана снегом, т.е. утратила все привычные радости, а Россия остается единственным светлым началом в жизни, согревающим душу:

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 313]

Образ снега ассоциативно связан с воспоминаниями о России и в стихотворении «Холодно... В сумерках этой страны...», он не просто замечает прежнюю жизнь, но буквально погребает под собой Россию, страна замирает в вечной мерзлоте и темноте. В данном произведении снег становится символом смерти:

Синие сумерки этой страны...
Всюду, куда ни посмотришь, – снега.
Жизнь положив на весы,

Вижу, что жизнь мне не так дорога.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 332]

В стихотворении «Четверть века прошло за границей» Г. В. Иванов вспоминает «пророчество мёртвого друга» [Там же, с. 395], а именно О. Э. Мандельштама, слова из стихотворения которого вынесены в эпиграф: «В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нём...» [Там же, с. 395]. Мотив воспоминания становится в стихотворении основным. Несмотря на то, что небо над Ниццей стало привычным и практически родным, снег на окне напоминает лирическому герою о родине, о петербургской вьюге, об умершем друге и неизбежности смерти. Таким образом, неразрывно оказываются связаны мотивы памяти и угасания жизни, смерти, а связующим элементом между ними становится образ снега.

В стихотворении поэтессы Л. Ю. Бердяевой, эмигрировавшей в 1922 г. из России, «Сон» (1939) доминирует мотив воспоминания. Лирическая героиня во сне совершает путешествие на родину. Стихотворение наполнено реалиями русской жизни: это зима, сугробы снега, Москва, Кремль – всё кажется родным и знакомым. Зима в сознании лирической героини становится неотъемлемой частью России:

Мне снилась русская зима,
Сугробы снега в переулках.
Полозьев хруст морозно-гулкий,
Москва, укутанная в снег.

[Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 101]

Лексема «снег» повторяется в стихотворении четыре раза, подчеркивая особую значимость этого образа для поэта. В произведении Л. Ю. Бердяевой основным является мотив сна, на который нанизываются мотивы памяти, ностальгии. Сон воспринимается как возможность отвлечься от реальности и хоть недолго, в мечтах, побыть в России. Мотивы сна и воспоминаний нередко оказываются взаимосвязаны в поэзии эмигрантов. У Дон-Аминадо в стихотворении «Сон в зимнюю ночь» героиня во сне видит Россию.

Лирический герой Ю. Трубецкого настолько отвык от родных русских пейзажей, что понимает – увидеть их теперь можно только во сне:

Русский лес. И русские птицы,
Это может только присниться.

[Мы жили ... , кн. 2, 1995, 378]

Ивану Ильичу, герою стихотворения С. Чёрного «Эмигрантские сны» (1924), снится Россия. В его памяти воспроизводятся до боли знакомые картины: Невский проспект, Псков, гимназия, где он когда-то учился. Стихотворение С. Чёрного необычно тем, что в нём сон становится метафорой жизни, а реальная жизнь – смерти. Только на родине, во сне, герой может насладиться радостью жизни, почувствовать себя живым. Эмиграция для него равносильна смерти:

Пусть тело умерло в Париже, –
Душа, как гимназист зимой,
Надела легонькие лыжи
И мчится в прошлое – домой! <...>
Труп шевельнулся на постели.

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 251–252]

Так, в одном произведении С. Чёрного находят свое выражение основные мотивы, характерные для поэзии эмигрантов: мотив ностальгии, воспоминаний, сна и эмигрантского быта.

В лирических зарисовках Дон-Аминадо о России одним из наиболее частотных является мотив воспоминаний. В стихотворении «Признания» (1934) ему сопутствуют мотивы утраченной молодости, былого счастья, наивности юности, беспечности. Мотивы связываются лексическим параллелизмом. Они нанизываются на основной стержень – мотив воспоминаний – с помощью повтора фразы «мы были молоды». Повторяя её несколько раз, автор раскрывает новые грани молодости:

Мы были молоды. И жадны. И в гордыне
Нам тесен был и мир, и тротуар. <...>

Мы были молоды. Мы пели. Мы орали.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 146]

Автор очень часто использует глаголы прошедшего времени, акцентируя внимание на том, что все описываемые действия навсегда останутся в прошлом: былую молодость невозможно вернуть. И лишь в последней строфе Дон-Аминадо использует формы настоящего времени, которые звучат резко отрезвляюще и в какой-то мере безжалостно: «...нет ни приставы, ни счастья, ни бессмертья... / Лишь ландыши, и то уж для других» [Там же, с. 146].

В последней строфе звучит мотив безвозвратности молодости и неминуемой старости. Такой мотив, отличающийся новизной по сравнению с предыдущими мотивами, Б. В. Томашевский называет «замыкающим» [Томашевский, 1996, с. 240]. Он словно отклоняется в сторону от линии развития средних мотивов. Заключительная строфа отличается от остальных четверостиший не только смысловым содержанием, но и настроением: она наполнена горьким унынием, близким к отчаянию, в то время как в остальных строфах звучит настроение лёгкой грусти и светлой ностальгии. Таким образом, всё стихотворение является развенчанием мифов молодости о «бессмертии в веках» [Дон-Аминадо, 1994, с. 146], о возможности покорения мира и т. д.

В стихотворении нет упоминания России, русского, но, учитывая контекст всего творчества Дон-Аминадо, нетрудно установить, что молодость в его произведениях всегда связана с Россией. В «Признаниях» можно найти детали, характерные для стихотворений о родине: сирень, река. Дон-Аминадо использует слова, ставшие знаковыми при описании молодости и России: радость, угар, нежность, блаженство. Таким образом, можно говорить о том, что мотив ностальгии присутствует в произведении имплицитно.

В стихотворении «Как рассказать...» (1929–1935) лирический герой снова вспоминает Россию. Мотив ностальгии является в стихотворении основным:

Как рассказать им чувство это,
 Как объяснить в простых словах
 Тревогу зимнего рассвета
 На петербургских островах...

[Дон-Аминадо, 1994, с. 152]

Как правило, лирическому герою трудно описать свои чувства к родине. Он не знает, «как рассказать» об этом, как найти нужные слова для того, что бы охарактеризовать в полной мере свои чувства. Его любовь к России настолько сильна, что ему трудно её «объяснить в простых словах». Автору требуются яркие краски, метафоры, эпитеты. Именно поэтому стихотворения Дон-Аминадо о дореволюционной России наполнены особыми цветами, запахами, звуками, что значительно реже встречается в стихотворениях о Франции, эмиграции. В стихотворении «Как рассказать...» автор описывает бег шальной тройки зимним рассветом в Петербурге. Перед глазами читателя встают живые картины: «несётся шальная тройка», «за верстой верста бежит», «пахнет влагой, хвоей, зверем» [Там же, с. 152]. Читатель словно вовлекается в действие, становится соучастником событий, видит Россию глазами автора.

Но лирический герой осознаёт, что старый образ его родины безвозвратно остался в прошлом. В произведениях Дон-Аминадо появляется образ современной России, резко противопоставленный идиллическому образу прошлого, который получит наиболее полное развитие в позднем творчестве поэта (сборник «В те баснословные года», 1951). В стихотворении «Родная сторона» (1926, 1931) автор сатирически изображает советскую Россию:

...В углу профессор учится,
 В другой сапожник влез.

А в третьем гордость нации,
Матрос-головорез.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 140]

Автор высмеивает советскую действительность, политику уплотнений, коллективизации. Она оказывается губительной для нравственности людей, которые становятся озлобленными, агрессивными. Поэт описывает бытовую драку хозяек, не поделивших территорию в коммуналке: «Сапожника жена заехала профессорше бутылкой от вина» [Там же, с. 141]. Советская власть уравнила всех: и профессора, и сапожника, и матроса.

Впервые это стихотворение было опубликовано под заглавием «Жизнь советская». Автор меняет название, заключая в нём противоречие. Читательские ожидания не оправдываются. Заявленная в заглавии тема – «Родная сторона» – не реализована в стихотворении. Дон-Аминадо описывает не родную сторону, а то, во что она превратилась, усиливая, таким образом, контраст между прошлым и настоящим России.

Дон-Аминадо использует излюбленный приём – кольцевую композицию. Конец стихотворения повторяет словесные формулы, данные в начале: «В советской кухне примусы, / Вот именно, горят» [Там же, с. 140]– начало – и «А примусы упорствуют, / А примусы горят» [Там же, с. 141]– конец. Возвращающаяся словесная формула, обогащенная ассоциациями, данными в самом стихотворении, звучит по-новому. Так, автор подчеркивает, что новая эпоха в России проходит под знаком «примусов», которые становятся символом необустроенности жизни, разрушения старых идеалов.

Советская Россия не привлекает и Г. В. Иванова. Там, где начинается СССР, заканчивается родина (стихотворение «Россия, Россия “рабоче-крестьянская”...», 1930). Одна лишь мысль о том, что Россия стала рабоче-крестьянской страной, приводит лирического героя в отчаянье:

Россия, Россия «рабоче-крестьянская» –
И как не отчаяться! –

Едва началось твое счастье цыганское
И вот уж кончается.

[Иванов, т. 1, 1993, с. 278]

Свобода, которой достигла Россия, оказалась призрачной, повсюду царит голод, пустота и разруха. Лирический герой уверен в том, что у этой страны нет будущего, и в скором времени её ждет закат: «Едва поднялось твое солнце холодное / И вот уже клонится» [Там же, с. 278].

Советская действительность вызывает у лирического героя Дон-Аминадо искреннее недоумение. В его восприятии СССР не имеет ничего общего с той Россией, которую он когда-то знал и любит до сих пор. Если с образом дореволюционной России у поэта связаны чувства щемящей ностальгии, искренней грусти и тоски, то советская страна не вызывает ничего кроме насмешки. В стихотворении «Романс» (1934), впервые опубликованном под названием «Московский альбом», Дон-Аминадо высмеивает настоящее идолопоклонство власти:

Прах Дзержинского в стене,
Под Кремлем зарыли.
Прах Менжинского в стене,
Под Кремлем зарыли.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 142–143]

Советские деятели сменяют друг друга на государственном посту, а потом занимают почётные места в некрополе у Кремлевской стены. Поэт не разделяет чувства поклонения и восхищения, подобные захоронения вызывают у него смех, лирический герой с иронией напевает известный романс А. А. Григорьева, искажая строки: «Две гитары за стеной / Жалобно заныли» [Там же, с. 143].

Воспоминания о родине являются неотъемлемой частью жизни любого эмигранта, именно поэтому мотивы ностальгии и воспоминаний являются в сборнике «Нескучный сад» одними из доминирующих. Поскольку родина

ассоциируется у поэта с молодостью и домом, в качестве боковых получают развитие мотивы утраченного счастья, дома, ушедшей молодости.

В целом сборник «Нескучный сад» представляет собой описание жизни русских эмигрантов в Париже. Основные мотивы стихотворений о Париже: эмигрантский быт, потерянность молодого поколения, бессмысленная жизнь старшего поколения, поиск жизненного пути (который сводится от философии к быту). Лирический герой живёт настоящим, изредка, обращаясь к прошлому, вспоминает родину. В стихотворениях о России доминируют мотивы ностальгии, воспоминаний. Им сопутствуют мотивы утраченной молодости, былого счастья, потерянного дома и уюта. Произведения о России и Франции различаются и по настроению. Если стихотворения о родине лиричны, исполнены искренним и щемящим чувством ностальгии, то в злободневных по своей тематике стихотворениях об эмигрантской действительности тон автора ироничен и иногда беспощаден.

3.3. Двойственное отношение к России как основа формирования оппозиционных мотивов

В 1951 г. в Париже вышел последний сборник стихов Дон-Аминадо «В те баснословные года». Его предваряют два эпиграфа: «Я знал её ещё тогда, / В те баснословные года» (Ф. И. Тютчев) и «Серьезность в легкомыслии» (Ш. Бодлер). Как отмечает Л. А. Спиридонова, «они определяют две главные темы сборника: раздумья о родине и её исторических судьбах и апофеоз весёлого смеха, спасающего от ужаса жизни» [Спиридонова, 1999, с. 281]. В сборнике Россия – прежде всего советская страна. Лишь изредка она предстаёт в туманной дымке ностальгических воспоминаний. Название сборника определяет темы вошедших в него стихотворений: в основном, это воспоминания о прошлом. Поэтому мотивы эмигрантской жизни практически не звучат в стихотворениях сборника.

Автор, обращаясь к прошлому России, восстанавливает основные исторические события, оказавшиеся знаковыми в её судьбе. Так, в стихотворении «Пролегомены» (1932) он вспоминает этапы русского освободительного движения – от 1905 г. до Октября 1917 г. Стихотворение представляет собой перечисление основных вех истории России конца XIX–начала XX века. Текст пестрит известными именами эпохи: Степняк-Кравчинский, Андреев, Горький, Санин, Брюсов, Ленин, Есенин, Блок. Перед читателем проходит целая галерея лиц, оказавшихся знаковыми в жизни страны. Автор использует цитаты, аллюзии, чтобы наиболее точно передать атмосферу того времени:

Долой Пушкина и Белинского,
 Читайте Степняка-Кравчинского! <...>
 Бьют отбой символисты.
 Идут толпой футуристы.
 Паника. Давка. Страх.
 Облако, всё в штанах!

[Дон-Аминадо, 1994, с. 152–153]

Чётко прослеживаются этапы общественной и культурной жизни до Октябрьской революции: нигилизм, модернизм, ницшеанство, символизм, футуризм. Общий тон стихотворения ироничен. Автор иронизирует над тем, как быстро менялись предпочтения тогдашней интеллигенции, какой разброс был в обществе. Жизнь напоминала бешеную гонку, непрерывный поиск.

Символично название стихотворения – «Пролегомены». Автор словно указывает на то, что все происходившие в начале XX века события являются своеобразным предисловием, введением в историю России нового столетия, прошедшего под знаком советской власти – серпа с молотом. Таким образом, подчёркивается историческая закономерность и неизбежность событий.

Воспоминания героя о России лишены лиризма и ностальгии. Лирический герой является в стихотворении сторонним наблюдателем. Он всего лишь констатирует факт истории, иногда иронизируя над своими

соотечественниками. В начале 1930-х годов, по справедливому замечанию А. Г. Соколова, «для Европы вообще и, конечно, для русской эмиграции в частности всё более и более становился характерным интерес к культуре Советской России и вообще к жизни Республики Советов» [Соколов, 1991, с. 21]. В поэзии Дон-Аминадо мотив советской России становится одним из частотных.

Если «Прологомены» – это некий пролог истории, то стихотворение «1917» (1930-е) показывает, к чему пришла Россия в результате долгих поисков. Стихотворение мрачно и пессимистично по своей окраске. Лирический герой не принимает революцию, большевистский переворот он оценивает как обращение вспять, к татаро-монгольскому игу. Большевики, по его мнению, нанесли разрушительный удар стране:

Один курган. Другой курган.
А в мире ночь. Седой туман.
Протяжный вой. Курганов цепь.
Метель. Пурга. Татары. Степь.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 154]

Контрастными являются начало и конец стихотворения. Первые строки настраивают читателя на восприятие лирического текста, наполненного ностальгическими воспоминаниями о молодости: «Какой звезды сиял нам свет / На утре дней, в истоках лет...» [Там же, с. 154]. В последней строфе автор изображает печальную картину: «Один курган. Другой курган» [Там же, с. 154]. Молодость и все мечты оказались погребёнными. Курганы-могильники стоят по всей России. В них скрыты тела расстрелянных в годы Гражданской войны и сталинских репрессий. Вся Россия видится поэту одним большим курганом. Так, в стихотворении мотив ностальгии переходит в мотив войны, разрушения, смерти.

В произведениях писателей-эмигрантов часто советская действительность подвергается осмеянию, как отмечает Л. А. Спиридонова, «отличительной чертой сатиры русского зарубежья стала её политизация»

[Спиридонова, 1994, с. 53]. В стихотворении «Беловежская пуца» (1938) Дон-Аминадо резко сатирически изображает заседание Верховного Совета в СССР:

Сидят академики с тухлой наружностью,
 Ядрёные бабы с немалой окружностью,
 Курносые маршалы, чуть чернозёмные,
 Степные узбеки, коричнево-тёмные.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 154]

Название стихотворения не соотносится напрямую с его содержанием. Автор использует его в метафорическом значении: советская власть для него представляет собой заповедник – образец дикой природы.

Автор иронизирует и над символом советской власти: «Красуется серп с историческим молотом. / Тем самым, которым, согласно теории, / Весьма колотили по русской истории» [Там же, с. 154]. Советская власть в понимании лирического героя – прежде всего власть силы, поддерживающая людей в страхе, основным орудием этой власти является насилие. Он со стороны наблюдает за советской Россией и выносит свой суд.

Такое отношение к советской России было характерно для многих писателей-эмигрантов. «Эмигрантскую литературу – и поэзию – создала советская власть» [Витковский, 1995, с. 7], ведь именно от этой власти пришлось бежать представителям российской интеллигенции. Поэтому вполне закономерно то, что мотив советской России является сквозным в поэзии русского зарубежья.

В поэзии С. Чёрного советская Россия представлена как мёртвая страна, в которой забыто и умерло всё прекрасное наследие предыдущих столетий. В стихотворении «Тургеневские девушки в могиле» (1926) поэт создаёт весьма непривлекательный образ, который не имеет ничего общего с той страной, которая когда-то была родной и воспоминания о которой вызывали чувство щемящей ностальгии и тоски:

Мир фактов лют: коннозаводстве красном

Аборты, сифилис, разгул и детский блуд,
 Статистикой подсчитаны бесстрастной,
 Давно вошли в марксистский их уют...

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 130]

Метафорично характеризуя жизнь в «новой» России, С. Чёрный сравнивает её с хлебом. Трагизм ситуации усиливается тем, что жизнь в эмиграции в восприятии лирического героя оказывается не намного лучше, хоть и «вуаль здесь гуще, сдержаннее жест» [Там же, с. 130]. Поэт даёт намек читателю на то, что если присмотреться внимательнее к жизни в эмиграции, то, наверное, окажется не слаще существования в новой России.

Мотив неприятия советской России получает выражение и в сатирических стихах С. Чёрного. В произведении «Красная бабушка» (1925) автор смеётся над героиней стихотворения, которая прославляет жизнь в СССР и его «прекрасный строй» [Там же, с. 207]. Портрет «красной бабушки», который рисует С. Чёрный, напоминает образы советских политиков, описанные в стихотворении Дон-Аминадо «Беловежская пуща». Внешний облик героини, созданный в первой строфе стихотворения, настраивает читателя на негативное восприятие бабушки, её внешность является непосредственным отражением её внутреннего мира:

Подрубленных волос лохмато-серый круг,
 Глаза сознательной, тупой марксистской жабы
 И в нижней челюсти, широкой, как битюг,
 Упорство деревенской старой бабы.

[Там же, с. 207]

«Красная бабушка» пытается убедить своих слушательниц, немок, что в России жизнь прекрасна и всё, что пишут в эмигрантских газетах – сплошная ложь. В новой России «крестьяне обжираются икрой» [Там же, с. 207], «интеллигенция ликует от восторга» [Там же, с. 208]. Но героиня умалчивает о том, «что сын её – персона в чрезвычайке», «дочь её – предатель и шпион» [Там же, с. 207–208]. В своём стихотворении С. Чёрный

подводит читателя к мысли о том, что в этой стране процветают только лживые люди, забывшие о таких понятиях, как честь, достоинство и патриотизм. В заключительной строфе автор открыто выражает своё негодование, используя яркие метафоры: «...этот старый, наглый гамадрил / Живёт и шамкает и брызжет красной ложью» [Чёрный, т. 2, 1996, с. 208]. Таким образом, к мотиву неприятия советской России присоединяется мотив лжи и обмана, в котором вынуждены жить люди.

Ещё более остро воспринимает советскую действительность В. В. Набоков. В его стихотворении «Каким бы полотном батальным ни являлась...» (1944) весьма резко выражена авторская позиция неприятия СССР, звучит мотив непримиримости с действительностью:

...какой бы жалостью душа ни наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь
со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немого рабства – нет, о нет...

[Мы жили ... , кн. 2, 1995, с. 268]

Лирический герой готов даже отказаться от воспоминаний о своей родине, от ностальгии по прежней России, чтобы понапрасну не тревожить свою память и не лишиться уверенности в том, что новая Россия – это страна немого рабства, мерзости и жестокости.

В. Горянский называет современную советскую Россию «замерзшим краем», в котором жизнь остановилась, буквально умерла (стихотворение «Замороженный край»). Когда-то благоухавшая и процветавшая страна теперь спит «в недобром сне» [Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 260], время в ней навсегда остановилось.

Советская история, по мнению Дон-Аминадо, это путь назад: новая власть не могла привести Россию к прогрессу. В стихотворении «Искания» (1936) поэт снова сатирически изображает советскую власть:

Какая-то личность в простом пиджаке
Взошла на трибуну с тетрадкой в руке <...>

И сорок минут говорила подряд,
 Что все мы идём, очевидно, назад.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 156]

Мотивы поиска, пути в стихотворении приобретают ироническое звучание. Путь лишён смысла. Все «искания» человечества оказываются пустыми. Примечательно, что в стихотворении автор не указывает, кто конкретно говорит с трибуны, он ограничивается лишь фразой «какая-то личность». Таким образом, акцентируется внимание читателя на том, что историю творят неизвестные люди, а народу совершенно всё равно, за кем идти, и куда идти. Люди согласны даже идти назад. Таким образом, подчеркивается усталость людей от переворотов в стране, преобладание безразличия к её судьбе.

Непримиримое отношение Дон-Аминадо к советской России повлияло в его позднем творчестве и на развитие мотива ностальгии и памяти о родине. Лирический герой по-прежнему в своих воспоминаниях возвращается в дореволюционную Россию. Но необходимо отметить, что в стихотворениях сборника «В те баснословные года» Дон-Аминадо значительно реже вспоминает старую Россию, чем в предыдущие годы. Постепенно на смену мотиву ностальгии приходит мотив памяти. Теперь у лирического героя прошлое ассоциируется скорее не с дореволюционной Россией, а с молодостью и первой любовью, поэтому и вспоминает он не родину, а прежние годы, когда он был молод и счастлив.

Стихотворение «Лирический антракт» (1939) представляет собой поток воспоминаний, обращение героя к прошлому. Название стихотворения отражает не только его основной настрой – лиризм, но и более широко характеризует жизнь лирического героя: он оказывается настолько уставшим от быта, жизни в эмиграции, что с радостью погружается в воспоминания. Такая пауза, «лирический антракт», позволяет герою отдохнуть и насладиться если не настоящим, то хотя бы прошлым. Основным в стихотворении является мотив воспоминания:

Что с того, что стрелой
 Краткий век наш промчался. <...>
 Вообще ж говоря,
 Просто вспомнить приятно.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 162]

К основному присоединяется вторичный мотив быстротечности времени, невозможности возврата в прошлое. Но при этом лирический герой не впадает в уныние, он ценит то, чем обладает, пусть это даже всего лишь воспоминания. Ведь память о прошлом наполняет жизнь надеждой на будущее, верой в лучшее. Это возможность уйти от настоящего, «безнадежности», в прошлое, наполненное «сумасшедшей нежностью» [Там же, с. 162]. Таким образом, прошлое и настоящее оказываются контрастно противоположными в эмоциональном восприятии лирического героя.

В ностальгических стихотворениях о России Дон-Аминадо всегда использует яркие краски и насыщает свои произведения неповторимыми «русскими» ароматами. Поэтому, учитывая эту особенность его творчества, можно утверждать, что стихотворение «Летняя запись» (1928) посвящается именно русскому лету:

Лето пахнет душным сеном,
 Сливой тёмною и пыльной,
 Бледной лилией болотной,
 Тонкостанной и бессильной.

[Там же, с. 159]

Это стихотворение по-своему уникально. Автору удаётся передать ностальгические чувства, ни разу не назвав Россию. Но читатель, знакомый с его творчеством, сразу определит «излюбленные» запахи писателя: сено, земля, лес, смоль, мох. Из одних запахов автор рисует яркую, полную картину лета на своей родине. Вспоминая каждый запах, лирический герой по крупицам восстанавливает своё прошлое. Мотивы воспоминания и ностальгии можно выделить в качестве основных.

Мотивы утраченной молодости и ушедшей любви звучат в стихотворении «Amo-Amare» (1930-е). Вновь возвращаясь в прошлое, лирический герой с ностальгией вспоминает свою молодость:

Забуть ли счастливейших дней ореол,
 Когда мы спрягали в угаре
 Единственный в мире латинский глагол –
 Amare, amare, amare?!

[Дон-Аминадо, 1994, с. 159]

В данном стихотворении любовь и молодость становятся контекстуальными синонимами. Только юное сердце способно любить так безоглядно, страстно и доверчиво. Только для молодых «боги <...> сплетали венец», «звёзды светили ярко» [Там же, с. 159], и весь мир лежал у ног влюблённых. В стихотворении Дон-Аминадо вновь использует один из своих любимых образов-символов – сирень. «А город лиловый сиренью цветет, / Как в первые дни мирозданья» [Там же, с. 159] – цветущая сирень олицетворяет собой молодость, «весну» природы и человеческой жизни.

Радость воспоминаний сменяется грустью, когда лирический герой возвращается в настоящее. Отрезвляющий «ветер пустынь» напоминает, что молодость прошла, «сердце всё медленней бьётся» и «весна уже никогда не вернётся» [Там же, с. 159]. К основным мотивам ностальгии, воспоминаний и утраченной молодости присоединяются боковые мотивы старости, одиночества и угасания жизни. Лирический герой вынужден «приучать к смиренности» своё бунтующее сердце и быть покорным безжалостной судьбе.

В позднем творчестве других поэтов, современников Дон-Аминадо, мотивы ностальгии также утрачивает своё первостепенное значение. Становится общей тенденция не только сознательного отказа от грусти и тоски по родине, но даже отречения от России как таковой, поскольку прежней страны, родины, для поэтов больше не существует. Одной из самых распространённых в поэзии эмигрантов становится словесная формула «России нет», получающая различные модификации в творчестве разных

писателей. Поэты не признают современную им действительность, советскую власть, а значит, Россия осталась навсегда в прошлом, в настоящем её просто нет.

В. Горянский в стихотворении «В той стране...» называет Россию страной, которой нет. В стихотворении основным является мотив обреченности. Поэт создает мрачные картины жизни новой России, которая кажется абсолютно беспросветной:

Холод сердца, опыт пошлый,
Глен пещеры гробовой.

[Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 259]

Поэту близка точка зрения Дон-Аминадо, считавшего, что путь советской России – это путь назад, регресс («Искания»). По мнению В. Горянского, в СССР «жизнь идёт обратным ходом» [Там же, с. 259]. При этом поэт не оставляет ни малейшей надежды на то, что это может измениться и Россия получит шанс возродиться. Ведь как может существовать, возрождаться, развиваться то, чего нет? Строка «в той стране, которой нет» трижды повторяется в стихотворении, заставляя поверить в неоспоримость этого факта.

Образ несуществующей России представлен и в поэзии Г. В. Иванова. В его стихотворениях не раз повторяется устойчивая формула «нет России»:

Россия счастье. Россия свет.

А, может быть, России вовсе нет. («Россия счастье. Россия свет...»), 1931) [Иванов, т. 1, 1993, с. 299]

Хорошо, что нет Царя.

Хорошо, что нет России. («Хорошо, что нет Царя...»), 1930) [Там же, с. 276]

И нет ни России, ни мира... («Закроешь глаза на мгновенье...»), 1930) [Там же, с. 275]

«Перед нами не эмигрантская тоска по географическим пределам, но та самая экзистенция, которая стремится к Ничто, переносится в сферу

метафизического» [Калашников, 2006, с. 182]. Чтобы не вспоминать о прежней жизни, ещё больше осознавая своё несчастное положение эмигранта, лирический герой Г. В. Иванова словно пытается себя убедить в том, что России вовсе нет, а, возможно, никогда и не было. В указанных выше стихотворениях основными становятся мотивы обреченности и отречения от собственной родины. Ностальгия – это не самое страшное и горькое чувство. Рассматривая это стихотворение в контексте творчества поэта, В. С. Баевский отмечал: «Оказывается, может быть нечто ещё более страшное; отсутствие ностальгии. Такая боль по родине, что приходится себя уговаривать, что родины нет и боли нет» [Баевский, 1996, с. 215]. В стихотворении «Мне больше не страшно...» (1952) лирический герой буквально произносит слова отречения от России: «И вашей России не помню / И помнить её не хочу» [Иванов, т. 1, 1993, с. 422].

Примечательно, что Г. В. Иванов использует притяжательное местоимение второго лица в форме множественного числа, проводя, таким образом, чёткую грань между собой и всеми, кто грустит и вспоминает о России.

Мотив отречения от родины звучит в стихотворении В. В. Набокова «К России» (1939). Уже в первой строке заявлено непримиримое отношение к новой России, нежелание иметь такую родину: «отвяжись, я тебя умоляю!» [Поэзия русского зарубежья, 2001, с. 101]. В памяти лирического героя всё ещё живёт образ любимой родины, но если раньше герой не видел ничего противоестественного в тоске по России, то теперь он приходит к пониманию того, что «за горе, за муку, за стыд» [Там же, с. 102], которые пришлось пережить в изгнании, он никогда не сможет простить свою родину. Лирический герой готов отречься от собственного имени, даже от родного языка, чтобы оборвать все связи с бывшей родной страной. Таким образом, в стихотворении «К России» герой отрекается не только от советской страны, а от России как таковой.

Не может признать советскую Россию и М. И. Цветаева. Для неё, как и для многих других, Россия навсегда прекратила своё существование, вместе с ней остались в прошлом молодость и счастье. В стихотворении М. И. Цветаевой «Страна» (1931) встречаем всё ту же устойчивую формулировку:

Той, где на монетах –
 Молодость моя,
 Той России – нету.
 – Как и той меня.

[Цветаева, т. 2, 1994, с. 291]

Для лирической героини осознание того, что родина навсегда утрачена, становится трагедией, поскольку именно с родной страной она ассоциирует всю свою прежнюю жизнь. Без той России нет и её самой.

Рассматривая произведения сборника стихов Дон-Аминадо «В те баснословные года» в контексте творчества его современников, можно сделать вывод, что в этот период образ России в поэзии эмигрантов получает двойственную трактовку. С одной стороны, Россия – это советская страна, которая не имеет ничего общего с той родиной, о которой вспоминают поэты. С другой стороны, Россия представляет собой родную страну, которая связана с молодостью, самыми прекрасными и счастливыми годами жизни. В результате формируется пара оппозиционных мотивов: неприятия России / памяти о родине. При этом в данный период развития эмигрантской литературы мотив ностальгии, когда-то бывший ведущим, становится вторичным. В качестве основных выделяются мотивы непримиримости с советской действительностью, отказа от новой России. В стихотворениях Дон-Аминадо о советской России основными являются мотивы разрушения, смерти, неприятия. В произведениях, посвящённых жизни в дореволюционной России, доминируют мотивы памяти, утраченной молодости, мотив ностальгии, как правило, присутствует лишь подтексте.

3.4. Эмигрантский быт как основа развития мотивов бессмысленности жизни и потерянности молодого поколения

В позднем творчестве Дон-Аминадо память о дореволюционной России становится всё слабее, всё чаще в стихотворениях автор обращается к настоящему. В сборнике «В те баснословные года» значительное внимание уделяется эмигрантской жизни. Если раньше жизнь в эмиграции пугала лирического героя своей пустотой, бессмысленностью, то теперь он смирился с ней и даже находит какие-то положительные моменты. Так, идеалом для него становится быт, наполненный спокойствием и уютом, напоминающим идиллию провинциальной России до революции.

Мотив эмигрантской жизни доминирует в стихотворении «Идиллия» (1936). Автор идеализирует быт: «Я раскладывал пасьянсы, / Ты пила вприкуску чай» [Дон-Аминадо, 1994, с. 157]. Поэт подмечает в стихотворении те «маленькие чёрточки, из которых и складывается простая человеческая жизнь, ощущение счастья» [Брызгалова, 1998, с. 55]. Жизнь наполнена тихой гармонией. Но в то же время лирический герой понимает, что ждал от жизни большего:

И хотя порой сжималось
Где-то сердце много крат,
В общем, жизнь утрамбовалась,
Утряслась, как говорят.

[Там же, с. 157]

Лирическому герою стоило больших трудов усмирить своё бунтующее сердце. Умиротворение в быту далось ему нелегко, именно поэтому он так им и дорожит: счастье эмигранта очень хрупко. В стихотворение вводится мотив судьбы-игры. В первой строфе упоминается раскладывание пасьянса. В данном случае имеется в виду обычная карточная игра. В пятой строфе снова упоминается пасьянс, при этом происходит переосмысление: жизнь представляется раскладыванием пасьянса. Неизвестно, удастся ли достигнуть

нужного финала, добиться необходимых комбинаций карт. Но главным для лирического героя является критерий честности, он с достоинством признаёт, что прожил жизнь честно и пасьянс его жизни будет разложен без жульничества:

Что там дальше, неизвестно...
 Вероятнее всего,
 Мы пасьянс закончим честно,
 Неизвестно для чего.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 157]

Единственное, что огорчает лирического героя – это отсутствие цели в жизни («неизвестно для чего»). Печально, что жизнь сводится исключительно к раскладыванию карт. Лирический герой не столько идеализирует свой быт, сколько пытается себя убедить в том, что он идеален, несмотря на все недостатки. В стихотворении звучат мотивы бессмысленности, неизвестности. Жизнь в эмиграции представляется лишённой всякого духовного начала, сводится к быту. И несмотря на то, что она наладилась, «утраслась», его это не прельщает, ведь в жизни нет главного – цели, смысла.

В качестве вторичного появляется мотив судьбы детей эмигрантов, характерный для стихотворений о жизни во Франции. В «Идиллии» появляется сквозной в творчестве Дон-Аминадо образ мальчика Коли. Обращаясь к общей для сатириконцев идее детства, Дон-Аминадо создал запоминающийся образ мальчика Коли Сыроежкина, ставшего героем таких его произведений, как «То, чего не знает Коля» (1927), «В альбом» (1927), «Домашнее» (1927), «Коля Сыроежкин» (1926), «Крик души» (1926), «Дневник Коли Сыроежкина» (1927) и др.

Образ мальчика Коли был настолько живым и удачным, что все его сразу полюбили и поверили в него: «Дон Аминадо создал тип эмигрантского денационализировавшегося мальчика – Колю Сыроежкина, и мы

наслаждались этим Колей, который постепенно стал для нас как бы живым существом» [Седых, 1995, с. 88], – пишет А. Седых.

«Дитя эмигрантское» являет собой образец денационализации молодого поколения. Поэт с грустью констатирует, что эмигрантские дети вырастают совершенно оторванными от России: «Средним вырастет французом / Этот самый Колька наш» [Дон-Аминадо, 1994, с. 157]. Горько осознавать, что дети не просто не ассоциируют себя с Россией, но даже о своих дедах и отцах будут вспоминать изредка, «и то с конфузом» [Там же, с. 157], стесняясь, или даже стыдясь своего русского происхождения. Таким образом, в стихотворении проводится мысль о хрупкости и зыбкости идиллии эмигрантского быта.

Тема детства занимает особое место в творчестве писателей-эмигрантов. Дети являются олицетворением новой жизни, её продолжением, смыслом жизни для эмигрантов. Однако мотив детства получает разноплановое развитие в творчестве разных авторов. Так, например, для С. Чёрного на протяжении всего творческого пути дети оставались идеалом. Некогда созданная им самим формула жизненного и эстетического идеала «дети, звери и народ» [Чёрный, т. 1, 1996, с. 96] была актуальной на протяжении долгих лет, даже в эмиграции. Стихотворения С. Чёрного, в которых доминирует мотив детства, пронизаны особым лиризмом. Именно дети заставляют лирического героя поверить в лучшее, вселяют в сердце надежду. Неслучайно поэтому целый раздел стихотворений, который был создан в эмиграции и в котором мотив детства является одним из основных, называется «Утешение».

Лирический герой С. Чёрного не относится к детям свысока, не пытается их воспитывать или провести грань между поколениями отцов и детей. В его произведениях дети – это соратники, единомышленники. Лирический герой играет с детьми, проводит с ними время на равных («Беспечный день», «Дети»), называя их друзьями. Стихотворение «Маленькому другу» (1925) посвящено пятилетней девочке, с которой герой

готов нянчиться и дружить. В отличие от денационализированного Коли Сыроежкина, девочка из стихотворения С. Чёрного знает русский язык:

Твои слова смешные
 На русском языке,
 Как ласточки родные
 Над кровлей вдалеке.

[Чёрный, т. 2, 1996, с. 266]

Слыша слова на родном русском языке из уст ребёнка, лирический герой чувствует особую радость и трепет. К основному мотиву детства присоединяется мотив памяти о родине, который получает развитие в конце стихотворения. В его последних строках высказана надежда лирического героя на то, что когда-нибудь эта девочка будет в России и вспомнит о своём друге, который когда-то в детстве с ней нянчился и разговаривал на русском языке. Так, с образом детей в лирике С. Чёрного связана надежда на возрождение России.

Образ детей ассоциативно связан с продолжением жизни, надеждой на лучшее и в творчестве В. С. Булич, поэтессы, эмигрировавшей из России в первые послереволюционные годы. Наблюдая за весенним пробуждением природы, лирическая героиня стихотворения «Жизнь продолжается» (1954) с радостью осознаёт то, что в этом мире есть, ради чего жить. На основной мотив прославления жизни нанизывается мотив смерти, которая, как и всё остальное в жизни, неизбежна. Но даже понимая то, что приближающаяся весна настанет не для глаз героини, а для других – «для глаз живых», на душе она чувствует лёгкость:

...Птицы поют на кудрявых ветвях,
 Дети играют в зелёных садах.
 Жизнь продолжается, жизнь жива!

[Мы жили ... , кн. 2, 1995, с. 213]

Символом продолжения жизни в стихотворении является не только приближающаяся весна, но и дети, при виде которых лирическая героиня понимает: «жизнь жива!».

Однако в творчестве писателей-эмигрантов образ детей имеет и другую трактовку. Проживая и воспитываясь за границей, дети русских эмигрантов были лишены возможности слышать постоянно русскую речь. В связи с этим они выросли оторванными от своих русских корней, и это было настоящей национальной трагедией для эмигрантов, поскольку «нерусская среда постоянного общения не могла не сказаться на менталитете эмигрантской молодёжи» [Доронченков, 2001, с. 94], «большая часть детей эмигрантов выросла двуязычными и с двойным самосознанием – русским и той страны, которая предоставила им приют» [Раев, 1994, с. 14].

В творчестве Дон-Аминадо мотив детства соединяет в себе два противоположных начала. С одной стороны, дети – это символ радости и продолжения жизни. Как правило, такое отношение к детям прослеживается в прозаических произведениях («Коля Сыроежкин» (1926), «Крик души» (1926) и др.) Как отмечает Е. Н. Брызгалова, «автор не ждёт от них подвоха, и их шалости, бесконечные вопросы, неуёмная энергия воспринимаются им как противовес бесконечным жалобам взрослых» [Брызгалова, 2006, с. 105]. В стихотворных же произведениях («Вершки и корешки» (1933), «Идиллия» (1936) и др.) мотив детства связан с оторванностью молодого поколения от родины и угасанием жизни взрослых. Примечательно, что эта оторванность воспринимается лирическим героем стихотворений не как трагедия, а как данность и неизбежность эмигрантской жизни.

Своеобразным идеалом быта в поэзии Дон-Аминадо становится домашний «угол». Эта идея лежит в основе стихотворения «Свой угол» (1936). Мотив дома, уюта, спрятанного от суетного мира, - основной в этом стихотворении. Как об истинном блаженстве лирический герой говорит о постижении жизни на основе личного опыта, проникновения «в круговорот

вещей». К основному присоединяются вторичные мотивы самопознания и гармонии с миром:

Но был воистину блажен
Лишь тот, кто в жажде совершенства, <...>
Вкушал нехитрые плоды <...>
И старых циников труды
Читал лениво по-латыни.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 158]

Примечательно, что лирическому герою близкими оказываются труды именно философов школы киников, выдвигавших идеал безграничной духовной свободы индивида и с пренебрежением относившихся ко всяким социальным связям. Герой сам буквально проповедует отказ от общественной жизни, воспекает жизнь «без суеты и без заботы» [Там же, с. 158].

Но как бы ни старался лирический герой убедить себя в том, что и тихий быт прекрасен, настроение грусти и тоски охватывает его при размышлениях о прожитой жизни. В стихотворении «Короткая повесть» (1928) основным является мотив смерти, старости. Повторяющимся рефреном звучат слова: «А сад в бреду. Он умирает. Дом заколочен. В доме тьма» [Там же, с. 160]. Автор использует один из своих излюбленных приёмов – парцелляцию, которая в данном случае акцентирует внимание на неизбежности гибели живого. В качестве бокового можно выделить мотив бездомности, потерянности, пустоты. Заколоченный пустой дом приобретает символическое значение и олицетворяет собой бесприютность лирического героя в мире, где царит «сентябрьский тлен». Поколение эмигрантов так и не приобрело настоящий дом во Франции, Россия навсегда останется единственной родиной.

Характерным для творчества Дон-Аминадо символом старости и смерти является осень («Сентябрьские розы» (1928), «Сентиментальная

запись» (1927), «Без заглавия» (1926) и др.). В данном стихотворении автор остаётся верен себе:

И, чуя гибели предтечу,
Сентябрьский тлен и смертный прах,
Тревожно ласточки щебечут
На телеграфных проводах.

[Дон-Аминадо, 1994, с. 160]

Лирический герой ощущает невозполнимую утрату молодости, и вся жизнь представляется ему «короткой повестью». С подобным восприятием жизни мы встречались и в другом стихотворении – «Сентиментальная запись» (сборник «Накинув плащ»). В нём, лирический герой, обращаясь к прошлому, словно по странице перелистывал «знакомую повесть» своей жизни «главу за главой». Общим для этих стихотворений является настроение грусти, ощущение неминуемой старости.

Одним из самых горьких стихотворений об эмигрантской жизни является «Послесловие» (1938), в котором автор произносит жестокий суд себе и своему поколению. Это не просто послесловие, а некая авторская исповедь и даже эпитафия. Стихотворение состоит всего из одной строфы:

Жили. Были. Ели. Пили.
Воду в ступе толкли.
Вкруг да около ходили,
Мимо главного прошли.

[Там же, с. 161]

Фольклорный зачин «жили-были» неслучайно расчленён точкой. Такое разделение придаёт значение подведения итога жизни, которая свелась к существованию, времяпрепровождению, толчению воды в ступе. Глаголы «ходили – прошли» афористически точно выражают главную горестную мысль: «Мимо главного прошли». Как отмечает А. В. Бахрах, «эти три слова как бы отражали отношение Аминадо к современной ему истории, да и к собственной биографии» [Бахрах, 2005, с. 397]. В них видны сомнения и

раздумья о смысле жизни. Одним четверостишием Дон-Аминадо развенчал созданный им самим миф об идеальном быте, в котором так хотел спрятаться лирический герой от мирской суеты. Мотив бессмысленности эмигрантской жизни является основным в стихотворении, на него нанизываются мотивы поиска жизненного пути, отсутствия смысла жизни.

Такое мрачное восприятие эмигрантской действительности нередко встречается и в произведениях других поэтов. В. С. Варшавский в этой связи отмечал: «Люди на чужбине так же чахнут, как пчёлы вдали от родного улья. Не участвуя по-настоящему в жизни общества, эмигрант лишен всех тех сил жить и действовать и того чувства укреплённости в чем-то прочном, которые даются таким участием. Как определить, что овладевает тогда душой? Скука, тоска, невыносимое чувство остановки жизни, томительные, сводящие с ума головокружения пустоты» [Варшавский, 2010, с. 159].

Беспросветной и бессмысленной представляется жизнь в эмиграции лирическому герою стихотворения И. Британа «В полях изгнания горит моя звезда». Мотив изгнания доминирует в стихотворении, он заявлен в первой строке произведения. На него нанизываются остальные мотивы: быстротечности времени, ненужности, поиска смысла, смерти. В стихотворении преобладают вопросительные конструкции, начинающиеся с вопросительных местоимений: куда, когда, кому, какая. Чем больше лирический герой задает вопросов, тем сильнее растёт его уверенность в бессмысленности жизни, это подчёркивается, прежде всего, на лексическом уровне: «бессмысленно навязанный билет», «ненужных станций», «не всё ль равно» [Мы жили ... , кн. 1, 1995, с. 183]. Мотив изгнания, заявленный в начале произведения, повторяется в заключительной строке, окончательно убеждая в безнадёжности и беспросветности жизни.

Мотивы поиска смысла жизни и осознания бессмысленности звучат и в эмигрантской лирике Г. В. Иванова. В стихотворении «Для чего, как на двери небесного рая...» основным становится мотив поиска. Лирический герой задаётся вопросами о том, почему мир устроен именно так, а не иначе, для

чего он создан и зачем в нем существует он сам. Герой не находит исчерпывающего ответа на свои вопросы, ему ясно лишь одно: всё это существует лишь «для того, чтобы вновь умереть» [Иванов, т. 1, 1993, с. 281]. Он с безнадежностью осознает, что в этом мире он больше не будет счастлив. Мотив усталости нанизывается на основной мотив поиска: «утомительный день утомительно прожит» [Там же, с. 281].

В стихотворении Г. В. Иванова «Рассказать обо всех мировых дураках...» к мотиву поиска смысла присоединяется мотив безразличности не только к своей судьбе, но и ко всему, что происходит и будет происходить в этой жизни:

Для чего?
Тишина под парижским мостом.
И какое мне дело, что будет потом.

[Там же, с. 328]

В этом небольшом стихотворении из пяти предложений три являются вопросительными. При этом ни на один из заданных вопрос лирический герой не даёт ответ, объясняя это своим безразличием и равнодушием к жизни. В целом тон стихотворения Г. В. Иванова оказывается мрачным и пессимистичным.

Мотивы бессмысленности и безразличия становятся основными в стихотворении Ю. Трубецкого «В Петербурге, давным-давно...». Лирический герой становится безразличен не только к унылой и бессмысленной эмигрантской жизни, но даже к воспоминаниям о родине, о Петербурге. Если раньше они согревали его душу, то теперь он понимает: бессмысленно мечтать о том, что никогда не сбудется:

Для чего ты о прежнем бредишь?
Всё равно туда не поедешь,
А куда? Не всё ли равно?

[Мы жили ... , кн. 2, 1995, с. 376].

Эмигранту уже совершенно безразлично, где быть, о чём мечтать, потому что ни в жизни, ни в мечтах он не видит смысла. Строки из стихотворения Ю. Трубецкого созвучны знаменитым строчкам из стихотворения М. И. Цветаевой «Госка по родине...» (1934). «Мне совершенно всё равно – / Где совершенно одинокой / быть» [Цветаева, т. 2, 1994, с. 315], – утверждает лирическая героиня стихотворения. Мотив безразличия становится в произведении основным, звучание его усиливается за счёт рефрена «всё равно», который повторяется в стихотворении четыре раза.

Таким образом, мотивы бессмысленности жизни, безразличия, смирения с положением эмигранта, присутствующие в стихотворениях Дон-Аминадо, являются характерными и для произведений его современников. Своеобразие развития этих мотивов в лирике Дон-Аминадо заключается в том, что герой стихотворений, с грустью осознавая бессмысленность жизни, всё же пытается найти в ней хоть какие-то радости. Его стихотворения нельзя назвать абсолютно пессимистичными.

Сборник стихов «В те баснословные года» Л. А. Спиридонова называет итоговым в рамках всего творчества Дон-Аминадо, поскольку многие включённые в него стихотворения носят исповедальный характер.

В ходе анализа сборника «В те баснословные года» можно проследить эволюцию творчества писателя. Если в предыдущих эмигрантских сборниках преобладали мотивы ностальгии, воспоминаний, приятия жизни, обновления, веры в светлое будущее, то теперь основными становятся мотивы эмигрантской жизни, бессмысленности существования вне Родины, потерянности молодого поколения, идеализации быта.

Образ дореволюционной России встречается в стихотворениях Дон-Аминадо всё реже, в связи с чем и мотив ностальгии уходит на периферию, становясь вторичным. В сборнике «В те баснословные года» поэт обращается не только к эмигрантскому быту, но и подробно останавливается на российской истории. Примечательно, что большинство стихотворений о

России носят не лирический, а сатирический характер: это либо попытка охарактеризовать основные вехи дореволюционной истории, либо описание жизни в советской России. Лирические стихотворения, наполненные щемящими ностальгическими воспоминаниями, оказываются в этом сборнике единичными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании проанализирована мотивная структура лирики Дон-Аминадо, включая дореволюционное и эмигрантское творчество писателя. Впервые поэтическое творчество и художественный мир автора представлены с точки зрения комплексного мотивного анализа. В соответствии со взятым за основу теоретическим понятием мотива, предложенным Б. В. Томашевским, в диссертационной работе выявляются основные мотивы в творчестве писателя, прослеживается эволюция смены ценностей, ориентиров и приоритетов автора в разные исторические периоды.

В результате проведённого исследования решены задачи, поставленные во введении диссертации. В дореволюционном сборнике стихов «Песни войны» в качестве основного выделяется мотив войны, имеющий три разные модификации (война воображаемая, война реальная, и война как угроза всему миру). В последующих сборниках этот мотив не получает своего развития. Однако связь между дореволюционным и эмигрантским творчеством очевидна. Поэту всегда было свойственно неодноплановое восприятие действительности, двойственное видение мира. Эта особенность отразилась в эмигрантской поэзии Дон-Аминадо, а именно в многогранном восприятии жизни. Лирический герой дореволюционной поэзии не чувствует духовного единения с Отечеством и не осознаёт, за что же он воюет. Возможно, именно такое отношение к России в более зрелом эмигрантском творчестве стало причиной двойного видения родины: Дон-Аминадо скучает по ней и вместе с тем смеётся над современной Россией.

В процессе анализа эмигрантских стихотворных сборников Дон-Аминадо выявлены основные мотивы в творчестве писателя. В первом сборнике стихов «Дым без отечества» воспоминания о России свежи и отчётливы. В стихотворениях преобладают мотивы разрушения, боли, страданий, которые впоследствии сменяются мотивами ностальгии и

воспоминания. Тон стихотворений эволюционирует от сатирического к лирическому. В соответствии со сменой основных мотивов изменяется и настроение лирического героя. В более ранних стихотворениях сборника преобладает настроение озлобленности, обиды, ужаса. Позднее приходит настроение ностальгии, тихой грусти, влюблённости в прошлое.

Намеченная в первом эмигрантском сборнике тенденция перехода от сатиры к лиризму усиливается в следующем сборнике «Накинув плащ». В него вошли стихотворения 1926–1928 гг. Мотив ностальгии можно выделить в этом сборнике как основной и наиболее частотный. При этом стоит отметить, что в стихотворениях 1928 г. мотив ностальгии является боковым, в то время как доминирует мотив прославления будущего. Стихотворения 1927 г. можно обозначить как переходный период в творчестве писателя. Для них характерна тихая грусть, далёкая от отчаяния, приближающая к просветлению. Впоследствии происходит переход к оптимизму и прославлению жизни. Злая сатира стихотворений 1920–1921 гг. сменяется лёгкой иронией и лиризмом в произведениях 1926–1928 гг.

В более поздних сборниках «Нескучный сад» и «В те баснословные года» мотив ностальгии по-прежнему остаётся одним из наиболее частотных, но редко бывает основным, выступает чаще в роли вторичного. Сборник «Нескучный сад» представляет собой описание жизни русских эмигрантов в Париже, в связи с чем мотив эмигрантской жизни в нём доминирует. На него нанизываются боковые мотивы потерянности молодого поколения, поиска жизненного пути. Желая отвлечься от настоящего, лирический герой обращается к прошлому, вспоминает Россию. Так, в стихотворениях сборника появляются мотивы ностальгии и воспоминаний, которым сопутствуют мотивы утраченной молодости, былого счастья, потерянного дома и уюта. Произведения о России и эмиграции отличаются по характеру и настроению: искренность и лиризм противопоставлены злободневности и иронии соответственно.

Последний сборник стихов Дон-Аминадо «В те баснословные года» определяется как итоговый в рамках всего творчества писателя. Стихотворения приобретают исповедальный характер и лиризм. Дон-Аминадо снова обращается к прошлому. Но теперь в центре его внимания не личные воспоминания о прежнем доме и уюте, ему интересна история России. Большинство стихотворений отличается сатирическим характером: автор пытается охарактеризовать основные вехи российской истории начала XX в. или обращается к беспощадному высмеиванию советского быта. Лирические стихотворения о России в этом сборнике оказываются единичными.

В результате анализа мотивной структуры эмигрантской лирики Дон-Аминадо в контексте культурно-исторического среза эпохи первой волны эмиграции, установлено, что прослеженная эволюция основных мотивов обусловлена влиянием литературных традиций обозначенной эпохи. В начале 1920-х гг. память о России была ещё слишком свежа, многие писатели-эмигранты надеялись на будущее возрождение страны, видели в своём творчестве особую миссию по сохранению духовных ценностей русской культуры. В связи с этим мотив ностальгии оказывается доминирующим в произведениях Дон-Аминадо данного периода. В 1930-е гг. происходит самоидентификация в эмигрантской среде: в своём творчестве многие писатели обращаются к теме эмиграции, а также к культуре СССР, теперь Россия воспринимается не как идеализированная утраченная Родина, а как советская страна. Этим историко-литературным контекстом был обусловлен переход в творчестве Дон-Аминадо к развитию нового мотива – эмигрантской жизни.

Подводя итог исследования, можно отметить, что в ранних эмигрантских сборниках преобладали мотивы ностальгии, воспоминаний, притяжения жизни, обновления, веры в светлое будущее; в поздних сборниках прослеживается чёткая тенденция перехода от этих мотивов к мотивам эмигрантской жизни, бессмысленности существования в эмиграции,

потерянности молодого поколения, идеализации быта, неприятия советской России. Выстраивается чёткая мотивная структура, организующая художественный мир Дон-Аминадо и базирующаяся на двух лейтмотивах – ностальгии и эмигрантской жизни. Полученные в результате исследования выводы уточняют и углубляют наши представления о литературном процессе данной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918-1996). М.: Терра. Спорт, 1998. 543 с.
2. Агнивцев Н. Я. Блистательный Санкт-Петербург. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. М.: Книга, 1989. 63 с.
3. Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные заметки. («Последние новости» 1928-1931). СПб: Алетейя, 2002. Кн. 1. 786 с.
4. Анзикеев В. Чужая душа – Потёмкин // Шахматное обозрение. 2007. № 11 (1081). С. 56-57.
5. Арзамасцева И. Н. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 576 с.
6. Баевский В. С. История русской литературы XX века: Компендиум. М.: Языки славянской культуры, 2003. 448 с.
7. Баевский В. С. История русской поэзии: 1730-1980. Компендиум. М.: Новая школа, 1996. 320 с.
8. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи. М.: Художественная литература, 1980. 742 с.
9. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. Т. 4: В раздвинутые дали: Поэма о России; Гимны, песни и замысле древних; Марево. 464 с.
10. Бахрах А. В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 592 с.
11. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 504 с.
12. Безобразов А. Слабое эхо Саши Чёрного // Столица. 1995. № 12. С. 57.
13. Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М.: Просвещение, 1964. 478 с.

14. Бем А. Л. К уяснению историко-литературных понятий // Известия Отделения русского языка и литературы академии наук. 1918. - Т. 23. кн. 1. - СПб., 1919. - С. 225-245.
15. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с.
16. Библейская энциклопедия. Л.: репринт, 1991. 902 с.
17. Благой Д.Д. Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 516 с.
18. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. В 2 т. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1972. Том 2 1908-1921. 464 с.
19. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. т. XXII. 480 с.
20. Брызгалова Е. Н. Дон Аминадо – сатирик //Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы XIII Тверской межвузовской конференции учёных-филологов и школьных учителей. Литературоведение. Тверь, 1998. С. 54-55.
21. Брызгалова Е. Н. К истории формирования медиаконцептов в русской эмигрантской журналистике (на материале публицистики Дон-Аминадо) // I Международная научно-практическая конференция «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» (Белгород, НИУ БелГУ, 1 - 4 апреля 2014 г.). Сборник научных работ. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. С. 23 - 31.
22. Брызгалова Е.Н. Концепт «Париж» в эмигрантской поэзии Дон-Аминадо // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Выпуск 3. С. 20-29.
23. Брызгалова Е.Н. Русская сатира и юмористика начала XX века. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 203 с.
24. Брызгалова Е. Н. Творчество сатириконцев в литературной парадигме серебряного века. Тверь: Издатель Алексей Ушаков, 2006. 320 с.
25. Брызгалова Е. Н. Урбанистический мотив в поэзии сатириконцев // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». Выпуск 1, 2010. № 1. С. 34–38.

26. Брызгалова Е. Н. Фельетоны Дон-Аминадо в парижской газете «Последние новости» // *Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies*. 2014. Vol. 20. № 1. P. 158–167.
27. Брюсов В. Я. Сочинения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 575 с.
28. Бунин И. А. Избранные произведения. М.: Панорама, 1991. 734 с.
29. Бунин И. А. Публицистика 1918-1953 годов. М.: Наследие, 1998. 640 с.
30. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учеб. Пособие. М.: Высш. Шк., 2009. 365 с.
31. Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. 544 с.
32. Введение в литературоведение / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2006. 680 с.
33. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: УРСС, 2004. 648 с.
34. Витковский Е. В. Возвратившийся ветер // «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990: В 4 кн. Кн. 1. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 5-36.
35. Волошин М. Собрание сочинений. М.: Эллис Лак 2000, 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926. 608 с.
36. Волщуп А. Маленькая жизнь с большой буквы // Книжное обозрение. 1994. №50 (13 дек.). С. 11.
37. Воробей Е. Субъективно и афористично // Книжное обозрение. 2000. №36 (4 сент.). С. 10.
38. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.
39. Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. 480 с.
40. Гаспаров М. Л. Русские стихи начала 1890-х-1925го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. 272 с.

41. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
42. Герасимова И. Ф. Первая мировая война в поэзии русских футуристов 1914–1918 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2012. № 4. URL http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2353/gerasimova2013_1.pdf.
43. Герасимова И. Ф. Имперские мотивы в русской лирике периода Первой мировой войны // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 2. С. 10-19.
44. Гёте И. В. Об искусстве. М.: Искусство, 1975. 623 с.
45. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
46. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1979. 224 с.
47. Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедии. Драматические сцены. Стихотворения. Путевые заметки. М.: Рипол Классик, 2007. 432 с.
48. Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 632 с.
49. Дарк О. Неудавшийся эксперимент // Поэзия русского зарубежья. М.: СЛОВО / SLOVO, 2001. 800 с.
50. Державин Г. Р. Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма. Л.: Художественная литература, 1987. 504 с.
51. Державин Г. Р. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1982. 256 с.
52. Доманский Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь, 2001. 94 с.
53. Дон-Аминадо. Дым без отечества. Париж: русское книгоиздательство в Париже «Север», 1921 г. 101 с.
54. Дон-Аминадо. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 33. М.: ЭКСМО, 2004. 464 с.
55. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1994. 768 с.

56. Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. 336 с.
57. Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны». О национальных проблемах и судьбе России. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. 216 с.
58. Дроздов А. Дон-Аминадо. «Дым без отечества» // Русская книга. Берлин, 1921. № 6. С.11-12.
59. Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. 454 с.
60. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 438 с.
61. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 496 с.
62. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407 с.
63. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. 664 с.
64. Запевалов В. Н. Дон-Аминадо // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. В 3-х т. Том 1. С. 643-646.
65. Зобнин Ю. Стихи Гумилёва, посвященные мировой войне 1914-1918 годов (военный цикл) // Николай Гумилёв: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. 679 с.
66. Зобнин Ю. В. Поэзия белой эмиграции. СПб.: СПбГУП, 2010. 256 с.
67. Иванов А. «И как любил он – ненавидя!»: к 110-летию со дня рождения поэта Дон-Аминадо // Русская мысль. 1998. № 4241 (15-21 окт.). С. 13.
68. Иванов А. С. Русский ковчег. Муза Саши Черного в эмиграции // Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932. С. 5 – 22.
69. Иванов Г. В. Собрание сочинений в 3х т. М.: Согласие, 1993. Т. 1. Стихотворения. 656 с.

70. Калашников С. Б. Георгий Иванов // Литература русского зарубежья (1920-1990). М.: Флинта: Наука, 2006. С. 173-187.
71. Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 512 с.
72. Коровин В. И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1994. С. 3-38.
73. Костиков В. В. Не будем проклинать изгнанье... (Пути и судьбы русской эмиграции). М.: Междунар. отношения, 1990. 464 с.
74. Краснов Г. В. Мотив в структуре прозаического произведения // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сборник. Горький: Издательство ГГУ, 1980. с. 69-81.
75. Краткая литературная энциклопедия в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т.4: Лакшин-Мураново.
76. Крейд В. Поэзия первой эмиграции // Ковчег: Поэзия первой эмиграции. М.: Политиздат, 1991. 511 с.
77. Кузьмичева Н. В. Мотив сна в поэзии русских символистов: на материале поэзии Ф. Сологуба. Дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2005. 176 с.
78. Лермонтовская энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1999. 784 с.
79. Литература русского зарубежья (1920-1990) / Под ред. А.И. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2006. 640 с.
80. Литература русского зарубежья 1920-1940 / Под ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 1993. 335 с.
81. Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918-1940. М.: РОССПЭН, 1997. Т.1: Писатели русского зарубежья. 512 с.
82. Литературное зарубежье России: энциклопедический справочник. М.: Парад, 2006. 680 с.

83. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с. URL: http://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=74.
84. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. 704 с.
85. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство-СПБ», 1996. 848 с.
86. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
87. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. Стихотворения. 808 с.
88. Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Выпуск 5: Сюжеты и мотивы русской литературы. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 264 с.
89. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 1912–1917. 464 с.
90. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 12. Статьи, заметки, стенограммы выступлений. 716 с.
91. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Институт высших гуманитарных исследований, 1994. 134 с.
92. Микушевич В. Поэтический мотив и контекст // Вопросы теории художественного перевода. М.: Художественная литература, 1971. С. 6-80.
93. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 432 с.
94. Музыкальная энциклопедия в 6 т. М.: Советская энциклопедия: Советский композитор, 1976. Т.3: корто-октоль. 695 с.
95. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 480 с.
96. Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920 – 1990: В 4 кн. М.: Моск. рабочий, 1995.

97. Николукин А. Н. Русское зарубежье и литература // Русское литературное зарубежье. Сборник обзоров и материалов. Выпуск 1. М., 1991. С. 5-12.
98. Никоненко С. Последний сатириконец // Дон-Аминадо. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 33. М.: ЭКСМО, 2004. С. 12-20.
99. Одоевцева И. На берегах Сены. М.: Художественная литература, 1989. 336 с.
100. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
101. Орехов Б. В. Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф.И. Тютчева. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 177 с.
102. Павлов И. О русском уме // Литературная газета. 1991. 31 июля. № 30 (5356). С. 7.
103. Полторацкая С. И. Мотив «потерянной» России в эмигрантском творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелёва. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 219 с.
104. Поэзия русского зарубежья / Сост., предисл., коммент. О.И. Дарка. М.: СЛОВО / SLOVO, 2001. 800 с.
105. Поэты «Сатирикона». Л.: Советский писатель, 1966. 364 с.
106. Пробштейн Я. Э. Мотив странствия в поэзии О. Э. Мандельштама, В. В. Хлебникова и И. А. Бродского. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. 170 с.
107. Пропп В. Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки (собрание трудов В.Я. Проппа). М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
108. Путилов Б. Н. Веселовский и проблема фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского: исследования и материалы. СПб.: Наука, 1992. С. 74-85.
109. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 141-155.

110. Пушкин А.С. Сочинения в 3 т. М.: Художественная литература, 1985.
111. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
112. Роцин Ю. В. Эмиграция в судьбе России (Очерки истории российской эмиграции – кто, когда и почему покидал Россию). М.: Авангард, 2009. 224 с.
113. Русские писатели XX века: Биографический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия; Рандеву-АМ, 2000. 808 с.
114. Русские писатели. XX век: биобиблиографический словарь: в 2 ч. М.: Просвещение, 1998. Ч.1: А-Л. 784 с.
115. Русские писатели: биобиблиографический словарь в 2 ч. М.: Просвещение, 1990. Ч.1: А-Л. 429 с.
116. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.
117. Седых А. Далёкие, близкие. М.: Моск. рабочий, 1995. 320 с.
118. Силантьев И. В. Мотив в системе художественного повествования. Проблемы теории и анализа. Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 2001. 236 с.
119. Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
120. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999. 104 с.
121. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.
122. Скрябина Т. Литература русского зарубежья. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZHNYA.html.
123. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С – Я. 1988. 800 с.

124. Слюсарева И. Рецензия на книгу воспоминаний Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» // Новый мир. 1993. №1. С. 249-250.
125. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М.: Издательство МГУ, 1991. 184 с.
126. Сологуб Ф. Собрание сочинений. М.: НПК «Интелвак», 2004. Т. 8 (дополнительный). Соборный благовест: Стихотворения. Ярый год: Рассказы. Сочтенные дни: Рассказы 608 с.
127. Сологуб Ф. К. Творимая легенда. М.: Современник, 1991. 572 с.
128. Спиридонова Л. А. Бессмертие смеха: комическое в литературе русского зарубежья. М.: Наследие, 1999. 336 с.
129. Спиридонова Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века, М.: Наука, 1977. 303 с.
130. Спиридонова Л. А. Сатира русского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наследие, 1994. С. 52-57.
131. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М.: Русский путь, 1996. 448 с.
132. Тamarченко Н. Д. Теоретическая поэтика: хрестоматия-практикум. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 400 с.
133. Теория литературы в 2 т. / Под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
134. Тешкина А. Весёлый пессимист // Книжное обозрение. 2001. № 3 (22 янв.). С. 14.
135. Тиботкина Н. А. Мотивная структура лирики Саши Чёрного. Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010. 168 с.
136. Тименчик Р., Хазан В. «На земле была одна столица» // Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2006.
137. Толкачев К. А. Художественный мир прозы Дон-Аминадо. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 153 с.

138. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
139. Тэффи. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 12. М.: ЭКСМО, 2007. 544 с.
140. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.
141. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. №2. С. 52-54.
142. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, Ленинградское отделение, 1987. 446 с.
143. Усенко Л. Его ценил Бунин // Дон. Ростов-на-Дону, 1990. № 1. С. 172-175.
144. Фёдоров В. Д. Послесловие к репринтному изданию // Агнивцев Н.Я. Блистательный Санкт-Петербург. Репринтное воспроизведение издания 1923 г. М.: Книга, 1989. 63 с.
145. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 124 с.
146. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
147. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 398 с.
148. Хачатурян В. М. Истоки русской революции в оценке эмиграции 20-30-х гг. XX в. // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. С. 88-94.
149. Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник: Избранное. М.: Советский писатель, 1991. 683 с.
150. Ходасевич В. Ф. Литература в изгнании // Колеблемый треножник: Избранное. М.: Советский писатель, 1991. С.466-472.
151. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906 – 1922. 592 с.

152. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. 656 с.
153. Хомяков А. С. полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1900. Т. 4: Трагедии и Стихотворения. 424 с.
154. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2: Стихотворения. Переводы. 592 с.
155. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. 800 с.
156. Целкова Л. Н. Рецензия на книгу Дон-Аминадо «Наша маленькая жизнь» // Филологические науки. 1995. №12. С. 57.
157. Чёрный С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905-1916. М.: Эллис Лак, 1996. 464 с.
158. Чёрный С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917 – 1932. М.: Эллис Лак, 1996. 496 с.
159. Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. 319 с.
160. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.
161. Ян Ван дер Энг. Искусство новеллы. Образование вариационных рядов мотивов как фундаментальный принцип повествовательного построения // Русская новелла: Проблемы истории и теории: сборник статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 1993. С. 195-209.
162. Янгиров Р. «Самосуд эмиграции» и его автор: о литературном наследии А.П. Шполянского (Дон-Аминадо) // Литературное обозрение. 1996. № 3. С. 92-97.
163. Ярхо Б. М. Методология точного литературоведения (набросок плана) // Контекст-1983: сб. М.: Наука, 1984. С. 197-237.